
11

НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Вардван Варжапетян

МОСКВА
1994

ISBN 5-7270-0012-2

СПАСИБО ВАМ,
ВЫ ОЧЕНЬ ПОМОГЛИ ВЕСТНИКУ "НОЙ"

Юрий
АВАКЯН

Александр
АЛАВЕРДЯН

Жорес
АРУСТАМЯН

Надежда
БАНЧИК

Лора
БЕЛАЯ

Владимир
ГИРШОВИЧ

Даниил
ДОМБРОВСКИЙ

ИРИНА и КАРЕН

Паруйр
ИСАГУЛИЕВ

Татьяна
КАЛЕЦКАЯ

Александр
КАНЦЕДИКАС

Зара
НАЗАРЯН

Альберт
ПОЛЯКОВСКИЙ

Александр
СТЕПАНЕНКО

Анатолий
СТРЕЛЯНЫЙ

Валерий
СУББОТИН

Роза
СУББОТИНА

Михаил
ТЮТЮННИКОВ

Роман
ЧАЙКОВСКИЙ

Борис
ШАПИРО

Марк
ФРЕЙДКИН

ГЕВОРГ ЭМИН

* * *

Моя земля – песчинка меж земель,
Но нет земли загадочней, чем эта:
Величиной с ладошку колыбель,
А кладбище – величиной с планету ...

Перевел М. Рыжков

Богдан ГЕМБАРСКИ

ПИСЬМО МОЕМУ СТАРОМУ ТУРЕЦКОМУ ЗНАКОМОМУ

Твое письмо было для меня приятной неожиданностью. Мы уже отвыкли от переписки с вашей страной, так как твои соотечественники до сих пор без желания отвечают на письма, полученные из Польши, хотя, может быть, не всегда письма доходят до вас. Возможно, сейчас станут заметны постепенные изменения к лучшему, и твоя родина выйдет из числа тех 2-3 азиатских государств, которые вообще косо смотрят на Польшу.

В своем последнем письме ты выражаешь удовлетворение тем, что 1960 год стал сразу для стольких колоний годом освобождения, хотя твоя страна никогда не была колонией в полном смысле этого слова, а негры как таковые тебя не волнуют. В конце письма ты особенно радуешься тому, что Польша получила обратно свои старинные земли на Западе, однако забываешь сказать, что и поляки тебя мало интересуют.

Когда-то, много лет назад, ты посетил нашу страну. Мы оба в то время были довольно молоды и очень любознательны: тебя интересовала Польша, меня – твой народ, судьба которого много лет тому назад по предначертанию свыше так переплелась с нашей судьбой во вред нам обоим. Обычно так и бывает, когда два государства одновременно принимают за основу взаимоисключающие религии и после 240 лет взаимных убийств приходят к равновесию со счетом 0:0, к искренней радости соседей, для которых мы голыми руками и совместными усилиями таскали из огня каштаны.

Во всяком случае, мы оба имели достаточные исторические основания для взаимного интереса к нашим странам. Что касается меня, то я интересовался твоей родиной еще и по другой причине: я испытывал просто непреодолимую потребность взглянуть в глаза человеку, который должен был чувствовать ответственность за самое ужасное преступление, когда-либо совершенное людьми. На современном нищем языке (а это имело место до второй мировой войны) мы, увы, уже знаем, как это называется.

Мы познакомились в 1936 году. Самый главный наш разговор начался сразу. Я долго мучил тебя, и должен признать, что первое соприкосновение с тобой произвело на меня самое лучшее впечатление. Ты был очень красивым молодым человеком, достойным представителем своего народа, который (не так ли?) является самой красивой нацией Ближнего Востока – народа исламского Рима. К этому следует добавить, что ты был остроумен, умен и дружелюбен. Одним словом, ты был одарен всеми достоинствами, благодаря которым покоряются женские сердца и завоевывается вечная мужская дружба.

До сих пор помню, как ты побледнел, когда я спросил тебя о **том**; с карандашом в руках ты стал уточнять мой вопрос, обращаясь к помощи столбца бесконечно растущих чисел. Ты судорожно рисовал на бумаге все новые квадраты и не решался взглянуть мне в глаза. А потом пробормотал, что когда все это произошло, ты был ребенком. Конечно, какие-то обрывочные сведения достигли твоего слуха, но ты никогда не представлял, что **это** произошло именно **так**, и в эту минуту ты не в состоянии отвечать, потому что нужно обо всем поразмыслить, все взвесить и понять...

После этого мы больше не встречались. Вероятнее всего, ты избегал меня до самого отъезда из Польши.

Прошло двадцать пять лет. Надеюсь, ты согласишься, что этого времени достаточно и на обдумывание всего вопроса, и на бесстрашные выводы. Тем более, что твой народ не участвовал ни в какой войне и не перенес таких общественных изменений, какие выпали на долю Польши, – обстоятельство, которое в определенной мере оправдывает мою собственную слабость.

Тем не менее, в твоем письме нет даже самого малого воспоминания о том серьезном разговоре, словно его вообще не было. Между строк я прочитал, что ты прекрасно помнишь, о чем мы тогда говорили и, называя преступными действия Эйхмана, осознано извиняешься предо мной. Но ты же ты хорошо знаешь, что Эйхман был только вашим учеником, и то, что он творил в 1942-1944 гг. с евреями, было повторением того, что содеяли твои соотечественники по отношению к армянам еще в 1915 г. А это была, прошу помнить, первая за всю историю человечества организация на научной основе запланированной "работы" – *уничтожение целого народа*. Эта до мелочей продуманная бойня абсолютно ничего общего не имела с неорганизованной деятельностью Абдул-Гамида в 1895-1896 гг., когда против армян были натравлены дикие орды курдов и подонки общества – тогда достигнуты были довольно "скромные результаты".

Во время резни 1915 года, которая продолжалась следующие пять лет, вплоть до уничтожения всех очагов сопротивления армян, очагов, которые находились в Киликии, Анатолии, вокруг озера Ван, в Сирии, русском Азербайджане и области Карс, – во время этой резни погибло три миллиона армян, что составило больше половины всего народа.

Избежали поголовной резни только те, кто находился за границей вашего государства. Возвращаясь к настоящему и учитывая численность на 1911 год, а также процент естественного прироста за последние полвека, в нынешнем 1961 году число армян должно было бы составить 10 миллионов человек, а их сегодня всего 4 миллиона.

Следовательно, убивая одного человека, убивают еще не родившиеся поколения – именно так и рассчитывали организаторы резни. Три миллиона убитых в 1915-1920 гг. за 40 лет превратились в шесть миллионов неродившихся. Около двух миллионов армян погибло в первый же год геноцида – в 1915 году, когда ваш министр внутренних дел Талаат-паша, официально заявив, что "нет армянского вопроса, так как нет никаких армян", стал гениальным предтечей Гитлера. А наставником в ремесле палача Эйхмана стал генералиссимус Энвар-паша, который, кстати, был обязан своей жизнью армянам – из русского окружения его освободили, к своему несчастью, армянские полки вашей армии. Талаат-паша и Энвер-паша – оба получили достойное наказание, хотя и слишком мягкое: первый был убит в Берлине пулей армянского студента (1921г.), второй – пулей русского солдата (1932г.).

Достоин позорного клейма третий погромщик – увы, это ваша интеллигенция, которая по собственной воле содействовала организованной пропаганде армянофобии в то время, когда простой народ, мусульманское духовенство и аристократия или вообще не участвовали в резне, или даже пытались спасти армян. Не знаю, можно ли найти во всей мировой литературе более потрясающую картину, чем рассказ Франца Верфеля о нескольких старых турках, которые тайком поднимались на гору Муса-даг к осажденным армянам, чтобы принести им немного еды. Только за это можно любить ваш народ, который был так оскорблен собственной интеллигенцией в трагические годы армянской резни.

К сожалению, нет у меня под рукой точных чисел, которые я одно время собирал для вас. Все мои заметки, относящиеся к этому вопросу, сгорели в огне Варшавского восстания, восстания, которое явилось очередным звеном в этом безумном ряду уничтожений, жертвами которых стали армяне, поляки, русские, евреи... Вынужден дать только сухое перечисление фактов, забытых общественностью.

Резня армян 1915 года, как и уничтожение евреев Эйхманом, в своей основе не имели характера побоища, они были представлены всего лишь как исполнение приказов и в результате – миллионы неизбежных ужасных смертей. По хорошо известной схеме, власти перво-наперво обнародовали приказ, согласно которому все армяне должны были покинуть дома в течение двух часов – для переселения на новое место. Разрешалось брать с собой только самое необходимое, оставив все имущество новым мусульманским жильцам; запрещалось пользоваться какими-либо транспортными средствами; никаких исключений не делали для старых, больных, детей, беременных женщин: Пеший исход под палящим знойным солнцем Анатолии сопровождался полицейскими с ружьями и кнутами. Если кто-нибудь из сердобольных турецких крестьян пытался дать армянам воды и был замечен, его тут же засекали кнутом или попросту убивали.

Если кто-нибудь из пленных падал, обессиленный (что случалось каждую минуту этого смертельного исхода с самого его начала), его или затаптывали насмерть, или убивали полицейские. За колонной тянулись банды преступников, которые с молчаливого согласия или разрешения полицейских грабили, убивали, крали молодых женщин и девушек, жестоко насиловали их и, опять-таки, убивали... Это полностью соответствовало инструкциям властей, суть которых сводилась к тому, что чем больше погибнет изгнанников в пути, тем лучше.

Во время этого ужасного исхода, когда колонна за какие-то два дня уменьшилась наполовину, от нее были отделены мужчины, которых погнали строить военные дороги, причем каждое "рабочее подразделение" должно было построить участок дороги длиной в два километра. После исполнения всех "рабочих" убивали.

Женщин, детей и стариков гнали дальше в пустыни Месопотамии, по дороге смерти. Верфель приводит слова турецкого офицера, посетившего арестованных: "Они уже были не люди, а призраки, ...призраки человекообразных обезьян, которые постепенно умирают, едят траву, воют от голода. Женщины в навозе моей лошади искали непереваренные зернышки овса".

Ежедневная смертность превышала десять тысяч. Отличается ли это хоть на волос от гитлеровских лагерей смерти? Может быть, только тем, что охранники этих лагерей имели право насиловать и девочек и женщин, и делали это, пока те не теряли человеческий облик. Вероятно, только в этом они были вполне свободны от расовых предрассудков.

Переселение охватило весь несчастный народ: от болгарских до иранских границ. Армянин, которого встречали вне концентрационного лагеря, "рабочих отрядов" или вне колонны, уничтожался на месте.

Расстрел ожидал тех, кто приютит армянина. В случае сомнений проверяли, обрезан он или нет. Точно так же, как во времена гитлеровской оккупации – с той лишь разницей, что у вас убивали необрезанных.

Солдат армянских полков, которые так героически сражались за жизнь Энвера-паши, именно по его приказу собирали в общие рабочие дружины, каждая из которых, как мы уже знаем, должна была выполнить только одно, но непосильное задание. После его выполнения вся группа уничтожалась специальной ротой палачей. Стамбул в то время был еще международным центром армянской и греческой культуры не менее, чем турецкой. По сути, это был город трех народов, причем армянская культурная среда превосходила другие на две головы. Здесь одно время творили Дурьян и Пешикташлян – самые крупные западно-армянские поэты, Байрон и Шелли христианского Востока. И за ними шли целые созвездия поэтов, прекрасных новеллистов и замечательных драматургов. Кто из этой плеяды дожил до 1915 года, встретил свою смерть в том кромешном году.

В то время на дороге уничтожения, в тюрьмах или концентрационных лагерях погибли Григор Зограб, Ерванд Смракешанелян (Ерухан), Рубен Зардарян и десятки других известных писателей, артистов, музыкантов. Гениальный композитор и собиратель народных песен Комитас чудом остался жив, навсегда потерял рассудок. Умер он в парижском доме для душевнобольных в 1935 году, после 20 лет сумасшествия.

Продолжение похода носило совершенно другой характер: началось уничтожение всех армян, которые под тем или иным предлогом избежали высылки. Прежде всего это были те, кто оказался в тех центрах сопротивления, где осажденным армянам иногда поступала помощь от французов, англичан или русских. Так было в Киликии и в окрестностях озера Ван.

После прихода к власти Керенского русский фронт распался и резня как пожар распространилась на новые территории: Азербайджан и Русскую Армению. Ваши войска двигались вперед, полностью уничтожая армянские деревни, и складывали из трупов мосты через горные реки для переправы своих пушек. За этим последовали ужасные погромы в Баку и кровавая борьба с дашнаками, что было практическим продолжением исхода армян в 1915 году.

Последний захват русскими войсками Еревана (1920 год, осень) на самом деле спас от вас последние остатки армянской земли, но одновременно без единого выстрела отдал вам половину Русской

Армении (Карскую область) вместе с Араратским предгорьем, которая фактически никогда не принадлежала вам.

В это время у вас появился повод округлить ужасное число замученных армян (3000000), о котором я писал выше. В скобках скажу, что эти последние территориальные захваты принесли вам мало пользы. Приблизительно два года тому назад я проезжал вдоль современной армяно-турецкой границы и за целых два часа этого путешествия не заметил на вашей стороне ни одного живого существа. Плотно заселенную страну вы превратили в совершенную пустыню, мертвую и отвратительную, как забытое и поруганное кладбище. Неужели для того уничтожили законных жителей этой страны, чтобы вопреки божеским и человеческим законам назвать ее "Турция" и сжечь?!

Прости, что надоел тебе описанием событий, имевших место несколько десятков лет тому назад, тем более что из приведенных фактов большая часть должна тебе быть известна хотя бы по роману Франца Верфеля "Сорок дней Муса-дага" или из сведений, сообщенных мной 25 лет назад. Ты, видимо, согласишься, что 3000000 убитых и 6000000 неродившихся – внушительное число, вполне достаточное для того, чтобы еще раз уделить этому вопросу немного твоего драгоценного времени.

Но для чего я говорю все это, если меня не может оправдать даже годовщина этого ужаса. Ведь страшный юбилей вашего позора будет только через 4 года, т.е. в 1965 году. Постараюсь последовательно ответить на твой вопрос, и мой ответ будет составлять самую важную часть письма.

По всей вероятности, ты знаешь, что XX век начался не ночью 1 января 1901 года, а только через несколько лет, а именно летом 1914 года, так же как XIX век начался лишь после битвы при Ватерлоо – в 1815 году. Такая перемена годовщин проистекает из того простого факта, что течение времени не может точно войти в календарные рамки.

Каждый век имеет свое четкое лицо. XX век отличается от предыдущих тем, что является веком самых крупных преступлений и самых крупных расплат.

Самые жуткие преступления – убийства людей, т.е. попытки мучительного уничтожения народов, которые, к счастью, до сегодняшнего дня никогда не увенчивались полным успехом. Первая попытка такого преступления, осуществленная на 60 процентов, совершилась по истечении первого года века, т.е. в начале лета 1915 года. Это называлось "окончательное решение армянского вопроса". Такое же "окончательное решение еврейского вопроса" пытались

осуществить (и, увы, осуществили в большей степени) гитлеровцы, немцы. "Окончательное решение" польского и русского (может быть, вообще славянского) вопросов, без сомнения, входило в гитлеровскую программу и осуществлялось в концентрационных лагерях и тюрьмах. Знаю, что некоторые из поляков, французов, даже англичан и американцев в это же время совершенно серьезно думали о "решении германского вопроса", что также было преступной мыслью, хотя и оправданной в тот период психологически. Одновременно украинские националисты "решали польский вопрос" Волыни и в Варшаве, а усташи в Хорватии "решали сербский вопрос".

А неужели ужасная резня индусов и мусульман, которая вспыхнула в самом начале освобождения Индии и Пакистана, не являлась наивным опытом "окончательных решений"?

Самое страшное в человеческом обществе – это признание целесообразности попрания моральных заповедей, после чего любое преступление считается деянием совершенно нормальным.

Первым на эту страшную дорогу в XX веке, увы, вступил твой народ, но это обстоятельство не оправдывает фашизм и не снимает ответственности с рядовых исполнителей преступлений. Тем более, что многие из них, вероятно, даже не знали об истреблении армян. Просто воздух уже был отравлен взаимной ненавистью, которая распространялась как чума, как ужасный смрад невесть откуда, может быть от праха незахороненных армян.

Тем не менее, в тот момент, когда я в первый раз сообщил тебе обо всем этом, я, конечно, не представлял, что моя собственная родина когда-либо станет местом не менее грозных событий, чем те, о которых мы говорили, но понимал, что цепь преступлений прервется еще не скоро.

Одновременно XX век в истории – век самых больших возмездий. Ты сам обращаешь внимание на это в своем письме, хотя слово *Возмездие* не употребляешь. Неужели только факт освобождения большинства колониальных народов представляется тебе историческим чудом?

А возвращение наших западных земель, земель, на которых поляков уничтожали тысячу лет – причем, без ужасающей резни? Неужели это не есть грозное предупреждение для всех, кто думает, что достаточно уничтожить людей, чтобы стало возможным навечно захватить их земли. Хотя во время Нюрнбергского процесса и сотни других процессов была осуждена лишь часть военных преступлений, однако это явилось значительным актом возмездия.

Постепенно становится привычным понятие *коллективной вины*, которое ни в коей мере не то же самое, что *коллективная ответственность.* Явление большой расплаты происходит в тех странах, которые играют главную роль в послевоенном мире. Русские вернули из ссылки твоих единоверцев из Северного Кавказа: балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей. Южно-Африканский союз выставлен из Британского содружества за апартеид. Только немногие страны до сих пор не осознали, что XX век переживает перелом и что на смену эпохе величайших преступлений приходит пора возмездий, которые, независимо от причин политэкономического характера, имеют некоторые черты произвола.

Не исключено, впрочем, что ответственные политические деятели, действуя под давлением общественного мнения, даже не осознают, насколько мощно действует это общественное мнение, основанное только на моральных принципах.

Однако некоторые общества продолжают игнорировать действительность, надеясь, что общественное мнение не может их коснуться. Южно-африканцы убеждены, что черный и дальше будет служить белому. Португальцы простодушно верят в то, что их колониальная империя останется в сохранности, хотя весь старый мир рушится. И вы, в свою очередь, предполагаете: так как замученные составляют 60 процентов населения какого-то народа, а остальные рассеялись по всему миру, значит, эта страна перестала быть колонией и ее можно просто считать частью собственной территории – в качестве награды за истребление этого народа.

Однако позволю себе спросить, почему уничтожение армян должно вознаграждаться, если точно такое же истребление поляков и евреев официально признано преступлением против человечества? Или несчастные армяне хуже нас и евреев?

Знаю, что это письмо не дойдет до тебя, хотя бы по той простой причине, что ты не читаешь польскую прессу. В лучшем случае один из ваших докладчиков ножницами вырежет это письмо из газеты и внизу подпишет "вражеская пропаганда", хотя это бессмысленно, так как я всегда был и остаюсь искренним другом вашего народа и, что самое главное, до сегодняшнего дня не потерял веры в него, и лишь поэтому пишу свое гневное и грустное письмо.

Только в это мгновение оно адресовано уже не тебе, так как ты не оправдал возложенные на тебя надежды, не найдя в себе достаточно силы и мужества, чтобы на твоей родине возвысить голос в защиту замученного народа. Поэтому мое письмо адресовано тем, кто является правдивой совестью вашего народа: вашим литераторам, артистам и

учителям, завоевавшим международное признание турецким ученым, воспитателям молодежи и доброжелателям.

Знаю, что в лучшем случае до вас дойдут отклики на мою статью, которые появятся в мировой прессе, или, может быть, до вас дойдет содержание моей статьи в изложении ваших европейских друзей.

Конечно, этого ничтожно мало, но результаты могут быть плодотворны. Случается, что слабый отблеск (ведь мир, несмотря на кажущуюся забывчивость, все еще помнит армянскую трагедию) может зажечь много других источников света, настолько ярких, что даже ты заметишь их.

Я заинтересован именно в этом. Отныне ты сам в своем отечестве должен стать защитником до сего дня рассеянных по всему миру армян. Именно по той причине, что твои сородичи отняли у них из-под ног армянскую землю вместе с 3000000 жизней.

Я не турок и не армянин, поэтому не считаю себя вправе указывать конкретные способы возмездия, на это имеют право армяне. Однако знаю, что в наш сегодняшний исторический период самоосвобождения угнетенных народов и захваченных стран этот вопрос будет поднят и без вас.

Но именно для вас выгоднее, если вы сами станете прокурорами и судьями – вместо того, чтоб оставаться только подсудимыми.

Не могу понять твое безразличие до сей поры к этому преступлению, которое уже сорок шесть лет тяготеет над вами. Не понимаю, как в этих условиях может жить целый народ, любить свою родину, смеяться и радоваться, читать книги, рожать детей. Мне кажется, что именно такой вид имело бы немецкое общество, если бы Гитлер победил во второй мировой войне. Но в этом случае весь мир стал бы сумасшедшим домом. Но ведь вы-то живете в нормальном!

Когда-то перед войной я прочитал новеллу болгарского писателя о том, как болгарские разбойники на глазах у матери замучили турецкого ребенка. Почему этот болгарин имел смелость написать о малоизвестном факте, бросив пятно на свой народ, тогда как для ваших новеллистов вопрос об истреблении армян навсегда закрыт постыдным молчанием, если не абсолютным пренебрежением, почему?

Просто не могу себе представить, что на вашем языке могут появиться воспоминания какой-нибудь армянской Анны Франк, несмотря на то, что в те ужасные годы вы убили по меньшей мере один миллион девочек и юных женщин, которые для Востока того времени были довольно образованны.

Даже классическая книга Франца Верфеля, как мне известно, находится у вас в списках запрещенной литературы.

То, о чем я написал в своем письме, таит нерешаемую психологическую задачу, над которой я безрезультатно мучаюсь многие годы. И уверяю тебя, не я один. Мою боль разделяют все, кому не безразличны честь и доброе имя турецкого народа.

1961

Пер. с польского Н.Н.

Богдан ГЕМБАРСКИ (1905-1978) – *польский общественный деятель, востоковед, публицист, переводчик. Окончил Варшавский институт живых восточных языков. В годы второй мировой войны боролся против фашизма, был одним из организаторов Варшавского восстания (1944), после поражения которого был заключен в концентрационный лагерь. После войны занимался активной общественной деятельностью, был редактором ряда журналов и газет.*

Освальд ЛЕВЕТТ

PAPILIO MARIPOSA

роман

Это случилось несколько лет назад в Венеции, в воскресный день уходящего лета. Служба в соборе Сан-Марко подошла к концу, и понемногу вся площадь перед ним заполнилась присутствовавшими на мессе. Пестрая, ласкающая глаз картина: американские моряки в белых шапочках со стоявшего на рейде корабля прогуливались неторопливо, вразвалочку; хрупкие венецианки, потупив очи, семенили в изящных туфельках на высоких каблуках; степенные дородные немцы; длинноногие шведки. Фашистские центурии маршировали, распевая "O, bellezza giovinezza"* .

Мы с Дезире сидели в кафе "Флориан", впитывая в себя красоту всего окружающего.

Праздничная суета на площади, толпы гуляк, строгие и изящные колоннады, крытые портики, золотая мозаика собора. А вдали – море, в солнечном свете волны отливали изумрудом и перламутром. По нежно-лазурному небу легкий ветерок подгонял серебристые облака.

Картина столь редкостная и упоительная, что сердце запечатлевает ее как незабываемые мгновения счастья. Ты смотришь и страдаешь, ты полон любовью.

И вдруг вся толпа как бы всколыхнулась. На всех языках раздались возгласы: "Смотрите туда!"– и все обратили свои взоры в одну сторону. Взгляды сотен людей были прикованы к южному углу Пьяцетты, где

* О, прекрасная юность (*итал.*).

возвышались две гранитные колонны: одна с мраморной статуей святого, другая с бронзовым крылатым львом.

И было чему удивляться! Крылатый лев стоял, как обычно. Но на другой статуе – что это, обман зрения, мираж? – такой же лев возлежал у ног святого.

Люди растерянно опускались на колени, крестились и славили чудо Господне...

Но тут произошло нечто еще более дивное. Пока воодушевленная толпа возводила очи горе, на площадь опустилась большая стая голубей, знаменитых голубей площади Сан-Марко, которых так обожают туристы. И вдруг лежащий лев поднялся, расправил крылья и легко слетел в самую гущу голубей. Пока потрясенные люди в панике разбегались кто куда, он растерзал двух или трех птиц, присел на задние лапы и исторгнул не то грозный рык, не то злобное шипение.

Но был ли это лев? Кому-то он показался огромной кошкой, другим напомнил датского дога – с крыльями. Мощными, кожистыми крыльями песчаного цвета.

Через несколько минут площадь окружили карабинеры, но ни один из них не решился выстрелить; офицер, командовавший ими, часто крестился и, не веря глазам своим, изумленно смотрел на это чудо... лев снова присел на задние лапы, оттолкнулся, взмыл ввысь и скоро исчез в лазурной вышине.

А теперь мне придется обратить повествование в не столь уж далекое прошлое. Итак, лето 1918 года, Албания.

Меня после ранения признали негодным к строевой службе и назначили аудитором – в Германии эта должность называется “советник военного суда”. Иными словами, я возглавил один из военно-полевых судов.

Служба в этой красивой, но диковатой и пораженной эпидемиями местности оказалась нелегкой. Австро-венгерские военные власти с непонятной, ничем не оправданной жестокостью преследовали местное население. Требования к боевым частям предъявлялись большие, а снабжение было никудышным, плюс скука и мерзкий климат. Неудивительно, что дисциплина разболталась, число дезертиров и перебежчиков росло.

Продолжительные занятия карательной юстицией угнетают людей со слабыми характерами, а рассудительных, думающих повсеместное попрание элементарных принципов человеческой справедливости доводят до отчаяния.

– Побольше строгости, господин капитан, – то и дело рычал на меня начальник дивизии, – побольше военного духа! Воздействуйте устрашением!

Пусть себе лает, думал я.

Кому польза от того, что какого-то бедолагу поставят к стенке и расстреляют только для того, чтобы зачитать потом приказ об этом во фронтовых частях? Расстреливать для примера? Жестоко и бесполезно.

Однажды поступил донос из маршевой роты: солдат обвинялся в подстрекательстве к неповиновению.

Ротный доложил командиру дивизии, что солдаты устали и недовольны, они доведены до такого состояния, что их и без этих разговоров невозможно будет поднять в атаку в случае чего, а здесь еще – этот болтун... Командир роты просил примерно наказать виновного. Генерал приказал ему повторить эти слова в моем присутствии.

– Вы сами все слышали, господин капитан, – заметил командир дивизии. – Надеюсь, на сей раз вы знаете, как поступить. Если же вы и сейчас не поймете... – о последствиях он многозначительно умолчал.

Да, на сей раз я был готов подчиниться, ничего не уточняя. И не из духа слепого повиновения, а потому что устал.

Война продолжалась уже четыре года, и конца ей не видно. Два года я проторчал в этой безотрадной глуши без отпуска, без надежды на то, что меня сменят. Бессмысленно и бесполезно уходили лучшие годы жизни. Ничто меня не радовало, ничто не приносило утешения. В чем черпать мужество и терпение? Служба удовлетворения не приносила, не было ни достойных дружеского общения людей, ни женщин.

Единственное утешение – письма от моей подруги Дезире. Я познакомился с ней, когда с ранением, больше досадным, чем тяжелым, попал в Вену. Она была сестрой милосердия в привокзальном военном госпитале. Там я ее и увидел впервые. Мне вовек не забыть ни того дня, ни ее облика...

Меня доставили в столицу прямо с поля боя с раздробленной ногой и несколькими засевшими в теле осколками. Позади остались ужасы битвы под Изонцо, ад смертельной круговерти. В сияющей праздности весеннего утра, в мирной суматошной сутолоке вокзального вестибюля я ощутил себя словно в раю.

И вот из этой небесной благодати ко мне спустился ангел милосердия: улыбающийся, утешающий и готовый помочь.

Сколь же чудовищно выглядел по сравнению с ней я! Исхудавший, кожа да кости, со спутанной клочковатой бородой, бинты в пятнах крови, мундир рваный, в грязи – ни дать ни взять посланец преисподней, представший пред светлым божеством. Я был не в силах отвести взгляда, я был смущен и очарован. И только насмешливые взгляды окружающих вывели меня из оцепенения.

По загадочному стечению обстоятельств меня почти сразу поместили в один из центральных венских военных госпиталей. Сгорая от нетерпения, я никак не мог дождаться, когда же мне, наконец, представится возможность встретиться с ней. Ради красавицы медсестры я был даже готов тайком бежать из госпиталя. Но охрана госпиталей подобных этому всегда неумолимо строга, и улизнуть мне удалось не раньше, чем через две недели.

Однако я не нашел Дезире. Из привокзального госпиталя ее перевели, а куда, неизвестно. Все недоуменно разводили руками. Но от дальнейших поисков я не отказался и через пару дней, с превеликим трудом, правда, все же узнал место ее новой работы и как мальчишка помчался к ней.

Разумеется, она совершенно забыла обо мне и даже не узнала. Тем более, что бороденку свою я сбрил и нарядился в новенький, с иголочки, мундир.

Я нашел какой-то жалкий повод, чтобы представиться. Ей это не понравилось, она хотела было отказать мне в знакомстве и послать ко всем чертям, но я остановил готовые сорваться с губ слова, молитвенно сложив ладони. Может быть, это и спасло меня. Бывают же такие судьбоносные жесты!

Дезире окинула меня испытующим взглядом, не зная, как поступить: то ли продолжать сердиться, то ли смягчить взгляд и улыбнуться? Мой испуг показался ей настолько искренним, а смущенность и неловкость настолько забавными, что природная сердечность превозмогла недовольство. Она согласилась встретиться со мной через несколько дней.

Мы не виделись с ней больше года. Несколько месяцев, которые я, выздоравливая, провел в Вене, пролетели слишком быстро. Да, меня признали негодным к строевой службе и назначили аудитором, но вернуться в Албанию все-таки пришлось.

Письма от Дезире приходили нерегулярно, поначалу раз в неделю, потом реже, и вот уже целый месяц ни строчки. Виновата полевая почта? Или Дезире?

Неизвестность мучила меня и заставляла страдать. Мое чувство было сильным, тем хуже для меня! Я у черта на куличках, женское общество мне недоступно, да и вряд ли я смог бы на ком-то остановить взгляд после Дезире... Но, конечно, я боялся и страшно ее ревновал – когда тебе под сорок, на свою мужскую привлекательность особенно рассчитывать не стоит. А она красавица, ей нет и двадцати, и уж где-где, а в офицерском госпитале за воздыхателями дело не станет.

Расследовать новое дело мне поручили, когда я пребывал не в лучшем настроении, – тем хуже для подсудимого!

Его звали Нафтали Маргошенес*. Уже одно только это имя ничего хорошего ему не предвещало.

Продолжительная депрессия и безотчетная тина тревоги засасывали меня все глубже, и потому предстоящее расследование – признаюсь честно – пришлось даже кстати: хоть какая-то перемена в моей утомительно-однообразной жизни, хоть какие-то эмоции! А вот в чем я ни за что не признавался себе, чего даже не осознавал – и это делает мне честь – так это дремавшего в глубинах моей души подлого желания сорвать зло на подвластном мне и беззащитном человеке.

Да, вот так и выносят приговоры. Человек человеку волк. Пусть каждый из судей, положа руку на сердце, признается, сколько лишних лет тюрьмы и каторги он вкатил только потому, что поругался с женой или ему изменила любовница. Да, вот именно, зачем придумывать более интересные ситуации? Ну, может, еще из-за того, что его коллега получил незаслуженное повышение.

К удивлению генерала, не ожидавшего от меня такой прыти, я тотчас дал согласие отправиться в расположение маршевой роты и на месте, по всей строгости произвести дознание.

Началось слушание дела. Заседателей выбрал сам командир дивизии. Он считал, что на этих офицеров он может вполне положиться.

Когда прозвучало имя обвиняемого – Нафтали Маргошенес, они переглянулись даже не посчитав нужным скрыть презрительные усмешки. Шутовская фамилия никак не вязалась с важностью дела и сразу придала разбирательству какой-то одновременно несерьезный и жутковатый смысл.

---

* Маргош (*иврит*) - дурак.

Обвиняемого ввели в зал. Я видел его впервые. Заседатели снова переглянулись, я тоже обменялся с ними понимающими взглядами при виде этой карикатуры на человека!

Как вообще взяли в армию этого хилого недомерка, ростом с пятнадцатилетнего подростка. Он стоял, скособочившись, длинные руки нелепо свисали почти до колен. А физиономия! Невообразимо широкий рот с вывернутыми слюнявыми губами, уныло приплюснутый нос, сужающийся кверху череп, редкая щетина на щеках и подбородке. Каждая черта в отдельности и то общее, что они составляли – было отталкивающим и вызывало неприязнь. Лишь глаза странным образом не соответствовали его внешности: темно-голубые, сияющие, незабываемо умные и усталые.

Начался допрос. Маргошенесу не сравнялось и двадцати, но ему можно было дать все сорок. Родился он в галицийском захолустье и якобы изучал в университете философию. Произношение сразу выдавало в нем польского еврея, голос у него был звучный, а говорил он как человек, получивший недурное образование и несомненно культурный.

Когда я задавал ему вопросы о его крамольных речах, он при упоминании некоторых приписываемых ему фраз о чем-то напряженно размышлял, некоторые же безусловно признавал своими. Я продолжал выспрашивать его: положим, он действительно употреблял лишь те выражения, которые сейчас признал; но как он, человек, давший присягу, посмел вести столь возмутительные речи?

Он совершенно спокойно ответил: ему, дескать, не было известно, что говорить правду запрещено. Мне сразу же передалось настроение заседателей: польский еврейчик, а какая спесь! Да уж не революционер ли он?

Свидетели один за другим подтверждали, что собственными ушами слышали подстрекательские речи. Я не исключаю того, что их кто-то обработал или, может быть, они сговорились сами – во всяком случае, их показания выстраивались в прочную цепь обвинений.

В защитники генерал определил юного офицера – гусара, блестящего австрийского аристократа, не имевшего ни малейшего представления о судопроизводстве. Совершенно ясно, какие цели его превосходительство при этом преследовал: неприязнь аристократа к евреям и полная его неспособность вести дело должны были до предела упростить вынесение самого сурового приговора.

Было любопытно наблюдать, как молодой офицер воспринял свою задачу вначале и какие перемены происходили в нем по ходу процесса. Когда он услышал имя обвиняемого и увидел его, то не мог скрыть, что

подзащитный ему неприятен, а сама порученная миссия отвратительна. Но постепенно в нем зародилось смутное предчувствие того, насколько трагично это нелепое, на первый взгляд, судилище, и он начал осознавать, что жизнь несчастного всецело зависит от его действий. И он, красавец гусар, с юношеским пылом бросился отбивать у судей этого отвратительного еврея. Как же он был обескуражен, поняв, что усилия его тщетны, слова скупы и неубедительны и помочь по-настоящему он не в силах. Воистину, картина получилась впечатляющая!

Вызов свидетелей закончился. Обвинитель – профессиональный юрист из Галиции, начал речь. При сложившемся положении его игра казалась беспроигрышной, он не упустил ни одной возможности натравить заседателей на подсудимого; умело используя их чувства, он требовал строжайше покарать трусливого еврея.

Получив слово, защитник вскочил с места, пунцовый от стыда и гнева, и произнес совсем не то, что от него ожидали.

– Высокий суд! Я прошу назначить вместо меня опытного защитника. Я новичок, и может случиться так, что обвиняемого расстреляют только потому, что я столь неумело защищаю его. Разве этого мало, чтобы я всю жизнь чувствовал себя убийцей? В конце концов, война длится уже четыре года, убитых больше чем достаточно. Этот бедолага и без того наказан жизнью и судьбой, может быть, он даже не понимал, какую чушь мелет. Да и кому есть дело до глупых слов какого-то еврея?! Я бы просто велел его хорошенько выпороть. Но расстрелять человека из-за нескольких необдуманных слов... Нет! Я не желаю иметь к этому никакого отношения.

И он сделал такое движение, будто двумя руками отодвигал от себя тяжелый камень.

Такая речь, на первый взгляд совершенно беспомощная, помогла подзащитному куда больше, чем предполагал бравый адвокат-гусар.

Я снова обратился к Маргошенесу:

– Обвиняемый, вам известно, каковы ставки в этой игре. Желаете вы что-нибудь сказать в свою защиту? Вы сожалеете о том, что говорили?

Он не ответил. А потом опустил руки, как безмерно уставший человек. Его тщедушное тело дернулось от сдерживаемых рыданий. Закрыв лицо ладонями, он, тихо и бессильно плача, как брошенное всеми дитя, произнес:

– Я не говорил ничего более страшного, чем сотни других, но их ни в чем не обвиняют. А здесь все против меня... потому что... я еврей... отвратительный еврей...

Лица обоих заседателей, сидевших справа и слева от меня, чуть смягчились, они стыдливо опустили глаза.

Судебное заседание закончилось, обвиняемого увели. И тут, в самый последний момент, произошло нечто странное.

Я уже хотел начать совещание с членами трибунала, когда в кабинет вошел фельдкурьер и, шагнув ко мне, вручил документы и почту – долгожданные газеты, а главное – о радость! – письмо от Дезире.

Документы могут подождать, только не письмо! Я попросил председательствующего объявить перерыв – под тем благовидным предлогом, что мне необходимо ознакомиться с документами: нет ли срочных предписаний? А сам конечно же набросился на письмо.

Все обстояло как нельзя лучше. Она меня любит, она по мне скучает! И мир сразу преобразился, вспыхнул яркими красками. Судья, призванный разбирать очередное дело, снова превратился в человека, которому переживания других не чужды.

Надо сказать, подсудимый чрезвычайно меня занимал. И не только в том смысле, в каком меня, естественно, интересует любой обвиняемый, судьба которого в моих руках. Чего стоит одно имя! Когда сто пятьдесят лет назад его предкам пришлось обзаводиться фамилиями, каждого называли в соответствии с тем, насколько тугим был его кошелек. И вот теперь бедняге приходится отдуваться. Да, тут удивительным образом переплелись человеческая злоба с шуткой природы – дурацкая фамилия в придачу к отвратительной внешности. Но как же сияют на этом лице фавна глаза серафима, сколько блеска и достоинства в речах этого тролля – такие подарки провидения получают лишь служители искусства, науки и богословия. Сколь нестерпимо должно быть проклятие судьбы для несчастного! И я испытал сильнейшее желание помочь ему.

Заседание военного трибунала длилось почти три часа. Не так-то просто спасти жизнь человека в нашем мире. Мне пришлось не столько преодолевать расовые предрассудки других офицеров – все они были людьми достаточно порядочными и рассудительными, чтобы отбросить их в сторону, – сколько убеждать их, что желание генерала, хотя и ясно высказанное, это еще не приказ.

Мне удалось добиться своего. Для вынесения смертного приговора необходимо, чтобы решение было принято единогласно. Но один из заседателей отказался проголосовать за расстрел. Он в ближайшее время переводился на другой фронт, и, значит, мог не слишком опасаться возможной мести его превосходительства. Итак, расстрела не будет, его заменят длительным заключением в крепости.

Не знаю, что произошло бы, случись мне предстать перед генералом с докладом о результатах судебного разбирательства. Однако наступление вражеских армий и эпидемия малярии пришли мне на

помощь. Я тяжело заболел, меня отправили в полевой госпиталь. И, наконец, в тыл...

Так я познакомился с героем моего рассказа. Впоследствии, когда случилось все то, что случилось, я не раз думал: прикажи я тогда расстрелять его, какой потерей для человечества это обернулось бы! Хотя нет. Его жизнь и его открытия – всего лишь краткий эпизод. Краткий и страшный.

Когда война закончилась, мне пришлось долго и кропотливо трудиться, чтобы прилично зарабатывать адвокатской практикой.

Служба в военно-полевом суде начала понемногу забываться, все связанные с ней переживания тоже. Встреча с подследственным, о котором я рассказал выше, представлялась мне маловероятной.

Но жизнь сводила нас снова и снова. До того часто, что я даже начал подумывать, уж не связаны ли наши судьбы какими-то мистическими узами?

Впервые я увидел его в зале суда и сразу узнал, но особого внимания на него не обратил, ибо целиком сосредоточился на своих обязанностях защитника. Среди многих, ожидавших меня у служебного выхода после окончания заседания, стоял и он. Мы лишь обменялись с ним взглядами, и я отметил про себя, как ужасно бедно он одет. Но вот он скрылся в толпе...

Потом, сидя в трамвае, заметил его на остановке продающим газеты. В одной руке пачка газет, в другой – толстенная книга; не отрывая глаз от книги, он выкрикивал названия газет – достаточно громко, чтобы можно было расслышать еврейское произношение.

Итак, жизнь отшвырнула его на обочину. Мое хваленое знание людей снова подвело меня: ведь я так много от него ожидал! Я решил узнать его адрес и передать с посыльным некоторую сумму.

Однажды поздно вечером я попал в район Тухлаубен. На углу одной из улочек, пользовавшихся дурной репутацией, стояли проститутки. И среди них – Маргошенес, который страстно уговаривал одну из них, не то упрашивая, не то торгуясь. Одна из проституток, втянув голову в плечи, встала на четвереньки и поползла, как черепаха. Другая дико размахивала руками, что-то хрипло выкрикивая. Остальные ржали, как лошади, и отпускали неприличные шуточки.

Неудивительно, что уговоры Маргошенеса успеха не имели. У шлюх свои понятия о чести и достоинстве. Та, которую он выбрал, – высокая красивая девица – презрительно сплюнула.

– Проваливай, вшивота еврейская, на тебя и глядеть-то страшно!

А я стоял в нескольких шагах и завороженно наблюдал за этой унизительной и, мягко говоря, неприглядной сценой. Но когда все закончилось, я предпочел поскорее удалиться. Маргошенесу незачем знать, что я был свидетелем его унижения. Я сгорал от стыда – за него, за себя и за все человечество. Возможно, это глупо и недостойно, но подсмотренная сценка долго не выходила у меня из головы. Я ничего не мог с собой поделать – если до тех пор я сочувствовал ему, то теперь он мне внушал лишь неодолимое отвращение, я презирал его.

Однако жизнь способна с совершенно неожиданной стороны осветить любое событие.

Я тогда писал роман и каждую свободную минуту посвящал творчеству. Пришла весна. Я отправился в Пратер, чтобы, гуляя по парку, поразмыслить над планом новой главы.

Работа продвигалась довольно успешно; достаточно долгий кризис, который и я и мое детище тяжело переживали, был наконец преодолен. Воображение, казалось, совсем иссякшее, вновь ожило. Родились новые идеи, и я был счастлив.

Захваченный своими мыслями, я оставил центральную аллею и оказался на одной из боковых дорожек, обсаженных высокими густыми кустами. Случайно подняв глаза, я увидел в нескольких шагах от себя Маргошенеса.

Он, как зачарованный, стоял на цветущей лужайке и не сводил глаз с царственной кроны громадного дерева. В его глазах светилось детское умиление, восхищение, даже восторг. Нет, я все-таки не ошибся – он действительно человек необыкновенный: изгой, нищий, силой обстоятельств вынужденный довольствоваться отбросами, в том числе и человеческими, – он, очутившись вдали от людей, наедине с природой, чувствует себя ее верным детищем, если не тайным властителем...

Когда я приблизился к нему, он испуганно вздрогнул, но, узнав меня, просветлел и протянул руку:

– Какая удивительная встреча!

Голос его был уверенный и даже немного насмешливый, но дружелюбный, теплый.

– Я тоже так считаю. Знаете, мне часто приходилось мельком видеть вас. Но это всегда были лишь детали достаточно своеобразного сюжета. Не сомневаюсь, что вас влекут к себе духовные ценности... Мне будет

интересно поговорить с вами, узнать, чем вы занимаетесь. Я считаю нашу сегодняшнюю встречу знаком судьбы, но о следующей мы договоримся заранее, чтобы не зависеть от нее хоть в этом. Навестите меня, и мы обо все поговорим.

Он с благодарностью принял мое приглашение. Мы распрощались.

Однако прошло несколько месяцев, пока слуга не передал мне в один прекрасный день визитную карточку. На ней значилось: ПАПИЛИО МАРИПОЗА.

Я уже закончил прием клиентов и велел слуге пригласить посетителя. Это был Маргошенес.

– Так это вы, – я обрадовался. – Мне бы и в голову не пришло. Честно говоря, весьма разумно с вашей стороны, что вы отказались от своей нелепой фамилии, ведь с ней у вас ничего, кроме неприятностей, и быть не могло.

Да, но почему вы выбрали фамилию МАРИПОЗА? Может быть, из-за созвучия – *Мар*гошенес, *Мар*ипоза? – спросил я, все еще рассматривая карточку.

– Вы угадали, – сказал Марипоза, присаживаясь напротив меня. – Та же метаморфоза произошла, между прочим, и с двумя скромными гусеницами "Кон" и "Поллак", от которых произошли дивной красоты бабочки "Кольберт" и "Поссарт". А Марипоза по-испански – *бабочка.* И мое новое имя – Папилио – то же самое означает по-латыни.

– Зачем вам бабочки? Неужели у вас так безмятежно на душе? Или вы желаете предупредить дам, что любите порхать с цветка на цветок?

Я внимательно оглядел гостя. Его внешность служила явным опровержением моих слов. Игривый тон оказался абсолютно неуместен. Я закусил губу, а потом проговорил:

– Извините меня за глупую шутку... Расскажите лучше, что с вами стало после военного трибунала?

Я усадил его поближе к камину, принес вино и сигары, и он начал свой рассказ. Говорил он просто, но с неподдельным чувством. Сначала генерал не утвердил приговор, который из-за моей внезапной болезни ему передали только на следующий день (как известно, решения военно-полевых судов должны приводиться в исполнение в трехдневный срок). Командир дивизии был взбешен и приказал немедленно, вечером того же дня, произвести повторное расследование. На сей раз беднягу наверняка приговорили бы к расстрелу, если бы слушание дела не было

прервано из-за сильнейшего артналета противника. Из штаба корпуса поступил приказ немедленно отходить на запасные позиции.

После страшных испытаний, полумертвый от истощения, ухитрившийся к тому же подхватить дизентерию, Маргошенес в конце концов попал в Вену.

Выздоровев, он вернулся к изучению естественных наук. Средства, необходимые для того, чтобы не умереть с голоду, он зарабатывал, работая посыльным, переписывая деловые бумаги, продавая газеты. Радовался, когда давал частные уроки. Спал в ночлежках, на парковых скамейках, под мостами. Голодал, мерз, ходил в рванье. Все его высмеивали, унижали, знакомые избегали встреч с ним.

Он признался, что много раз хотел прийти ко мне, чтобы поблагодарить: ведь он прекрасно понимает, что обязан мне жизнью... и даже рассказал, как в ожидании известного ему приговора он сидел в камере, как вдруг нашло на него наитие, и он совершенно ясно осознал, что его жизнь небезразлична мне, что я пытаюсь ее отстоять.

Однако всякий раз, когда он собирался ко мне, что-то его удерживало: нужда и жалкое тряпье, страх, что его примут за попрошайку, останавливала сама мысль о том, что я могу подумать, будто он явился ко мне за подачкой, а не со словами признательности.

И он стал наблюдать за моей жизнью на расстоянии. Когда узнавал, что я участвую в каком-то судебном процессе, непременно приходил в зал заседаний, но подходить ко мне не осмеливался. Даже получив от меня приглашение, долго не решался нанести визит.

Возможно, он не заглянул бы и сегодня, если бы некие неожиданные обстоятельства не изменили его жизнь. Недавно он получил от голландских властей извещение о смерти своего дядюшки – во время войны тот вместе со многими другими галицийскими евреями эмигрировал в Голландию. Не имея других наследников, дядюшка завещал все состояние ему: несколько сот тысяч гульденов наличными, ценные бумаги, дом, земельный участок!

Он передал мне несколько официальных бумаг, подтверждающих его права, с довольно равнодушным видом. Теперь, сказал он, я не истолкую его визит превратно, и он с полным правом и от чистого сердца может высказать мне, как высоко меня ценит.

Но он пришел ко мне и как клиент. В финансовых вопросах он совершенно не разбирается, частое – и к тому же чисто делового свойства – общение с людьми ему претит. Поэтому он просит меня реализовать его наследство, перевести деньги и ценные бумаги в Австрию, продать земельный участок и прочую недвижимость. А деньги он желал бы использовать так: треть пожертвовать фонду помощи

калекам и инвалидам; треть истратить на покупку небольшого поместья в красивой альпийской местности, где он предполагает продолжить свои научные занятия; а оставшуюся сумму положить в банк, чтобы можно было прилично жить на проценты с капитала.

На этом он закончил свой рассказ. Я молча смотрел в потолок, к которому медленно поднимались кольца сигарного дыма. То, что я услышал, произвело на меня сильнейшее впечатление. Боже, какая переменчивая судьба: этому человеку удалось избежать верной смерти; он, нищий, теперь осыпан золотом; но с каким простодушием он поведал о своем сказочном счастье и о своих заботах. Став богачом, он не возомнил о себе, а спешит поделиться своими сокровищами с бедняками и хочет продолжить занятия наукой – вместо того чтобы после всех своих унижений наслаждаться радостями жизни.

Какая же у него чистая и удивительная душа, если счастье и несчастье, нищета и богатство так мало для него значат! Кто с таким спокойствием пребывает на вершинах и в безднах, кто с таким смирением принимает тьму и свет – того, несомненно, должна вести неведомая нить судьбы...

Так как мой новый клиент поручил мне вести его финансовые дела, мы отныне встречались довольно часто. И вскоре деловые отношения переросли в дружеские.

Я подружился с Марипозой, и это отнюдь не было дружбой с богатым клиентом. Я считал его человеком благородным, самых высоких душевных качеств. Тем не менее, нашему сближению препятствовало немало обстоятельств, к коим, признаюсь откровенно, относится не только моя природная замкнутость, не только разница в летах, происхождении и национальности, но и его уродливая внешность, его отвратительный плебейский выговор. Прошло немало времени, пока я решился открыто появляться вместе с ним в обществе, и если меня кто-нибудь украдкой спрашивал, кто этот маленький уродец, меня обжигали стыд и ярость. Но и с этим мелочным тщеславием было вскоре покончено.

Несмотря на молодость, Марипоза обладал поразительными познаниями. Помимо основательного общего образования, он глубоко изучил восточную и западную философии, историю, химию и, как я понял, некоторые оккультные науки. Мы почти никогда не беседовали с ним о том, чем он занимался профессионально – о естествознании. Он быстро понял, что со мной можно говорить о философии и истории, и, будучи человеком тактичным, никогда не затрагивал тех тем, где я был невеждой.

Меня привлекали к нему не столько его обширные знания и добрая душа, сколько та нежность, с которой он ко мне относился. На всем белом свете у него не было родной души, и все богатство своего сердца он щедро расточал на меня. Было трогательно наблюдать, как этот несомненно незаурядный человек восторгается моими качествами и, подобно любящей матери, не только старается не замечать моих слабостей и ошибок, но даже их ценит во мне.

Но как же он был одинок! Одинок, как все гении, и вдвойне одинок из-за своего уродства.

Однажды Марипоза пришел после полудня. Сначала мы говорили о делах, потом, не помню уж в какой связи, затронули тему детерминизма и индетерминизма, то есть вопрос о "свободе и рабстве воли".

Марипоза был в ударе, он так и сыпал доводами и приводил десятки фактов и парадоксов, столь же блестящих, сколь и глубоких, высвечивающих разные грани его правоты. Я скорее внимал ему, чем участвовал в споре. Слуга доложил о приходе Дезире, – я и забыл, что она обещала заехать за мной.

Я велел слуге немедленно проводить ее в мой кабинет.

Мне никогда не забыть взглядов, которыми они обменялись. В глазах Марипозы вспыхнул восторг при виде столь совершенной красоты, восторг и желание, отравленные страхом и сознанием своего уродства. А Дезире даже не пыталась скрыть отвращение.

У меня сжалось сердце. Я готов был вспылить от злости, но Марипоза подошел ко мне, успокаивающе прикоснулся ладонью к моему плечу и, словно оправдывая Дезире, прошептал:

– А чего вы ждали? Разве это так уж удивительно?

Я пытался говорить о каких-то пустяках, но тщетно – Дезире почти вызывающе отмалчивалась и смотрела себе под ноги. Марипоза, несомненно, был угнетен. Еще пять минут назад блистательный собеседник, он с трудом выжал из себя несколько жалких слов и, чтобы положить конец унизительной ситуации, поспешил откланяться.

Вечером того же дня я впервые повздорил с Дезире. Едва мы остались наедине, как она осыпала меня упреками:

– Если ты не в состоянии подобрать среди своих клиентов и приятелей более любопытные экземпляры, лучше не трудись меня с ними знакомить. Еврей, еврей, – она почему-то перешла на певучий

идиш, – но какой противный еврей! Такому место в паноптикуме или кунсткамере, но не в моей гостиной!

– Ты угадала, Дезире. У меня и впрямь нет для тебя более любопытного экземпляра. Ты путаешь понятия “интересный”, “любопытный” и “красивый”. Интересные люди часто некрасивы, в то время как красавчики обычно идиоты и подлецы. До сих пор я не догадывался, что тебя интересуют только смазливые господа. Ты, как и все женщины, мастерица ставить все с ног на голову. Ты оттолкнула и оскорбила моего гостя, и вместо того, чтобы извиниться за свою бестактность, сама сочла себя обиженной. Да и за что ты его презираешь? За внешность – и только! А ты представь себе его боль... Неужели ты не заметила его смущения? И не поняла, почему? Да потому, что при виде тебя безобразие стало вдвойне мучительнее для него!

Мне удалось с немалой выгодой продать унаследованный Марипозой земельный участок в Голландии. А несколько дней спустя я получил уведомление из банка, что на счет моего клиента переведено более полутора миллионов гульденов – по австрийским, да и по любым понятиям сумма громадная. Я сразу же позвонил ему, спеша сообщить радостную новость.

– Это надо отметить, Марипоза. Сегодня в опере дают “Фиделио”. Предлагаю взять ложу – для Дезире, и нас с вами. А потом заглянем в бар. Дезире признала, что в прошлый раз вела себя недостойно. Не сомневайтесь, она умеет быть очень милой.

Я почти не смотрел на сцену, потому что содержание оперы, как известно, достаточно примитивно, но музыка – гениальна! Подумать только, как беспомощные слова либреттиста взмывают ввысь на мощных крыльях музыки Бетховена.

Околдованный ею, я смотрел прямо перед собой невидящими глазами, как вдруг обратил внимание на Марипозу. И долго не мог оторвать взгляд от его лица.

Его черты совершенно преобразились и были настолько одухотворенными, что всякий назвал бы их приятными и благородными. У него был вид человека, постигшего смысл жизни и познавшего ее вкус, человека, поклявшегося посвятить всего себя великой цели. Сейчас он напоминал мне самого Бетховена: одинокий гений, отверженный, презираемый из-за своего уродства, он, исполинским напряжением собрав все силы, готовится создать нечто чудесное и непостижимое.

Какие же дивные творения создаст этот новый Бетховен? Возможно, это тайна. Или пока неизвестность, даже для творца.

После спектакля мы пошли в бар, и я предложил сесть за боковой столик, скрытый от чужих глаз в полукруглой нише из штор, чтобы кроме официантов нас никто не беспокоил. В то же время мы могли наблюдать за всем, что происходит в зале. Марипоза сел так, что его почти не было видно за огромным букетом стоявших в массивной вазе цветов.

Я заказал шампанского.

Марипоза стал обладателем состояния, которое обеспечивало ему безбедную жизнь. А мне он сегодня днем предложил такую сумму, что я вынужден был отказаться от этого вознаграждения, ибо это был уже не щедрый гонорар адвокату, а нечто вроде платы за спасение от смерти. Но он настоял, чтобы я принял все – гонорар за помощь в получении наследства, плюс аванс за будущие услуги.

Я как раз хотел произнести небольшой тост в честь сегодняшнего праздника, когда мое внимание привлекла танцующая пара – один из моих лучших клиентов со своей женой, и я, увидев, что он смотрит в нашу сторону, приветствовал его, высоко подняв руку. Прервав танец, мужчина направился к нам. Я поспешил ему навстречу.

Разумеется, я не мог ответить отказом на приглашение присесть к их столику. Настроение было превосходное, и я сразу включился в общую беседу. Как человек воспитанный, я был просто обязан пригласить на танец супругу моего клиента – между прочим, даму в высшей степени элегантную. Время летело незаметно, и, бросив взгляд на часы, я с удивлением заметил, что оставил Дезире наедине с Марипозой более получаса назад.

Возвращаясь к ним, я ничего хорошего не ждал: в подобных случаях Дезире никаких объяснений не принимала. И других богинь рядом с собой не терпела.

Однако я был приятно удивлен: они настолько увлеклись разговором, что, скорее всего, даже не заметили, сколько времени я отсутствовал. Только когда оркестр заиграл особенно громко и в разговоре наступила пауза, Дезире, не глядя в мою сторону, заметила:

– Ты не слишком поторопился оставить своих друзей? Если да, то напрасно. Как видишь, мы с господином Марипозой вовсе не скучали.

Этот укол мне особой боли не причинил; меня даже обрадовало, что два близких мне человека наконец-то поладили.

Ни словом не возразив, я сделал лучшее из того, что мне оставалось: покорно склонил голову и молча слушал их беседу. И было что послушать! Не потому, что диалог поражал изяществом и ученостью, а потому, что было очень любопытно наблюдать, как два существа, воплощение противоположностей, находили путь друг к другу.

Дезире была вежливой, спокойной, дружелюбной. От прежней надменности не осталось и следа. На сей раз она избегала любой резкости, и не только по отношению к собеседнику, но даже к людям и предметам, о которых заходила речь. Мне даже показалось, будто она опасается, как бы ее острое словцо, даже оброненное нечаянно, не могло ранить Марипозу. Ее высказывания были деликатными, как у выпускницы женской католической школы, а своей округлостью и обтекаемостью они могли бы поспорить с передовицами правительственных еженедельников.

Все существо Марипозы излучало преклонение перед Дезире – оно выражалось не в словах, ибо он не осмелился сделать даже самый невинный комплимент, но в немом, сдержанном обожании, в том, с какими глазами внимал ей.

А какие слова он находил в ответ! Это было что-то вроде волшебного зеркала, в котором предмет отражается во много раз краше, чем он есть на самом деле. Ибо он отвечал не на ее слова, а как бы на их глубинный тайный смысл – он все подтверждал, углублял и украшал. Неуклюжий смущенный книгочей превратился вдруг в отчаянного ловеласа. Пожалуй, это даже напоминало сцену между придворным шутом и принцессой из рыцарского романа или печальной шотландской баллады. И обстановка была подходящей: сумрак бара, освещенного лишь свечами, томная обволакивающая музыка. Я уже тогда знал, что этого вечера мне никогда не забыть, и жадно впитывал в себя все, что мог.

И не я один. Из-за шторы донесся властный женский шепот: "Помолчите, я хочу послушать, о чем говорят вон там... Такое не каждый день услышишь". И стало совсем тихо, потом над перегородкой, разделявшей наши столики, показались сперва золотистые кудряшки, а затем и вся прелестная головка, – юной красавице не терпелось увидеть, кому же принадлежит этот красивый, благозвучный голос, кто этот оракул. Но, увидев Марипозу, девушка брезгливо сложила губки и исчезла.

К счастью, никто, кроме меня, этого не заметил.

Дезире внимала речам Марипозы с несколько преувеличенной благосклонностью, его обожание вызывало у нее улыбки, казавшиеся мне иногда поддельными, – похоже, она демонстрировала не внезапно

вспыхнувшую приязнь к Марипозе, а желание досадить мне за мою неловкость, уязвить меня.

Я подливал шампанское в бокал Марипозы. Он пил. И пьянел, – но не от вина, это было нечто вроде опьянения чувств, какая-то дурманящая тяжесть. Он становился печальней, взгляд потемнел, говорил отрывисто и наконец замолчал.

Время было позднее, и в баре стало куда тише. Я не хотел, чтобы вечер завершился столь мрачно, и, желая спасти положение, воскликнул:

– Дети мои, вы должны потанцевать! Молодежь всегда танцует.

Едва проговорив это, я уже пожалел о своих словах – у меня появилось недоброе предчувствие. Но, к моему удивлению, Марипоза поднялся и склонился перед Дезире, словно повинуясь магическому приказу. Дезире тоже встала, обдав меня холодом своих сияющих глаз.

И вот они друг против друга в пустом просторном зале, словно воплощая враждебность чужих миров: нимфа и леший, красавица немка и уродец еврей. Когда он шагнул к ней, чтобы обнять за талию и повести в танце, Дезире, как огненный ангел, встретила его испепеляющим взглядом и отступила в сторону.

Я вскочил со стула, спеша предотвратить самое худшее. Взглянул ему в глаза... Только дважды мне приходилось видеть такой взгляд: так посмотрел на меня один военнопленный, которого за какую-то мелкую провинность приговорили к смертной казни – это было на войне; и на охоте, когда я заглянул в глаза смертельно раненного мною оленя.

И вот теперь... это выражение немого страдания, обвинение создателю за бессмысленную жестокость, которую он ему причинил!

Это длилось лишь мгновение. Дезире все поняла. Жест вскинутой руки, которой она как бы отталкивала Марипозу, превратился в движение боли, она (правда, с некоторым опозданием) прижала ладонь к виску: извините, мигрень.

Подхватив обоих под руки, я с наигранным весельем воскликнул:

– Что ж, бывает. С головной болью и впрямь не до танцев. Но есть вещи получше танцев. Например – выпить на брудершафт! Выпейте, дети мои, поцелуйтесь по-братски!

Пусть для Дезире это будет наказанием, а Марипозе послужит некоторым утешением.

И я мягко подтолкнул их навстречу друг другу.

Дезире покорно наклонила голову, чтобы поцеловать Марипозу, но он уклонился от ее губ, как от незаслуженной награды; невозможно описать взгляд, который он бросил на нее при этом, и чувство, с каким он осыпал поцелуями ее руки.

Несколько дней Марипоза у меня не показывался. Я уже начал опасаться, не воспринял ли он случившееся как оскорбление, но настолько погрузился в дела, что не удосужился связаться с ним.

Но вот, наконец, он сам пришел ко мне. И на вопрос, что случилось, ответил: был занят срочной работой. Ответ меня удивил. Насколько я знал, мой клиент отошел от всякой практической деятельности. О каком же срочном деле речь?

– Я затем и пришел, чтобы показать вам свою работу. Если позволите, я оставлю ее здесь. Пожалуйста, прочтите ее и скажите мне свое мнение.

С этими словами он вручил мне рукопись и откланялся.

Вот она, слово в слово.

ТРАГЕДИЯ УРОДСТВА

Я хотел бы отвести тебя, дорогой читатель, в волшебный сад. Там расцветают розы, высокие и могучие, как вековые дубы. Лилии, фиалки и гиацинты прячут свои цветы в облаках, а внизу низенькие и нежные, как мох, к их стволам клонятся вязы, липы и ели.

Терпкий запах дивных цветов-великанов опьянит и смутит тебя, а в многоголосом хоре птиц и в лепете родника ты услышишь отражение печали, которую пытаешься скрыть.

На людей ты будешь смотреть сквозь небесную кисею, и все их помыслы и поступки будут тебе чужды и далеки, великие мировые события, интриги власти и подвиги чести останутся для тебя непонятными.

Сад украшают портреты одной женщины. На всех дорожках, во всех углах и нишах найдешь ты ее изображение: грозной и любящей, обманывающей или дарующей счастье. Эти изображения отбрасывают тень на все окрест: на сад, на заоблачные выси.

Вам знакомо это место, ибо никто из побывавших здесь никогда его не забудет – это волшебный сад страстной любви, храм гордого обмана и область бесконечного безумия.

В свое время Адальберта фон Ашенбаха считали одним из утонченнейших поэтов немецкого языка. Поклонники славили его за совершенное воплощение немецкого характера, самой немецкой сущности, и даже противники признавали, что он далек от будничной суеты и всецело предан высокому предназначению поэта.

Он жил в том же городе, что и Марио. После полудня он любил прогуливаться в загородных рощах, подальше от людных дорог, погруженный в свои мысли.

Мы с вами встретимся с ним во время одной из таких прогулок. День был по-осеннему ясный, мягкая теплынь благословляла поэтическое настроение.

Ашенбах шествовал в гордом одиночестве. Лицо у него было суровое, сосредоточенное и вместе с тем просветленное. Такое же лицо, мужественное и одухотворенное, было, наверное, и у художника, создавшего свою Данаю: только так и выражается радость творца, которому удалось нечто божественное.

Случай привел Марио на ту дорожку. Он тоже чувствовал себя посвященным и надеялся, что тишина зазвучит в нем, чтоб выразить его страдания. Юноша шел с опущенной головой, словно ему предстояло взобраться на отвесный склон, лицо выражало сосредоточенную непреклонность.

Это была встреча странная и незабываемая, как акт трагедии: встреча дерзкого храбреца с признанным победителем, встреча отчаявшейся молодости с торжествующей зрелостью, встреча смертного с небожителем.

Марио поднял глаза. И сразу узнал известное всем читателям лицо, мгновенно ощутив, какую радость этот человек испытывает. То обстоятельство, что с этим счастливцем, чье славное имя так часто побуждало его вновь и вновь браться за перо, он встретился именно сейчас, когда предстояли столь грозные испытания, заставило Марио с удвоенной остротой почувствовать себя несчастным. Но он воспринял эту встречу как добрый знак: кого швыряют волны, радуется, завидев землю, даже не ведая, достигнет ли ее. У него на глазах появились слезы, он почтительнейше поклонился – так он не склонился бы даже перед князем. И пошел дальше, но при этом у Марио был такой вид, будто некий владыка застал его в своем поместье или в своих охотничьих угодьях, отчего собственная ничтожность стала для него еще очевиднее.

Однако Ашенбах, видимо, угадал истинные причины такой почтительности и был тронут. Он оглянулся, испытывающе взглянул на Марио, словно желая удостовериться, что первое впечатление не обмануло его, и приветливо спросил:

– Вы тоже пишете?

– Д-да, – пробормотал Марио.

Редко когда ложь рождается от столь добрых побуждений. Хотя что он написал? Он только *хотел* писать.

– Не могу ли я вам помочь? Заходите как-нибудь, вы ведь знаете, где я живу.

О, надежда его не обманула! Разве сегодняшняя встреча не перст судьбы, указывающий на его предназначение? Разве провидец-поэт не увидел в нем собрата?

Закрывшись в своей комнате, он за два дня и две ночи излил на бумагу то, что переполняло душу, сжигало сердце. Это был роман. Нет, не роман – только первая глава, где герой повествовал о своих переживаниях.

Дописав ее, Марио решил, что теперь у него есть повод навестить Адальберта фон Ашенбаха. Он явится не с пустыми руками. К тому же подобное уже случалось: Шуберт, отправившийся к Бетховену, или Грильпарцер на пути к Гете.

Однако, очутившись перед садовой калиткой, за которой виднелась вилла прославленного поэта, юный неофит ощутил невольный трепет – а выдержит ли он испытание? Что страшило его: сознание собственной незначительности, боязнь провалить экзамен или эти хоромы – материальное воплощение славы? Марио долго не решался нажать кнопку звонка. Зачем искушать судьбу? Не лучше ли набраться терпения, чтобы предстать перед Ашенбахом с чем-то законченным, большим? Ведь если сегодня его отвергнут, это станет смертным приговором – окончательным, не оставляющим надежды. Нет, этого не может быть.

Он нажал кнопку – и сжег за собой мосты.

Комната, в которой ему пришлось ждать приема, показалась Марио, привыкшему к скромному бюргерскому жилищу, княжескими покоями. Все, что он видел тут – чувство его не обманывало, – были не просто предметы, доставшиеся случайно или по наследству. Любая из этих сотен безделушек – нож для бумаг, пресс-папье, ваза, хрупкая фигурка из фарфора – все говорило об их владельце. Одни он привез из дальних стран, где их долго и тщательно выбирал, другие преподносили почитатели, а что-то было подарком близкого человека, женщины. Эти вещицы, впитав любовь своего хозяина, теперь согревали ею Марио – любовью и покоем. За высокими окнами светились мягкие очертания гор.

Любить, чтобы творить, творить, чтобы владеть таким богатством и красотой – от этой мысли Марио бросило в жар!

Вошел Ашенбах. Он не сразу узнал гостя, и тому пришлось кратко напомнить ему о встрече в загородной роще. Ашенбах поинтересовался объемом рукописи; если она велика, пусть автор ее оставит, если же нет, можно начать чтение прямо сейчас.

Марио читал, запинаясь, с трудом выдавливая из себя слова: ведь он открывал поэту тайну, сокровенный смысл отчаянной душевной борьбы. И, возможно, эта встреча с поэтом определит его будущую судьбу.

Ашенбах слушал, подперев рукой низко опущенную голову, чтобы не смущать своим взглядом автора.

Улыбаясь про себя, он втайне чуть-чуть завидовал молодости автора: старая песня о страданиях юноши! Но какое же странное чувство – наблюдать за страданиями других, давно пережив свои, похожие, и зная им цену только теперь...

Уже смеркалось. А Марио читал:

“О, не презирайте любовь, как не презираю ее я, старик. Любовные песни семидесятилетнего вас забавляют – и только, но я говорю вам: чтите и эту любовь, ибо на нее Господь наш взирает с особым благорасположением. Любовь открывает нам, для какой цели избрало нас провидение. Птица поет лишь любя, потому что хочет стать любимой. Так же и человек – он поет ту песню, которая дарована ему судьбой. У каждого она своя. И если кому-то суждено исследовать звезды, он, возлюбив их, посвятит этому всю жизнь. А если человеку предназначено соединять берега, он, отдав этому искусству всю свою страсть, станет великим строителем мостов. Но что делать большинству людей, не услышавших зова судьбы, не распознавших своего жребия? Они тоже должны искать ключ к своей душе. И так как нет ничего, что могло бы облегчить эти поиски, вывести их из лабиринта, они сочиняют стихи. Вот почему так много стихов.

Я сам был одним из слепцов. Тоже сочинял стихи, и началось это вот по какой причине. В поисках счастья я исстрадался и принял в конце концов решение обрести его простейшим способом – в танце. Однажды вечером я пошел танцевать, чего давно не делал.

Я испытывал “вселенскую скорбь”, столь частую в семнадцать лет, когда в нас бушуют вулканы, когда мы чувствуем себя великими и готовыми то ли все отрицать, то ли со всем соглашаться, но никак не находим для этого нужных слов.

В кругу танцующих я сразу заметил одну девушку. Она была очень красива. Так красива... Но позвольте мне обойтись без эпитетов.

У меня даже голова закружилась, когда я пригласил ее на танец. При этом надо учесть, что я весьма дурен собой, маленького роста, выражение лица у меня кислое. Красавица встретила меня таким изумленным взглядом, что я совсем потерялся, пожалуй, только тут поняв, какая отвага потребовалась бы Квазимоде, вздумай он пригласить на танец Эсмеральду.

Пробормотав жалкие слова извинения, я трусливо отступил, чувствуя сочувственные и насмешливые взгляды.

Такова внешняя сторона моей трагедии.

Вернувшись домой, я горько плакал, в отчаянии бил себя по лицу, проклиная свое гнусное уродство, которое только теперь осознал вполне. Я испускал вопли, взывая о спасении.

И так как наше спасение состоит в объяснении и прославлении, то мы, страдая, ищем прибежище в поэзии и цепляемся за философию, кормилицу этого дара. И я засел за написание чего-то философского и поэтического.

Вот образчик моего философского творения:

Быть уродливым и потому нелюбимым, вынужденным вымаливать подачки там, где другие утопают в роскоши – какое несчастье! Почему я должен быть мельчайшей шестеренкой в механизме жизни? Лишь потому, что взгляд у меня грустный, пальцы – толстые, ноги короткие, а кто-то хорош собой, великолепно сложен и смотрит победителем? Да, я безобразен, но я все равно лучше и выше его! Откуда дураку знать, что он глуп? Но если он это поймет, разве понимание не возвысит его?

Что ценнее – красота душевная или телесная? При одной мысли об этом меня охватывает ужас, губы мои дрожат, я не в силах произнести ни слова – как жестока природа! Я могу быть гением – но все равно останусь уродом. В силах ли даже талант описать эту драму? Нет, ведь проклятие в том и состоит, что уродство, подобно подлому недугу, пожирает несчастного, заражает все вокруг. В уродстве трагично только само безобразие.

Уродство – это слабость. Сатана не падший ангел-красавец, – он уродливый бес, и красоты Господней ему никогда не достичь. Хаген – не гордый витязь, но одноглазое чудовище, оплакивающее свой мерзкий облик; он губит Зигфрида, чтобы убить свое уродство, ибо ужасное живо, пока живет красота. Вот почему он стремится истребить ее, и это вечное противоборство Ормузда и Аримана, Света и Тьмы.

Уродство ненавидит красоту, но нуждается в уродстве. Что станет с одиноким Нарциссом? Он погибнет. А если рядом с ним Сатир – он счастлив, восхищенный своей красотой.

Красавчик влюбится в красотку, и она ответит ему тем же. А урод? Да разве он полюбит уродину?!

Мир – это трагедия уродства.

Теперь, когда я возвел свое страдание столь высоко, надеясь, что так его будет легче столкнуть и убить, я хочу вернуться к повседневности, хочу объяснить: вот поэзия.

О Сократе известно, что он был скульптором, но он был и художником. Его философские работы, как и художественные творения, до нас не дошли.

Сократ однажды написал картину до того странную, что она вызвала всеобщее изумление. Представьте Олимп и богов. Бессмертные плясали, взявшись за руки. В центре круга стояла Афродита, а пред ней – простой смертный, уродливый, нищий. Жалкий, он стоял перед Пенорожденной, а она удивленно взирала на него. Другие боги тоже смотрели, презрительно усмехаясь. Потому что было видно, что эта образина приблизилась к богине красоты, приглашая ее на танец, но ее яростная улыбка заставила его отпрянуть, и небожителей это позабавило. Смертный был похож на Сократа, а Афродита – на Аспазию.

Когда картину показали Периклу, он был поражен ее красотой, но не смыслом, и спросил:

– Сократ, как получилось, что ты создал картину, совершенно не похожую на те, что писали другие? И почему ты придал человеку свои черты, а Афродите – облик Аспазии?

Сократ ответил:

– Эту картину я не сочинил, я ее пережил.

Но его осыпали новыми вопросами, и тогда он рассказал:

– Это случилось прекрасным весенним днем, когда юноши и девушки пляшут на лугу. Красота мира переполняла мое сердце, я захмелел от звуков цитр и смеха танцующих. С одной из красавиц мне особенно хотелось поплясать – это была Аспазия. Но она презрительно скривила губы: "Ступай прочь, скверный козлище!"

Я удалился, униженный, и стал размышлять о сущности безобразного, но толком объяснить себе ничего не мог.

И вот однажды ночью мне почудилось, будто я слышу голос: "Возвысь свое уродство, возвести о своих страданиях богам!"

Тогда-то мне и явилась картина – настолько прекрасная, что она не способна унизить и причинить страдание. Она перед вами!

– Ты счастливец, Сократ, – сказал Перикл. – Ведь боги ниспослали тебе дар превращать страдание в наслаждение. Ты стал бы самым несчастным, если бы не твой талант.

– Да, но тогда уродство не причиняло бы мне такую боль.

– И все-таки, зачем ты изобразил Олимп и эти толпы людей, которые словно собираются вскарабкаться на небо?

Сократ улыбнулся.

– Боги не слишком добры, они ни с кем не хотят делиться счастьем своей красоты. Но когда-нибудь жалкие и убогие соберутся вместе и потребуют, чтобы на небе нашлось место и для них.

– А кто укажет им путь туда?

– Новый, неведомый бог.

Тогда Перикл сказал:

– Берегись, Сократ, ты преступаешь законы: разве тебе неизвестно, что на картинах запрещено изображать безобразное? Ты осмеливаешься уподобить

смертных небожителям, твое искусство пробуждает недобрые мысли. Иди и сожги картину!

И Сократ сжег ее.

* * *

Что же, помогли мне мои стихи? Нет, их убожество только усилило мои страдания. Отчаяние стало невыносимым, я не находил себе места.

И тогда родилась мысль о смерти. Сперва робкая, какая-то невзаправдашняя, она опьяняла меня. Я был горд, словно я первым открыл возможность самому уйти из жизни.

Осталось сделать только одно: написать ей. И я набросал довольно странное любовное послание:

Сударыня!

Не вздумай я умереть, так и не отважился бы написать Вам. Но я должен рассказать о моих страданиях и моей смерти. Мысль о том, что я умру, а Вы об этом даже не узнаете, невыносима. Ведь я умираю из-за Вас. Поэтому соблаговолите принять мое известие; оно, думаю, и есть мое первое настоящее стихотворение, а первенцев благословляют боги.

Когда я еще верил в Бога, я ежедневно возносил ему молитвы, чтобы он сделал меня великим человеком. Я считал себя избранным.

Но тут явились Вы и показали мне, что я – ничтожество. Погруженный в бесконечность любви и обреченный на жестокую борьбу с нею, я осознал свое ничтожество. И это заставляет меня умереть. Итак, все ложь. Ночи, которые я провел без сна, прислушиваясь к песне моей души, – обман. И те глубокие чувства, с которыми я закрывал книги великих поэтов, продолжая мечтать о них – но это были уже мои *мечты! – тоже обман. Обман все, что люди называют "сопереживанием".*

О, будь я великим и сильным! Я бежал бы с Вами, я похитил бы Вас, унес в прекрасную страну, которую омывают теплые моря. Прочь из этой обители человеческих суждений! Мне необходимо было быть с Вами, ибо в Вас моя страсть и мое забвение.

И все-таки... если б я мог возвести для Вас сказочный дворец и ввести Вас в него, если бы мне удалось явить *Вам тот ослепительный мир, который я создал для Вас...*

Но, увы, в сказочные принцы я ростом не вышел.

Сударыня, Вы причинили мне величайшее зло, Вы приказали мне расстаться с жизнью. А я... я молю небо и землю одарить Вас благодатью!

Стемнело, пора откланяться.

Я хотел, чтобы прощание вышло торжественным, и прямиком отправился в концертный зал.

Последний праздник радости. Дамы в роскошных туалетах, мужчины во фраках, радостное ожидание. Бетховенский концерт.

Вот человек! Он покорил судьбу! Он победил ее возгласами труб, перед ураганом его скрипок склонился идол по имени Необходимость.

Вот она началась, его Пятая симфония. Симфония судьбы. Да, симфония моей судьбы.

Четыре удара! Отверзлись небо и земля. Я слушаю, потрясенный.

О да, это были удары молота, которым Прометей раскалывал скалу, и удары молотка, которым вбивали гвозди в тело Христа.

Кажется, будто рука исполина подхватила меня и вознесла так высоко, чтобы я мог увидеть всю красоту неба и все страдания земли. С поразительной быстротой несла она меня над всеми пропастями и вершинами, и от красоты и ужаса я едва не лишился чувств. Мое сердце стонало и кровоточило. Но не будем говорить о финале, о торжественно-ясном финале. Мой финал – за мной!

И я выбежал из зала. На улице замедлил шаги. Какая радость – умереть, если похоронный марш написал тебе сам Бетховен. Я начал тихонько напевать и насвистывать его.

Но мелодия почему-то путалась, ясность ускользала, и я снова начал испытывать страдание. Эти пустынные темные улицы! А люди, такие чужие, они мне только помеха! Ни красоты, ни доброты, ничего из того, что могло бы утешить пишущего. Я слышал мелодии, которые не запоминались, я бормотал слова, которые не складывались во фразы. И, наконец, усталость и тягостное забытье.

Я сел передохнуть, потому что до реки было еще далеко, а я обессилел. И заплакал – тихо и безнадежно, как заблудившийся ребенок. Ах, как это горько, когда дитя хочет расстаться с жизнью!

Я плакал, пока не заснул.

Ушедшие мелодии вернулись, чистые и звучные. Я увидел странную страну. Множество людей с неразличимыми лицами. Но от них исходил свет и благородство. Неужели это страна смерти?

Где-то далеко я вижу нечто, напоминающее мне Землю. Но почему она в таком прекрасном далеке?

С утеса взлетает орел, и мощно парит. А из этого неведомого далёка появляется путник, имя которого на устах у всех. Он шествует, как король, потому что все склоняются перед ним, он идет, как Спаситель, ибо навстречу ему устремлены все страдания, все радости – это Людвиг ван Бетховен.

Хочу бежать, потому что от него мне нечего ждать снисхождения. Но, о чудо, он заметил меня, он идет ко мне! Я опускаюсь перед ним на колени и горько плачу. А Людвиг ван Бетховен склоняется ко мне и произносит:

– Не плачь, дитя, ибо я страдаю вместе с тобой!

Лицо горит, хотя по нему хлещет дождь. Но я проснулся, я жив. И жизнь мне спас Бетховен.

– Могу ли я надеяться, – прервал молчание Марио, – смею ли я?..

– Вы хотите сказать, сможете ли вы стать писателем? – закончил за него Ашенбах. – Дитя мое, сие мне неизвестно. Вы напоминаете мне человека, который, показывая ювелиру одну монету, спросил: "Богат ли я?"

– Но ведь монета может оказаться настолько драгоценной, что составит целое состояние?

– Для этого ваша монета слишком мала. – И, заметив огорченное лицо Марио, добавил: – Думаю, ювелир предложил бы тому человеку принести все свои монеты. Поэтому объясните мне вот что: помимо первой главы у вас есть другие, уже готовые?

– Нет.

– Но вы хотя бы имеете ясный план романа, видите его от начала до конца? Могли бы пересказать его мне главу за главой?

Он говорил тоном взрослого, которого интересует, чем забавляется ребенок.

– Строго говоря, нет... Но...

Ашенбах поднял руку, показывая, что отлично его понял.

– Остановимся же на нашей метафоре с монетой. Пожалуй, я могу назвать вам ее цену. – Марио весь обратился в слух. – Это больше, чем случайное совпадение, вы, может быть, невольно поступили очень честно, ведя рассказ от первого лица. Вы сами герой вашего рассказа, все написанное в нем вы пережили сами. Это вы познакомились с девушкой. Возможно, даже на танцах – мотив приглашения к танцу настойчиво повторяется у вас. Вы влюбились в девушку, но к тому времени, когда вы сочиняли, она еще не ответила вам взаимностью. Вы объясняете это тем, что дурны собой, своим "ничтожеством", как вы говорите в письме. Страдая из-за собственного несовершенства и безответной любви, вы решили уйти из жизни.

Марио изумленно смотрел на Ашенбаха.

– Вы удивлены, как я угадал? Видите ли, мы, поэты, вроде врачевателей душ. Точнее говоря, мы тайновидцы душ, ибо излечить мы не в состоянии – только приглушить боль. Как я отгадал? Ваша пылкость подсказала мне ответ. Это больше, чем страсть дебютанта, и она была бы необъяснимой, если бы речь шла об истории выдуманной, о фантазии.

Далее: вы написали лишь одну главу. Собственно говоря, у вас хватило пороху только на этот рассказ, о романе вы и представления не имеете. А то, что вы выдаете рассказ за главу, за часть большого

романа, говорит о вашем недовольстве собой. Считая, что рассказ не может достойно представить ваш талант, вы уверяете себя, что готовы к гораздо большему.

Марио покраснел.

– Вам нечего стыдиться. Такова молодость: попадет ей в руки саженец и кажется целым лесом. А вот и последний довод в пользу моего предположения: когда в вашем возрасте пишут романы и даже доводят их до конца, героем непременно оказывается сам сочинитель. К спокойному описанию людей и предметов, к созерцанию событий, выходящих за пределы собственного я, молодость обычно не способна. Чересчур уж она занята собой. Судите сами: что нам известно о красавице, которая так стремительно изменила жизнь героя? Что она красива – и все. Вы смутно ощущаете, что обязаны сказать больше, но бежите от этого "больше". Позвольте мне обойтись без "эпитетов", говорите вы. А финал, сон о Бетховене... уж не встречей ли со мной они навеяны?

Да, все, что вы говорите в любовном послании безымянного семнадцатилетнего юноши, это и ваша драма. Но действительно ли вы так безнадежно влюблены? Можно ли так любить совершенно незнакомого человека, чтобы решиться уйти из жизни? Если это и трагедия, то лишь трагедия необузданных желаний. Не безответная любовь заставляет вашего героя принять смерть, а его рухнувшие мечты о собственном величии. Думаю, ваш герой не способен любить по-настоящему, слишком он занят своими переживаниями: возможно, он может страдать из-за других, но боль других ему безразлична!

Врач назвал бы вашего героя невротиком. У него поражена воля, он никак не примирится со своим местом в жизни. В его послании есть одно удивительно точное признание. Он стремится к недостижимому. Он считает себя великим. Его мечты о собственном величии взращены деяниями гениев, о которых он читал. Мир, не признающий его величия, ему чужд, он хочет бежать из него. Отсюда и фраза: "Прочь, прочь из этой обители человеческих суждений!"

Но вот он влюбляется. Он должен показать, на что он способен. Но попытка провалилась, мечты о величии рухнули. Если прежде он считал себя избранным, то теперь – изгоем, уродом, ничтожеством. И ведь только поэтому он хочет умереть.

Любовь ли тому причиной? Ни в коем случае. Ведь она была для него лишь символом непреодолимой действительности. Действительности, которая противостояла ему в облике девушки. А завтра он мог почувствовать себя обделенным почестями, которыми должны были его осыпать.

А от смерти его что спасло? Снова безумие, бегство в грезы, где ему явился спаситель Бетховен.

Таков ваш герой. Не единственный в своем роде человек, как вы, очевидно, полагаете, но человек одинокий. Он живет в выдуманном мире. И там, где его мир сталкивается с действительностью, его ждет крах. Он – честолюбивый мечтатель. Однако не каждый мечтатель – поэт.

Марио напоминал себе человека, на глазах которого бесстрастные руки врача вскрывают, безжалостно кромсая, тело дорогого и безмерно любимого существа. Что толку знать причину смерти – покойного не воскресить! Разве это та помощь, которую он ждал от Ашенбаха?

А тот, словно угадав мысли, терзавшие Марио, попытался объяснить:

– Вы должны меня понять. Я не хочу отнять у вас надежду, но... Конечно, у вас есть фантазия и темперамент, и, значит, вы способны испытывать сильные переживания. Но этого слишком мало. С ними можно достигнуть и самого высокого и самого низменного, но я не знаю, на какую дорогу вас вынесет?

Поэтом, мой юный друг, становятся лишь благодаря святости стремления.

Если мы льнем к искусству поэзии, как вы выразились, только из-за своих болей, то мы на всю жизнь останемся стихотворцами по случаю, дилетантами. А если будем входить в храм поэзии, лишь моля о снисхождении, то, может быть, и станем паломниками, однако жрецами – никогда.

Марио был ошеломлен. Что мог он ответить?

– Выходит, все эти страдания напрасны? Неужели человек должен испытывать муки, будучи не в силах выразить их? Когда я писал, я пережил самые прекрасные мгновения в моей жизни; я чувствовал, как возвышаюсь, я словно видел далеко внизу всю землю: города, реки, горы, людей... мне казалось, будто я способен все обнять и все понять. Неужели я обманывался?

– Ах, дитя мое, – со сдержанной улыбкой ответил Ашенбах, – ты даже не знаешь, сколько в мире мук и страданий. И есть люди, подобно Моисею, видящие землю обетованную, но ступить на нее им не дано.

Следует научиться смирению, дитя мое. Не требовать исключительного, но для начала лишь существенного. Сначала надо овладеть ремеслом, искусство придет потом – если придет.

Думаю, в тебе борются сейчас три силы: желание познать мир, страсть к наслаждениям, которые мир может дать, и стремление этот мир

изобразить или – иначе – изменить его. Пока все три потока текут либо рядом, либо в разные стороны, и разрывают тебя. Возможно, в будущем они сольются воедино. Но до тех пор нужно набраться терпения и работать.

С этими словами он отпустил Марио.

Когда я прочитал название опуса, я был разочарован, – ведь я ожидал увидеть трактат, но никак не роман. Тем более следует признать его достоинства. Однако меня не оставляла досада, словно я встретил Марипозу там, где ему совсем не место. Да, некоторые детали недурны: и строки о Бетховене, и розы величиной с сосну, и ели, нежные, как мох, – тут чувствовался не исследователь, а фантазер.

Но в целом я был разочарован. Не знаю, почему. Возможно, просто потому, что обнаружил: пейзаж оказался всего-навсего ловко раскрашенной фотографией.

Я дал рукопись Дезире. Она даже всплакнула над ней. Но какая женщина не прослезится, узнав, что отвергнутый ею поклонник готов из-за нее покончить жизнь самоубийством? Моего мнения это нисколько не изменило.

Мне вспомнилось изречение Вассермана: "От автора не требуется никакого волнения. Рассказчик должен быть невидимым, но то, о чем он рассказывает, в высшей степени зримым. Для человека творческого его личность всего лишь предлог, исходная точка, а для дилетанта она – и смысл, и цель!"

При встрече Марипоза спросил мое мнение о рукописи, но я уклонился от прямого ответа и перевел разговор на тему, которую до сих пор старательно обходил – внешность моего друга. Ведь он сам дал мне повод.

– Марипоза, вы страдаете, даже не пытаясь избавиться от причины своих страданий. Зачем превращать жизнь в пытку из-за морщин или формы носа? Современная медицина способна на чудеса, а у вас хватит денег на самых знаменитых врачей.

– Я об этом уже думал, увы! Дело не только в тканях, но в самом строении моего тела. Кто смастерит мне новый скелет? Мое уродство неисправимо! Вы, конечно, слышали фразу о том, что всемирная история оказалась бы иной, будь у Клеопатры нос чуть длиннее... Возможно, и моя отвратительная внешность необходима человечеству.

Возможно, мое уродство и есть мой двигатель. Как вы думаете, создали бы Кант и Шопенгауэр свои труды, не будь они такими уродцами?

– Но они не сочиняли романы...

– Да нет же... Шопенгауэр вообще их терпеть не мог. Мне трудно объяснить, зачем я дал вам именно эту рукопись. Я написал это не сегодня, а много лет назад, написал, только представляя себе ситуацию. Просто мне ее содержание что-то напомнило. Так же, как, я думаю, и вам. Поверьте, я хочу потрясти мир вовсе не романами...

– А чем же? – спросил я.

Но он, словно не услышав моего вопроса, продолжал:

– Косметика... Она может изменить лишь *человеческий* облик... Но зачем тратить время на мелочи, когда задумано великое?!

Дезире посещала университет и иногда встречала Марипозу, который всегда готов был помочь ей, подсказать, где можно найти ту или иную книгу или просто объяснить непонятное. Но, восхищаясь его эрудицией, о нем самом Дезире всегда отзывалась холодно. Тем не менее, тень недоверия стала омрачать наши отношения, Марипоза пытался скрыть свои чувства, и пока мы были одни, ему это удавалось. Но стоило появиться Дезире, и наше общение становилось каким-то напряженным, вымученным. Такое положение стало бы для нас сущим бедствием, но, к счастью, Дезире уехала на несколько недель в имение своих родителей.

После того, как я обратил наследство Марипозы в деньги и основал по его желанию благотворительный фонд, мне осталось выполнить его последнее поручение – приобрести поместье в Альпах.

Это оказалось сложным делом, если учесть, что у Марипозы были особые требования, исполнить которые было совсем непросто. Наконец, я подыскал то, что требовалось, и дал телеграмму, чтобы Марипоза немедленно приехал осмотреть будущие владения.

Сам я хотел отправиться в одно местечко в Австрийских Альпах и там встретиться с Дезире, о чем вскользь обмолвился в телеграмме. И скоро получил ответ от него – Марипоза спрашивал, не буду ли я против, если он составит мне компанию. Это предложение не привело меня в восторг, но отклонить его я не смог. Я опасался, не вызовет ли осложнений встреча Дезире с Марипозой, но тревожился напрасно: они встретились, как старые добрые друзья.

Мы гуляли по лесу, потом катались по озеру на лодке.

День выдался замечательный, напоенный пронзительно-тонкими запахами, от которых в конце лета особенно сладко щемит сердце. Окружавшие озеро лесистые склоны горели на солнце, листва рябин и берез полыхала багрянцем. Тишина. Только из лесу доносился стук топора, да с гор, один за другим, раскаты выстрелов.

Какая-то необычная благостность этого дня и нежная красота окрест напоминали последнюю улыбку перед прощанием.

Разговор иссяк. Каждый из нас думал о своем, а лодку мягко влекло спокойным течением. Дезире, сидевшая у руля, откинулась назад и опустила руку в воду, наблюдая за водяными жуками и стрекозами над камышом. И когда одна из них села на край лодки, Дезире изловчилась и поймала ее – та задрыгала лапками, задвигала мощными челюстями. Дезире аккуратно держала ее за крылья двумя пальцами и вдруг спросила тоном маленькой избалованной девочки:

– А почему не бывает стрекоз величиной с цаплю? Вот было бы чудесно! Чудесно и жутко!

– Детский вопрос, – откликнулся Марипоза. – Дети всегда спрашивают: а почему не бывает мышей ростом со слона? А почему жирафы не такие маленькие, как кузнечики?

– Нет, это занимает не только детей. Поэтов тоже. – И я продекламировал: "...там расцветают розы, высокие и могучие, как вековые дубы. Лилии, фиалки и гиацинты прячут свои соцветия в облаках, а внизу, низенькие и нежные, как мох, к их стволам клонятся вязы, липы и ели".

– Вижу, вы не забыли и не простили моих юношеских увлечений, – ответил на мою шутку Марипоза. – Однако, как бы там ни было, в этом вопросе есть глубокий смысл, и даже странно, почему наука до сих пор старательно обходит его стороной. Вот несколько отрывков из Дюбуа-Реймона*: "Будь наши кровяные тельца величиной с монету в одну марку, мы были бы ростом с вулкан Чимборасо". Или: "Обладай человек мускульной силой, соответствующей мускульной силе блохи, он подпрыгнул бы до Монблана, а если бы хобот слона обладал силой, соразмерной крепости рога жука-носорога, он был бы способен сотрясать горы".

Но дальше наука не пошла. Хотя многие ученые убеждены, что найден тот самый орган – а именно гипофиз, который и определяет

---

* Эмиль Генрих Дюбуа-Реймон (1818-1896) – немецкий физиолог.

размеры живого существа. Значит, если понять взаимосвязь между ними и каждым органом, можно будет воздействовать на организм. *Константа* превратится в *переменную,* и тогда... любуйтесь себе стрекозами величиной с цаплю.

– Вот только будет ли это благом для людей, – заметил я, – если учесть невероятную скорость, силу и прожорливость таких тварей?

– Люди будут разводить и следить за их ростом, как это было с карликовыми пинчерами или с орхидеями. Так что опасаться нечего.

– Извините, господин учитель, – подняла руку Дезире, – во времена палеозоя уже водились стрекозы с размахом крыльев в несколько метров. Я об этом читала месяца два назад.

– Но тогда еще не было людей, – возразил я. – Стрекозы ростом со слона это отнюдь не слон. А если они удерут, представляете, что будет... Насекомые – враги людей. Со всеми остальными живыми существами у нас все-таки есть нечто общее.

Можно приручить даже змей, даже в глазах лягушки можно что-то увидеть, – с ними возможен хоть какой-то контакт. А в мир насекомых у людей моста нет. Достаточно внимательно рассмотреть голову насекомого, – продолжил я, указывая на пленницу. – Лоб отсутствует, зато какие челюсти! Неподвижные фасеточные глаза, да? Ороговевшая голова намертво скреплена с туловищем. Что у этой маски общего с человеческим лицом, в чем хоть тень подобия? Какие чувства способны возникнуть под этим хитиновым панцирем, что способно эти существа изменить? Нет, это вечно чуждый и враждебный нам мир, и владычествовать он может только *до* или *после* нас, но не одновременно с нами. Если когда-нибудь стрекозы станут величиной с цаплю – горе людям! Не случайно древние мексиканцы изобразили одного из самых злых духов, Ицпапалотля в образе человекоподобной бабочки с острыми обсидиановыми крыльями – ножами.

Марипоза слушал меня с явным раздражением.

– Нет, дорогой друг, совсем не “злой дух”, а богиню Судьбы называли ацтеки Ицпапалотлем. Чуствуете разницу? Кроме того, вашими устами говорило сейчас человеческое высокомерие. Люди привыкли мыслить антропоцентрически, их аргументация напоминает спесь выскочки – вы уж извините мне это выражение в споре. Но разве не смешно, когда homo sapiens гордо восклицает: смотрите, как много мы достигли по сравнению с другими обитателями планеты. Кто рассуждает так, забывает – как и положено выскочке – что преимущества получены им исключительно благодаря случайности, они совершенно не заслужены человеком.

Сотни тысяч лет на планете владычествовали динозавры и ящеры. Только потом появился человек, млекопитающее. Почему именно млекопитающее, а не насекомое? Наука не может объяснить, но, возможно, палеонтологи разгадают эту тайну. Ведь миллионы лет назад шансы насекомых и пралюдей стать властелинами природы были скорее всего равными, но какой-то неизвестный механизм, в одном случае ускоряющий развитие, в другом случае – подавляющий, вывел в лидеры человека. Вы не задумывались, почему гениальный фантаст Уэллс населил луну не человекоподобными, а насекомообразными?

Когда мы наблюдаем за сообществами пчел, муравьев или термитов, разве нас не восхищает их организованность, дисциплина, способность к самопожертвованию? И разве не сказано в Библии: "Пойди к муравью и учись"?

Вы, конечно, читали у Метерлинка: "Нам, людям, противна мысль, что помимо нас на земле есть существа, которые в силу своего интеллекта или иных нравственных качеств вправе, подобно нам, заявить свои права на бог весть какую необычную роль в мире – на бессмертие, например, или на единовластие. Мысль о том, что еще какие-то существа могут претендовать на это, потрясает и обескураживает нас. Мы наблюдаем. как эти особи рождаются, живут, исполняя свои скромные обязанности, как целыми миллиардами они умирают, не оставляя после себя следов. И никого это не заботит, будто у них и не было никакой другой цели, кроме смерти. Мы не признаемся себе, что с нами дело обстоит точно так же. О, мы хотели бы объяснить их существование примитивностью, инстинктами, бессознательным поведением, чем-то неосязаемым. Однако в один прекрасный день мы научимся понимать, как научились на земном шаре понимать все, кроме нас: следует довольствоваться тем, что мы живем. И это будет нашим последним идеалом, включающим в себя все остальные идеалы".

И если вы считаете, что от человека к насекомым моста не выстроить, что мир высокоразвитых насекомых мыслим лишь *после* мира людей, а не *рядом* с ним, – Марипоза понизил голос, придав ему не то торжественность, не то таинственность, – тогда надо решиться на эксперимент.

Марипоза поехал со мной в Вену, чтобы подготовиться к переезду в свои новые владения.

Прощаясь, мы условились писать друг другу.

Первое время письма приходили регулярно. Потом все реже. Все короче. Из них я понял, что он живет отшельником. Все, что

происходило в мире, было ему совершенно безразлично; кажется, он даже газет не читал. По содержанию и настроению писем и особенно по быстрому и резкому почерку я мог судить, что он занят каким-то важным делом, но чем именно, он не писал. А когда я пытался расспрашивать его, он отвечал уклончиво.

Зато он постоянно оказывал знаки внимания Дезире: то пришлет ей букет диковинных цветов, то прекрасную книгу, не забывал даже о мелочах, вроде пудреницы и губной помады.

Добавлю, что все эти подарки она получала как бы от неизвестного поклонника – их доставляли посыльные. Наверное, для того, чтобы адрес отправителя оставался неизвестным. И ни строчки. Ни разу. Хотя у меня не было никаких сомнений в том, что делает это именно он. Прошло около года, прежде чем Марипоза письмом пригласил меня навестить его. Я принял предложение без колебаний, воспользовавшись последними днями отпуска.

Добраться до поместья оказалось нелегко. На станции меня никто не встретил, потому что я не предупредил Марипозу о времени своего приезда. Имение находилось в стороне от железной дороги, как его найти, я подзабыл, и пришлось поплутать несколько часов по окрестностям. Небо было затянуто тучами, над лесом повисло удручающе-тягостное молчание. Когда я, наконец, оказался во владениях Марипозы, он принял меня сердечно.

Он жил в особняке совсем один, если не считать Рольфа – огромной овчарки, благородного, прекрасно обученного пса. Сперва Рольф отнесся ко мне подозрительно, однако очень скоро понял, что мы с его хозяином – друзья, и настороженность уступила место дружелюбию.

Я с удовольствием наблюдал за ним. Как он был привязан к хозяину, как он не сводил глаз с него! И как был при этом сдержан и вместе с тем чуток...

Комнаты, в которых меня принимал Марипоза, были превосходно обставлены. Особенно мне понравилась библиотека, где он, наверное, проводил большую часть времени: просторно, уютно, пол затянут мягким ковром бежевого цвета, мебель мореного дуба, на стенах – картины в светлых пастельных тонах.

За окнами – библиотека занимала угловую комнату – открывался вид на лес и горы. Более удобной комнаты для работы и представить трудно. Здесь замечательно в любое время года: летом, когда все в цвету и в открытые окна летят лесные запахи и птичьи голоса; а зимой в камине трещат поленья, гордо стоят молчаливые ели, все укрыл снег, погрузив мир в сказочные грезы... какая благодать!

Марипоза оказался не таким, каким я надеялся его увидеть – спокойным, загорелым, довольным собой. Он был бледен, утомлен, измучен. На окружающую красоту он не обращал ни малейшего внимания, да и на мои слова, кажется, тоже.

– Да что с вами?! – Не выдержал я наконец. – У вас чудесная вилла, вы могли бы здесь жить как барон, не зная никаких забот, ведь денег у вас куры не клюют. Что вас гнетет? Лучше места, чем тут, и представить себе нельзя – гуляй, броди себе с ружьем, без ружья... а вы неисправимый домосед, наверняка и носа не высовываете.

– Да-да, вы правы. Но вы же знаете, что значит увлечься. Да так, что это поглощает всего тебя.

– Чем именно? Наукой? Вы можете мне объяснить?

– Надеюсь, что смогу, не сейчас, но очень скоро.

После кофе Марипоза повел меня на второй этаж.

– Сейчас я вам кое-что покажу, – сказал Марипоза. – только вы уж не убегайте сразу. Мы еще не пообедали, – устало улыбнулся он.

Сначала мы прошли по полутемному коридору, в самом конце которого находился люк, напоминающий слуховое оконце, закрытое задвижкой. Марипоза отодвинул ее и нажал кнопку выключателя. Я не сразу смог понять, что именно я вижу... А видел я какой-то первобытный лес. Таких могучих деревьев – я говорю об их форме и цвете коры, такого густого и низкого кустарника мне никогда прежде видеть не доводилось. Все было совершенно отчетливым и в то же время немного размытым, нереальным. Как это бывает, когда смотришь под определенным наклоном в искривленное стекло – где это? Далеко или рядом, прямо перед глазами? И странно насыщенное освещение... И ландшафт словно прикрыт мерцающей сеткой...

Однако я недолго терялся в догадках, потому что в ужасе отпрянул от окна.

Из чащи выползло омерзительное страшилище; извиваясь и переваливаясь, оно волочило закованное в костяной панцирь туловище. Обхватив лапами дерево, оно вытаращило бесформенные неподвижные глаза и начало подтягиваться вверх; потом принялось обгладывать его своими страшными челюстями, так что древесный сок ручейками полился из сердцевины ствола в его пасть, а ствол словно срезало бритвой.

Марипоза нажал какой-то рычажок в стене, и мой сектор обзора сразу расширился. Я увидел целое стадо этих чудовищ, у одних, как и у

первого, чешуйчатого, панцырь был такого цвета, что резало глаз, другие были покрыты густой шерстью. Непроходимая чаща начала оживать. Одни чудовища по-прежнему лениво лежали под деревьями, но другие осторожно подкрадывались к ним, спящим или пасущимся и нападали на них, впивались в их шеи, разрывали в клочья и пожирали... Были среди них и совсем уж свирепые, обезумевшие, они обращали ярость на собственное тело, наносили самим себе раны и высасывали жижу, сочившуюся из них.

Наблюдать это я был не в силах и отступил на несколько шагов в сторону. Моя реакция и удовлетворила, и удивила Марипозу.

– Можно ли так пугаться детских игрушек? Вы вовсе не в девственном лесу, вы по-прежнему в моем доме. И это не носороги, не допотопные животные, а всего-навсего живые гусеницы, которые вы рассматривали сквозь сконструированную мной систему увеличительных линз. Ну как вам? Правда, среди них есть несколько особенно интересных разновидностей, так называемые “гусеницы-убийцы” и “гусеницы-самоеды”. Ну что, идете дальше?

Он открыл дверь, и мы попали в зал, где было светло, как в ясный день. Заставленный большими стеклянными ящиками, он напоминал запасник музея. Для того чтобы пересечь это сверкающее пространство, нужно было осторожно протискиваться между ящиками, неприятно чувствуя коленями хрупкую податливость тонкого стекла.

Но это был не музей, а “мой драгоценный”, как назвал его Марипоза, виварий, ибо все, что находилось в ящиках, жило. Бабочки гусеницы, куколки. Бабочки, переливающиеся всеми цветами радуги, любой величины, лучшие экземпляры со всех континентов. От едва заметной серой моли до громадного, сверкающего бежево-пестрыми красками махаона.

– Здесь представлены все стадии развития этого насекомого, – рассказывал Марипоза, – от неловкой, с трудом переваливающейся гусеницы – к мечтательной куколке, от нее – к легкокрылой, опьяненной долгожданной свободой бабочке... Я развожу их здесь и здесь же экспериментирую с ними.

Мы проходили зал за залом. Марипоза с нескрываемым удовольствием показывал мне свои богатства. Глаза его сияли так же, как у коллекционера, представляющего собрание своих драгоценных картин. Вот уж где он соответствовал своему имени – Папилио Марипоза!

– В естественных науках, – продолжал он, – сейчас с большой пользой используется техника кино. Замедленные съемки под микроскопом, т.е. увеличение в пространстве и во времени, открыло нам

многое из того, что оставалось невидимым, а значит, и необъясненным. Если мы хотим хоть сколько-нибудь приспособиться к миру представлений этих маленьких живых существ, мы не можем обойтись без "лупы времени и пространства". Но я хочу показать вам так же и факт внутренне противоречивый: уменьшение во времени и увеличение в пространстве.

Мы оказались в небольшой комнате, Марипоза погасил свет, застрекотал проектор. Одна из стен была покрыта матовым стеклом. На этом необычном киноэкране появилась обычная пестрая гусеница, только во много раз увеличенная, причем со стереоскопическим эффектом.

Она торопливо переползала с места на место, что-то пожирала, сворачивалась и отдыхала. Лишь несколько мгновений. Потом поднимала голову, водила ей из стороны в сторону и снова без устали ползла и что-то пожирала. Потом закружилась и замерла, превратившись в белесую куколку, снова на несколько мгновений. Вот покров куколки прорван, появились крылышки, бабочка лениво ими поводит. И вдруг улетает – большая, пестрая, сильная.

Это было настолько прекрасно, что я, не сдержавшись, как ребенок, захлопал в ладоши.

Марипоза обрадовался перемене моего настроения. И сказал с улыбкой:

– Вот вам итог моих опытов: этапы жизни бабочки. Думаю, и наша жизнь со всеми ее радостями и переживаниями прошла бы примерно так же перед взором великого творца миров, сочти он ее достойной своего внимания. Да, если он в своей немыслимой дали нашел бы время взглянуть на нашу унизительную жизнь...

– Итоги опытов... – протянул я в раздумье и с тоской посмотрел за окно – ночь расстилала в предгорье туманы. – И что дает это сжатие во времени, это подведение итогов? Допустим, все так: люди рождаются, любят, страдают, умирают... Но мы, увы, не можем окуклиться и превратиться в бабочек...

– Увы, мы не можем окуклиться и превратиться в бабочек... – как эхо откликнулся Марипоза.

Экскурсия подошла к концу.

– Итак, это и есть те опыты, которые отняли у вас столько времени?

Сам не знаю, почему я проговорил это несколько разочарованно и даже пренебрежительно.

– Да. И основные результаты вы увидели. И... вы разочарованы. Однако меня это не обескураживает. Не стану говорить о том, что мое собрание – одно из самых полных, если не самое полное в мире, что я трачу на него девять десятых моих доходов. Оставим и результаты моих опытов – вам не оценить их по достоинству. Но, скажите, разве сама эта проблема не достойна изучения? Когда я вижу существа, обитающие здесь, мне иногда хочется опуститься на колени и плакать, как плакал великий Карл Линней на цветущем лугу.

Разве есть мистерия более потрясающая и трогательная, чем превращение гусеницы в бабочку? Есть ли духовное Воскрешение прекраснее этого исхода из слепоты к прозрению и свету? Есть ли тайна в окружающем нас мире, которая заставляла бы людей тысячи лет испытывать такое страстное влечение, наравне с тайнами рождения и смерти? Тайна, до сих пор совершенно не исследованная.

Самая древняя мечта человечества – научиться летать, как птицы. Теперь мы можем летать... Но вот превращение гусеницы в бабочку?..

Видели вы античные захоронения? На большинстве из них изображены бабочки. Ибо бабочка была символом бессмертия души. И не таится ли в том глубочайший смысл, если даже трезвая наука нарекла крылатое насекомое так проникновенно-многозначно – "имаго"*, образ.

Срочные дела заставили меня на другой день вернуться в Вену.

По дороге домой я еще несколько раз мысленно воспроизвел беседы с Марипозой, и разочарование мое становилось все острее. Вот, значит, каковы успехи, которыми он так гордился? Разве этих чудес ждал я от "нового Бетховена"? Коллекция бабочек... Пусть замечательная, уникальная. И только-то? Его восторженного отношения к великой мистерии я не совсем понимал и нисколько не разделял. Оно казалось мне детской забавой, манией коллекционера. Не удивительно, что людям, которые презирали его еврейство и уродство, он предпочел насекомых. Кажется, у Бальзака я прочитал: "Никакие горести не в силах противостоять волшебному снадобью, предлагаемому душе, когда

* и м а г о – *лат.* (imago – образ, изображение) – половозрелое насекомое, закончившее все стадии *метаморфозы*.

человек отдается своей мании. О, все вы, не способные более испить из сосуда, который назван кубком вдохновения – становитесь коллекционерами! И собирайте все, что заблагорассудится!"

Марипоза писал мне все реже. Наверное, мое равнодушие его обидело.

От меня, единственного друга, он мог требовать большего внимания к делу своей жизни. Разве я вправе презирать его опыты? И почему? Потому, что отсутствие специальных знаний не позволило мне сходу понять его идеи?

Я написал ему подробное письмо и повинился, после чего наши дружеские отношения, по крайней мере в переписке, восстановились вполне. Однако до новой встречи было еще долго, целых полгода. На сей раз он заехал ко мне, потому что в Вене ему нужно было приобрести какие-то химические препараты.

Я нашел его еще более замкнутым, ушедшим от мира еще дальше в свое одиночество. Мне показалось даже, что его обычная приветливость и мягкая сдержанность, которые так отличали его, уступили место ожесточенной, холодной наблюдательности.

– Я вынужден упрекнуть вас, Марипоза, – сказал я. – Так дальше не пойдет. Ваше затворничество переходит все границы, вам следует почаще бывать на людях. Женитесь! При ваших душевных качествах и вашем состоянии вам будет нетрудно найти достойную супругу. Или, если вам угодно, наймите молоденькую экономку. Но устройте вашу жизнь по-человечески. Не понимаю, почему бы вам хотя бы зимой не жить в городе, – это не повредило бы вашим занятиям. Постоянное одиночество к добру не приведет. Оно искромсает вашу душу, вы одичали. Нельзя же постоянно жить среди бабочек. Не то вы сами, чего доброго, превратитесь в грустного бражника*, – пошутил я.

Марипоза побледнел и ответил:

– О женщинах нечего и думать. Я не смею ни одну из них обречь на то, чтобы она дышала одним воздухом с таким ничтожеством, как я. Неужели вы думаете, что я не делал никаких попыток? Но если бы вы только знали, как со мной обходились женщины, как они были безжалостны... – на его лице появилось выражение брезгливости, – вы зарыдали бы от стыда и боли, как приходилось плакать мне. Нет, от

---

* Б р а ж н и к и, сфинксы (Sphingidae) – семейство крупных бабочек с толстым телом, длинными, узкими, часто ярко окрашенными крыльями; б р а ж н и к и – преимущественно сумеречные и ночные существа.

людей я не жду ни радости, ни утешения. Животные мне куда ближе. И мой лучший друг – Рольф. Кроме вас, конечно.

Прежде чем попрощаться, он сообщил мне, что хочет предпринять длительную научную экспедицию в тропики. Возможно, он будет отсутствовать больше года.

– И это вы говорите вскользь, между прочим, – возмутился я. – Ведь вы наверняка основательно подготовились к путешествию, расписали маршрут, купили снаряжение. Никто не явится вдруг на вокзал и не скажет кассиру: "Мне билет до экватора". Зная вашу обстоятельность, я уверен, что вы разработали план до мелочей. Что вы задумали? Расскажите мне, прошу вас! Может, мне навязаться к вам в компаньоны?

Он ответил только, что это было бы замечательно, но ему придется много работать... и неожиданно заговорил о смерти, – вдруг во время путешествия он подхватит какую-нибудь заразу, да и всякое может произойти, поэтому он вынужден привести в порядок все документы и прочее.

Подав мне на прощание руку, Марипоза что-то хотел сказать, но не смог, закашлялся. Он и прощался как-то обреченно...

Вечером того же дня я поехал к Дезире. Мы о чем-то говорили с шофером и продолжали говорить, остановившись около подъезда, когда мой взгляд случайно нашел приоткрытую занавеску в машине такси, стоявшей на другой стороне улицы, напротив окон дома Дезире. Когда я вышел из авто, такси медленно отъехало. Повинуясь внезапному порыву, я сел обратно, и мы поехали следом.

Такси остановилось у Южного вокзала. Из него вышел... Марипоза!

Что это значило? Неужели он думает ее у меня отбить? Эта мысль показалась мне одновременно и смешной, и подлой. Невероятная история, чем-то странно напомнившая ночную сцену в темном переулке, где я случайно заметил его – среди шлюх.

Несколько недель спустя Дезире праздновала день рождения. И я пришел к ней ранним утром, чтобы поздравить ее первым.

Не успел я закрыть за собой дверь, как раздался звонок – на пороге стоял, держа обеими руками громоздкую коробку, раскрасневшийся посыльный. Дезире с интересом распаковала ее – внутри оказался стеклянный ящик, с дырочками на крышке, нечто среднее между аквариумом и птичьей клеткой. Низ клетки был покрыт густой высокой

травой и красивыми лиственными растениями, из-под которых поблескивала вода, а над ней свисала тонкая жердочка. Но где же сама птичка? В клетке пусто. Дезире начала посвистывать и вызывать ее, постукивая пальцем по стенке клетки. Тщетно. Может, птичка умерла во время перевозки и лежала сейчас на дне, спрятанная густой травой? Но вот в листве что-то зашевелилось. Показалась головка. Но не птичья. Это была ящерица. Наконец мы увидели ее спину, и я воскликнул: "Да это же саламандра!"

А зачем в ящике жердочка?

Тут-то и случилось нечто совсем уж удивительное: она, казалось, поняла наш вопрос и решила ответить. Она выбралась из листвы, расправила два крыла и *взлетела* на жердочку! Устроилась на ней, поглядывая по сторонам юркими черными глазами, и медленно сложила крылья, как два веера. Мы наблюдали за ней, затаив дыхание. Только теперь мы могли рассмотреть ее. Она была очень красива, аспидно-черная с красными пятнышками. Передние лапки уходили в крылья, тоже аспидно-черные с красными точками, похожие на крылья траурницы или бражника. А вообще это существо напоминало крохотную модель динозавра или крылатого ящера.

Почта доставила и поздравительную открытку Марипозы, насколько мне известно, его первое послание к Дезире. На сей раз он признался, что подарок от него, но очень просил никому не говорить об этом. Мое удивление прошло довольно быстро. Я, к сожалению, не слишком интересуюсь научными открытиями, разве что с точки зрения их практического применения. Но для человечества, с его радостями и горестями, совершенно безразлично, живет где-то крылатая саламандра или ее не существует. Зато Дезире была в восторге, и мое равнодушие казалось ей просто возмутительным.

– Никогда не предполагал, что тебя так способна очаровать какая-то ящерица – сказал я, не без зависти наблюдая, как она вьется вокруг клетки с этой тварью.

На следующее утро Дезире помчалась к знакомому университетскому профессору, чтобы показать ему странное животное. Тот несколько дней наблюдал за ним, и итогом этих наблюдений стала солидная статья в научном журнале. За ней шквалом последовали новые.

Даже иностранные ученые приезжали к Дезире: всем не терпелось своими глазами увидеть необычную ящерицу. Появлялись все новые публикации, причем не только в научных изданиях, но и в обычных

бульварных газетах. "Salamandra alata vel miraculosa"* стала сенсацией номер один, тем более что в разгар лета никаких выдающихся событий не происходило. Ни скандалов, ни войны, ни политических афер. Крылатая саламандра оказалась спасением для заскучавших газетчиков.

Дезире очень гордилась тем, как громко прославился "её милый зверек". Она собирала все публикации о нем и давала читать мне. А я их вежливо складывал в нижний ящик своего стола, но однажды вечером, достал их все, прочел и понял, наконец, что означал этот крылатый феномен для науки.

Ученые не знали, что и думать. Одни утверждали, что ящерица выведена искусственно, но другие, а их было гораздо больше, не принимали эту точку зрения, считая, что подобные опыты превосходят возможности современной науки, а посему одно только подозрение в "пробирном" происхождении саламандры абсурдно. Если же кто-то отважился на подобный эксперимент, то почему он скрывается, не заявит об этом во всеуслышание? Если этот некто счел уместным продемонстрировать итог своих трудов, то почему бы ему не опубликовать результаты исследований и зачем отказываться от почестей? "Нет, господа," – писал один из них, – "такое поведение противоречит всей истории науки, оно попросту невероятно."

Действительно, Марипоза о своей крылатой саламандре не напечатал и строчки. Хотя был подписчиком почти всех специальных журналов, и во многих из них печатался. В его библиотеке эти солидные издания заполняли несколько стеллажей, а на письменном столе лежали пачки оттисков его статей.

Одним словом, он не мог не знать, какой шум поднялся из-за крылатой саламандры, которая, несомненно, была его творением, ибо он ее *придумал*, а не открыл. Но он молчал. Грандиозно! Такой жест в моих глазах многого стоит. Сделать невероятное открытие и бросить его удивленному человечеству: "Нате, держите, ломайте себе голову!" И сохранять при этом царственную неизвестность...

Наконец-то мне удалось уйти в отпуск летом и уехать вместе с Дезире. Первая остановка – в Венеции.

Чему мы были свидетелями на площади Сан-Марко, я уже рассказывал.

* "Саламандра крылатая, или чудесная"(*лат*).

Когда крылатый лев исчез в небесах, мы с Дезире обменялись понимающими взглядами.

Она долго сосредоточенно молчала, а потом сказала:

– Все это напоминает мне добродушную улыбку великана. Пока он смеется, мы можем радоваться. Но беда, если он погрозит кулаком. Марипоза может перевернуть все мироздание, того и гляди, он придумает восьмой день творения. Вот увидишь, это пока что увертюра, спектакль еще не начался... Кто знает, – с тоской, чуть ли не с надрывом закончила она, – не станем ли мы свидетелями этой трагедии.

– А тебе не кажется странным, что этот спектакль или, если тебе угодно, увертюра, сыграна именно в день нашего... твоего прибытия в Венецию. Случайность? Или посвящение тебе?

Дезире покраснела и ничего не ответила.

В тот же вечер я написал Марипозе: до сих пор мы с Дезире хранили в тайне имя творца этой химеры, но теперь пусть он сам раскроет свое инкогнито, которым интригует мир не меньше, чем своим загадочным творением.

Письмо вернулось с пометкой: "Адресат выбыл за границу".

Прошла осень, прошла зима, а от Марипозы ни весточки. Скорее всего, он забрался в такую даль, где и почты нет. Куда-нибудь в Центральную Африку... Да мало ли куда еще! Непонятно только, что помешало ему бросить хотя бы открытку (если уж не письмо) на какой-нибудь станции или в порту?

А Дезире по-прежнему получала подношения от него с пунктуальной точностью: книги, цветы, духи – и ни слова привета.

Мы пытались навести справки у хозяев магазинов, откуда приносили подарки для Дезире. Но они отвечали, что товар был заказан и оплачен еще в прошлом году.

Как-то в марте дела привели меня в окружной суд, находившийся недалеко от имения Марипозы. Заседание закончилось сразу после обеда, и я успел проехать добрую часть пути в Вену, когда, повинуясь необъяснимому желанию, велел шоферу повернуть обратно и ехать в имение Марипозы: вдруг его арендаторам известно, где он и что с ним? Кроме того, он поручил мне присматривать за имением в его отсутствие.

После весенних оттепелей дорогу развезло, ехали мы довольно долго и добрались уже к вечеру. Арендаторы встретили меня не слишком-то вежливо и на мои вопросы отвечали нехотя, как-то подозрительно скупо. Единственное, что мне удалось узнать: Марипоза давно уже говорил о предстоящем путешествии, возможно, весьма

длительном, но готовился ли он к нему и в чем эти приготовления состояли, они и понятия не имеют. Он даже отказался от их помощи, чтобы доставить багаж на станцию; впрочем, они не могут утверждать, что багаж был вообще. Короче говоря, в один прекрасный день на письменном столе нашли невнятное послание, в котором Марипоза объявил, что он уезжает, а арендаторы по всем важным вопросам должны обращаться ко мне и во всём следовать моим указаниям. Произошло это примерно год назад. И с тех пор ни слуха ни духа.

Все это показалось мне подозрительным. Почему арендаторы так странно себя ведут? У этого краснощекого мужлана вид нашкодившего мальчишки... Им ли быть недовольными Марипозой... "А не совершено ли преступление?" – вдруг подумал я.

Усадьба расположена на отшибе. Само место как бы наводит на мысль о преступлении. А если они убили владельца, чтобы завладеть его имуществом?

Не долго думая, я устроил этим людям форменный допрос.

Почему они не потрудились сообщить мне о внезапном отъезде господина и его долгом отсутствии? Они якобы думали, что я, его адвокат и друг, сам знаю, в чем тут дело.

Допустим. Тогда почему они не выполнили указание моего клиента и ни разу ко мне не обратились? Потому что никаких важных вопросов – и вообще никаких! – у них не возникало. (Словечко "вообще" прозвучало как-то неуместно). Свои обязанности они знают, а плату за аренду вносят точно в срок.

Что правда, то правда. Это мне было известно.

А не удивило их, что о своем отъезде Марипоза сообщил им в письменном виде? Нет, не удивило. В последнее время он общался с ними только посредством переписки: если хотел что-то сообщить, писал все пожелания на бумаге и опускал в почтовый ящик у ворот виллы, или оставлял на письменном столе. А иногда их приносил пес Марипозы, Рольф. В господский дом разрешено было входить только утром, для уборки. Но и тогда сам хозяин не появлялся в комнатах, где подметали и вытирали пыль.

Не могут ли они показать мне последнюю записку Марипозы, где он сообщает о своем скором отъезде? "Нет", – ответил мужчина. – "Кто ж знал, что надо ее сохранить?"

Но его жена порылась в деревянной шкатулке и нашла записку. Ее сохранили только потому, что на обороте были перечислены какие-то платежи.

Я внимательно прочел ее. Почерк, безусловно, Марипозы. Но дата отсутствовала. Можно, к примеру, вообразить, что она написана не год

назад, а гораздо раньше и связана с другим отъездом Марипозы, и что арендаторы оставили ее себе как оправдательный документ.

Но тогда они первыми заговорили бы о ней, непременно сунули бы записку мне под нос. Похоже все-таки, что они вспомнили совершенно случайно.

С другой стороны, это могло оказаться и ловким фехтовальным уколом: тайное оружие срабатывает в нужный момент. Но для этого надо быть ох каким жохом, не чета этим простофилям. Я пристально наблюдал за ними, и хотя они огрызались, чувством вины или нечистой совестью тут и не пахло.

Прежде чем купить имение, я поинтересовался репутацией арендаторов. Она была обычной для таких людей, т.е. безукоризненной, да и сам Марипоза не уставал нахваливать их трудолюбие и исполнительность. Все это я вспомнил, пока молча сидел напротив них в полутемной гостиной.

Записку я взял себе.

Я решил заглянуть в господский дом.

Было уже совсем темно. Когда я шел через сад к дому, меня кто-то толкнул, да так сильно, что я с трудом устоял на ногах. Потом этот "кто-то" запрыгал вокруг меня и заскулил.

Господи, Рольф! Хоть одна-единственная радость среди множества мрачных загадок. Но радость, смешанная с тревогой: нет, Марипоза не мог уехать без своего друга.

Я открыл дверь и включил свет. Пес обежал вокруг меня несколько кругов, остановился, поднял на меня глаза и начал лаять. Коротко, хрипло, словно спрашивая о чем-то, потом этот лай перешел в долгий жалобный вой – Рольф как бы просил о помощи.

Он о чем-то хотел рассказать мне, другу хозяина. Бедный зверь, если бы я понимал тебя! Если бы я мог догадаться, что хочешь ты мне открыть.

Вид у некогда ухоженного пса был жалкий: он исхудал, блестящая шерсть свалялась, глаза одичали.

Бедное благородное животное! У крестьян, наверное, для тебя ничего не нашлось, кроме пинков да проклятий, и ты тоскуешь по хозяину.

Я обошел все комнаты дома. Всюду образцовый порядок, все вещи вроде бы на месте. Тогда я вышел на улицу и обошел дом снаружи. И снова ничего подозрительного. Только одно из угловых верхних окон чуть приоткрыто. Я хотел сказать об этом арендаторам, но они уже легли спать. Вот черти – им даже не пришло в голову дождаться моего

возвращения... но, между прочим, это еще одно доказательство того, что совесть у них чиста.

Мы с шофером целый день ничего не ели. Решив найти какую-нибудь гостиницу или пивную где можно было бы перекусить, мы долго плутали в темноте, прежде чем, наконец, нашли то, что искали. Окна небольшого постоялого двора освещены, значит, нас обслужат.

Только я вышел из машины, как увидел Рольфа, сидящего с высунутым языком около двери.

– Бедняга, подожди, сейчас тебе вынесут поесть.

Но официант, которого я попросил хорошо накормить сидящего у дверей пса, вернулся назад – никакой собаки он не нашел.

Посетителей, кроме нас и пяти-шести местных крестьян, не было.

Я заказал много закусок и жаркое – и не пожалел, готовили здесь отменно. Потом закурил сигару и устроился в деревянном кресле, удобно откинувшись на высокую резную спинку. Хотелось отдохнуть в уютной обстановке перед долгим и малоприятным путешествием сквозь промозглую ночь.

В небольшом зале было много старинной деревянной утвари, у противоположной стены в изразцовой печи полыхал огонь, к длинным столам придвинуты лавки с резными подлокотниками. На стенах висели медные кувшины, тазы и охотничьи трофеи, а по углам расставлены тяжелые старинные прялки. Висевшие под потолком круглые керосиновые лампы тускло освещали зал, навевая приятную дремоту. Совсем как на полотнах старых голландцев. Оглядывая все это с нескрываемым удовольствием, я невольно прислушался к беседе сидевших за соседним столом крестьян. Сначала они говорили о своих делах, потом пришел черед любимой темы сельских жителей: *привидениям*. О чем же еще так приятно толковать, сидя вечером у теплой печи, когда за окном завывает ветер! Начали с вампира, который набрасывается по ночам на людей и скотину, высасывая кровь. Кто-то покачал головой – такого не бывает, бабушкины сказки... Другие согласно кивали или делали вид, что верят. Но один слушал беседу с явным волнением. Вдруг вскочил с места и грохнул кулаком по столу.

– Небось, думаете, такого не бывает. А я вот скажу – еще как бывает! Лопни мои глаза, бывает! Неделю назад я проснулся среди ночи, потому что в курятнике куры переполошились. Я, конечно, подумал: опять к ним лис наведался – и шасть во двор! Рванул на себя дверь курятника, слышу, надо мной что-то такое шуршит. Ладно, думаю,

это наш аист. А потом смекнул: какой еще аист в марте? Он раньше конца апреля не прилетит. Вдруг это орел? Или стервятник? Чушь, они по ночам не летают!

Поднял, значит, голову и прямо над собой вижу такую здоровенную тварь.

Что она такое, я не разглядел, темно было, но крылья у нее раза в два побольше, чем у ястреба-ягнятника, это уж точно. Я слышал, как она бьет крыльями, как вот сейчас вас слышал.

Только это была не птица, хоть на распятии поклянусь!

Испугался я так, что у меня чуть сердце не выпрыгнуло.

Я ноги в руки и бежать к лесу! А она тоже полетела и что-то рядом со мной сбросила на землю. И что, вы думаете, это было? Мой лучший петух, вот что! Только с откушеной головой. И кровь у него всю высосала! Что за зверь? Не птица, это уж точно... А ту ночь я до смерти не забуду.

Стало очень тихо. В натопленном зале словно холодом повеяло.

Во время этого рассказа мой шофер то и дело бросал на них насмешливые взгляды, показывая высокомерное небрежение просвещенного горожанина к россказням неотесаных мужланов.

Крестьяне принялись наперебой обсуждать услышанное, причем сразу на повышенных тонах. Еще немного, и дело кончилось бы потасовкой, как это часто у них случается.

Я расплатился и поспешил уйти. Прежде чем залезть в машину, я несколько раз окликнул Рольфа, но его, действительно,нигде не было.

Обратный путь выдался нелегким. Вовсю хлестал дождь, дул сильный встречный ветер, дорогу совсем развезло, и ехали мы со скоростью черепахи.

Прикорнув в углу на заднем сиденье, я попытался заснуть. И вдруг вздрогнул от неожиданности – машина резко остановилась.

Шофер повернулся ко мне, на его лице был написан ужас.

– Посмотрите вон туда, господин доктор, – пробормотал он, указывая в сторону леса, отстоявшего от дороги метров на пятьдесят.

Дождь прекратился. Ветер гнал по небу клочья туч. Когда из-за них выглядывала луна, я увидел собаку, которая, задрав голову и подвывая от радости, высоко подпрыгивала. А, может быть, от страха?

Что же ее так обрадовало или напугало? Я не сводил с нее глаз. На какое-то мгновение мне почудилось, что на Рольфа упала тень или что-то в этом роде.

А теперь ее нет, проговорил шофер и вздохнул с облегчением.

Я вышел из машины и долго звал Рольфа. Но он мчался в сторону леса и скоро исчез из вида. Напрасно я звал его.

– Да, но что это было? Что вы видели? – спросил я шофера, бледного и помрачневшего.

– А вы разве не видели? – ответил он, вопросом на вопрос. – Ну, это самое... животное... или как там оно называется...

– Вы имеете в виду собаку?

– При чем тут собака. Н-нет, другое... животное... с которым собака играла... Ужас! Такое и в страшном сне не приснится.

– Да бросьте вы! То вы потешаетесь над крестьянином, то сами несете околесицу. Наслушались! Это вас его рассказ огорошил. Да еще эта мерзкая погода и паршивая дорога... Ничего, с каждым случается. Галлюцинация, друг мой.

– Господин доктор, но я своими глазами видел! Я не выпил ни рюмки! И с ума пока еще не сошел. Как хотите, только по этой дороге я никогда больше ночью не поеду!

История эта заставила меня задуматься. Болтовне крестьян я особого значения не придавал. Но шофер возил меня уже несколько лет, человек он был рассудительный, и не верить ему никаких оснований у меня не было.

Поэтому на другой день я рассказал в клубе о вчерашнем происшествии. Разумеется, слушали меня с недоверчивыми улыбками. Один из присутствовавших, доктор Вайреттер, прекрасный знаток фольклора, разразился целой лекцией о вампирах. Оказывается, миф о вампирах впервые отмечен у народов, живших в низовьях Дуная, а потом пошел по широкой дуге наверх к Померании и Бранденбургу, где люди сочиняли целые легенды о “гирфрасах” и “нахцерерах”* – так в тех местах называют вампиров.

– Примечательно все же, – заметил доктор Вайреттер, – что область южного распространения мифа зашла так далеко на север. Не знал этого наш друг – свидетель того, что легенда бытует даже в Северном Штайнмарке**. А вы, дорогой доктор, стали благодаря столь же редкому, сколь и счастливому случаю свидетелем того, как легенда обрела новую жизнь. Видите ли, такие сказания веками живут в

* “гирфрас”, “нахцерер”(*нем.*) – дословно: ненасытный обжора.
** Северный Штайнмарк – область в Австрийских Альпах.

сознании – я чуть не сказал “в подсознании” – народа, подобно народным песням. Стоит прозвучать мелодии, которая сродни этой песне, я имею в виду, когда происходит событие, чем-то напоминающее мотив саги, как старая песнь оживает. Они взаимно придают друг другу силы – старая песня и новая мелодия, они, можно сказать, переливаются друг в друга.

Давайте разберемся. Предание как бы дремало в сознании крестьян той округи, в том числе и рассказчика. И вот он темной ночью, не проснувшись как следует, якобы увидел огромного хищника, занятого конечно же кровопийством. Мелодия зазвучала, и легенда ожила. И в нем, и во всех, кто его слушал. В том числе и в вашем шофере. Даже не пытайтесь переубедить кого-то из этих людей доводами разума, – миф слишком громко звучит в этих простодушных существах.

Меня объяснения профессора вполне удовлетворили. В истории с привидениями я никогда не верил. Нам, юристам, подавай факты.

В это время в прессе чуть не каждый день стали появляться сообщения об исчезновении женщин. Причем исключительно женщин в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет. Всего за две недели исчезли сорок три молодые особы, причем все они были уроженки Граца и Северного Штайнмарка. Это не могло быть случайностью, тут угадывалась некая зловещая закономерность, так свойственная преступлениям. Но чертовски трудно было объединить все эти случаи в систему, подвести к общему знаменателю. Пропавшие принадлежали к разным слоям общества: не только служанки, фабричные работницы, крестьянки, конторские служащие, но и девушки из богатых семей, жена фабриканта, девушка, победившая в прошлом году на конкурсе красоты, аристократка из старинного дворянского рода и супруга посла одной восточной державы.

Не было ни одного случая самоубийства, ни каких-то серьезных ссор, любовных драм и тому подобного. Так в чем же причина? Козни брачного афериста? Но в большинстве случаев пропавшие были столь бедны, что с них нечего было взять. Да и многие из них были замужем. Торговцы живым товаром? Вряд ли. Маньяк-убийца?

Все общество было взбудоражено, а полиция и прокуратура предпринимали лихорадочные но безуспешные усилия для разрешения этой загадки.

Исчезновение Марипозы не давало мне покоя. Я принял решение любой ценой выяснить, уехал он все-таки или нет. Если нет, то он наверняка стал жертвой преступления, иначе не объяснишь его молчание.

Я, его друг, просто обязан узнать правду, и дело это не терпело отлагательств.

Я отправился на ближайшую к его имению железнодорожную станцию. Не станцию даже, а полустанок с одним-единственным служащим. Он сразу вспомнил Марипозу, даже знал, что тот поселился в этих местах сравнительно недавно. Внешность у Марипозы настолько запоминающаяся, а пассажиры на полустанке бывают так редко, что он невольно должен был обратить на себя внимание. Да, он точно помнит, что видел Марипозу с год назад, причем дважды: при отъезде в Вену, а две недели спустя по возвращении из Вены. Служащий готов был присягнуть, что Марипоза никогда не уезжал с большим багажом, зато всегда возвращался с массой покупок. Я и сам, не раз провожавший Марипозу на вокзал, мог подтвердить, что он вез всё купленное в Вене с собой, а не сдавал в багаж.

Итак, вот итог моего частного расследования: примерно год назад, после того, как он навестил меня в Вене, Марипоза вернулся в свое имение – и пропал.

Значит, его убили. И, кроме арендаторов, заподозрить некого. Но поверить в их виновность я все-таки не мог. Не говоря уже об их хорошей репутации и о том, что Марипоза всегда отзывался о них с похвалой, какой у них был мотив для преступления? Наличных у Марипозы почти не было, все расчеты он производил через банк или с моей помощью. Правда, об этом они не знали и вполне могли предположить, что он держит дома большие суммы. Но в любом случае они же должны были понимать, что его долгое отсутствие будет замечено, и тогда выгодный для них договор об аренде расторгнут. Вот пока он жив, им этого опасаться не приходилось. Так что смерть Марипозы не в их интересах.

Прежде чем предпринять следующие шаги, я решил посоветоваться с одним моим добрым знакомым, опытным сыщиком.

Всю ночь я плохо спал. И попросил утром шофера отвезти меня куда-нибудь за город, где бы я мог отдохнуть и спокойно обо всем подумать. День обещал быть чудесным.

Машину с шофером я отослал вперед.

Примерно через час я увидел странную картину – метрах в ста от дороги, на поляне около леса, сидели на траве женщины и что-то ели. В этом, конечно, ничего удивительного не было, – но то одна, то другая из них, поочередно, поднималась и ненадолго пропадала в лесу и, возвратившись, садилась обратно, продолжая есть. Я остановился и смотрел на них. Меня привлекли их гордые осанки и движения – что-то было в них неестественное, механическое. Я стал осторожно приближаться к ним, чтобы разглядеть их получше. Напоминали они цыганок и одеждой и даже издали бросавшейся в глаза небрежностью. Ели руками, часто отирая их о подолы юбок. Конечно, только цыганка может одеть грубые рабочие сапоги и модную шляпку, но чем ближе я подходил, тем яснее различал лица – черт побери, все они европейки, и все красивые. Может, сектантки или нищенки, перебирал я в голове всевозможные варианты, чувствуя уже, что дело здесь не чисто. А они тем временем продолжали спокойно есть и смотреть куда-то вверх. Я не слышал, чтобы они произнесли хоть слово, мне показалось, что общаются они только жестами. Скоро я разглядел – лица их были в грязи, а может быть и в синяках, по крайней мере, у одной я заметил на отрешенном, удивительно счастливом лице следы глубоких ссадин, и у двух-трех заметно выделялись припухшие скулы. Одним словом, напоминали они и пестрый табор цыганок без цыган, и обитателей сумасшедшего дома, и флагелланток*.

Вдруг из леса вслед за одной из девушек выбежала рослая овчарка, обежала всех сидящих, как пастушья собака обегает стадо, и села, настороженно подняв уши.

Рольф, узнал я, и крикнул: – Рольф, Рольф!

Пес с радостным лаем бросился ко мне. Я больше не скрывался и пошел ему навстречу. Но, сдержанно поприветствовав меня, он залился лаем и пропал в лесу. Я огляделся и никого не увидел – женщины исчезли, как будто их и не было вовсе.

И вдруг молнией сверкнула мысль: ведь это же они, пропавшие из Штайнмарка! Я стал припоминать, сколько их было, может быть двадцать, а может, и больше... Почему-то я не сомневался в своей правоте. Сорок три пропавших женщины бродят средь бела дня, а их

---

* Флагелланты (от *лат.* flagellum – бич) – религиозная секта, члены которой подвергали себя бичеванию ради "искупления грехов"; обычай этот был широко распространен в средневековой Европе и даже принимал характер массового психоза. – *Ред.*

ищут и не могут найти. Если бы они шли своей дорогой каждая поодиночке, их давно бы обнаружили. Воистину из-за леса не видно деревьев!

Вернувшись в Вену, я первым делом пошел к моему знакомому сыщику, но он был в отъезде.

Беспокойство не оставляло меня, торопя предпринять решительные шаги для выяснения всех обстоятельств исчезновения Марипозы. И тут мне в голову пришла отличная мысль: надо посоветоваться с Паппафавой.

Бенвенутто Паппафава в последние годы приобрел европейскую известность, как выдающийся графолог. Сам он, правда, считал себя телепатом. Он мог определить по почерку не только характер человека, но и его желания, опасности, которые ему угрожают, и людей, которые его любят или ненавидят. Если графология в основном как бы конструирует костяк личности, то искусство Паппафавы, куда более изощренное, воссоздавало индивидуальность. И если сравнить обыкновенное толкование почерка с фотографией, то Паппафава мог создавать целый фильм.

Добиться у него приема было сложно. И не только из-за множества клиентов, но главным образом потому, что он, человек богатый, упражнялся в своем искусстве только из любви к нему. Даже добившись аудиенции, нельзя было быть уверенным, что он согласится заняться вашим делом: он мог быть не в духе, или случай казался ему заурядным, зато иной раз он набрасывался на текст, как голодный на пищу.

Но я сумел запастись рекомендательным письмом близкого друга Паппафавы, и он принял меня без проволочек.

Я рассказал ему, что один из моих друзей, ученый, уединившийся в отдаленном имении, около года назад объявил, что намерен отправиться в далекое путешествие. С тех пор о нем ни слуха ни духа. Я уверен, что никуда он не уехал и хочу узнать, в чем причина его исчезновения.

– Если вы так уверены, что ваш друг никуда не уезжал, то могут быть три причины его исчезновения: самоубийство, несчастный случай или преступление. Покончил ли он жизнь самоубийством, я скажу вам сразу. Дайте мне письмо, которое ваш друг якобы написал перед отъездом.

Бросив беглый взгляд на письмо, Паппафава без тени сомнений заявил:

– О самоубийстве не может быть и речи. Этот человек готов прожить до ста лет. Он слишком ценит свою жизнь и просто так швыряться ею не станет. Но письмо подписано только инициалом. А для меня нет ничего важнее полной подписи. Мне нужно его самое последнее письмо и обязательно подписанное.

Я вспомнил о записке, доставшейся мне от арендаторов, она хранилась у меня дома, среди писем Марипозы. С согласия Паппафавы я немедленно пошел за ней.

Вернувшись – а отсутствовал я не больше десяти минут, – я застал Паппафаву, по-прежнему склонившимся над письмом Марипозы. Как видно, оно весьма его заинтересовало. И когда я подал записку, он буквально набросился на нее.

Он не отводил глаз от нее, предельно сосредоточившись. Потом, медленно роняя слова, проговорил:

– Нет, преступления я тоже не вижу. Никто ему вреда не причинил. Он хочет что-то с собой сделать, что-то такое...

И, поймав мой испуганный взгляд, уточнил:

– Нет, не убить себя. И если он расстанется с жизнью, – размышлял он вслух, – то только для того, чтобы восстать к новой как Феникс.

А потом отрывисто, низким и торжественным голосом, подобно пифии, восседающей на треножнике, изрек:

– Я внимаю музыке третьей увертюры Леоноры: "О Господи, Боже мой, из глубочайшей нужды я взываю к Тебе!"

Гений ищет освобождения. Из темницы человечества он, стеная, стремится к свету сверхчеловеческой свободы.

Да, он Фосфорос-Святоносец. Он *хочет* быть Святоносцем.

Он близок к свободе. Я даже слышу глас ее спасительных труб. Но принесет ли свобода свет? И явит ли свет он?

Я слышу, как вокруг меня с шумом бьют тысячи крыльев... О, если бы я мог понять, причем тут гусеницы и бабочки... Нет, это чудо с бабочками до меня не доходит...

– Нет, – он закашлялся, голос у него сел, – это выше моего понимания.

Я молчал, словно оглушенный. Пока, наконец, не спросил его:

– Откуда вам известно о гусеницах и бабочках Марипозы?

– Из его подписи. Роспись каждого человека есть как бы образное отражение его стремлений. Это как загадочная картина, которую и можно, и необходимо разгадать. Попробую-ка я усилить контуры его подписи. И вы сами увидите здесь изгибающихся гусениц и крылья бабочек.

Он нарисовал на бумаге подпись Марипозы в увеличенном виде и показал мне. Выглядела она примерно так:

Бывают случаи, которые заставят вздрогнуть самого трезвомыслящего человека. Слушалось дело в земельном суде. Оно несколько задерживалось, и я коротал время, беседуя с клиентами. В зале ожидания собралась еще одна группа, центром которой оказался известный психиатр профессор Хайнольд. Он участвовал в другом заседании в качестве эксперта, а в перерыве делился с друзьями занятными случаями из своей практики. Поскольку я, увлеченный беседой, ходил взад-вперед по залу, до меня доносились лишь обрывки его рассказа. Профессор университета... абсолютно нормальный... бабочка величиной с человека...

– Что, бабочка с человека? Какой странный бред...

– Да нет, просто галлюцинаторное явление...

Едва услышав последние фразы, я, прервав на полуслове своего клиента, извинился и подбежал к Хайнольду с вопросом:

– Что вы говорили о бабочке, господин профессор?

Но буквально через несколько секунд нас позвали в зал заседаний, и он не успел мне ответить.

А теперь слушайте меня и не смейтесь. После обеда я заехал к доктору Хайнольду и насилу вытащил из него – поскольку он твердил о врачебной тайне – фамилию и адрес пациента, который бредил бабочками. Им оказался доктор Мёллер, отставной университетский профессор, живущий в Граце.

Два дня спустя, в воскресенье, я стоял у подножия Розовой горы перед маленькой красивой виллой профессора Мёллера. Порог дома переступил с некоторой робостью. Разве это не нахальство – врываться в дом совершенно незнакомого человека и расспрашивать его о нервном расстройстве?

Мои опасения были развеяны той любезностью, с которой меня приняли. Профессор оказался высоким статным господином, которому, помимо научных трудов, были не чужды гимнастические упражнения и

желание побродить по окрестностям с ружьишком за плечом. Печальные глаза выглядели странно на загорелом лице.

Я признался, что не пустое любопытство заставило меня бросить дела в Вене, а весьма серьезные причины, по которым я и прошу его подробно рассказать... о бабочках, то есть о бабочке...

– Вы не похожи на праздного человека, – перебил он. – О причинах, которые привели вас ко мне, вы, если вам будет угодно, расскажете позже. Я нисколько не сомневаюсь, что без серьезных оснований вы никого беспокоить не стали бы. А я не такой злой человек, чтобы заставить вас вернуться в Вену ни с чем. Нет ничего постыдного в том, чтобы рассказать о болезни, которую ты уже успел побороть. Однако мне хочется верить, что кроме вас об этом никто не узнает.

Я обещал, и он вздохнул с облегчением: ему, наверное, необходимо было излить перед кем-то душу.

– С тех пор как я удалился на покой, я живу в Граце, на этой маленькой вилле. Она, как вы могли убедиться, стоит в стороне от других. Примерно месяц назад я сидел тихим вечером на балконе. Окна были распахнуты, в гостиной моя внучка играла на рояле. Что-то удивительно красивое, нежное. Возможно, это был Шопен или Бетховен, не знаю, в музыке я плохо разбираюсь.

Вдруг я услышал над собой шум крыльев. Словно пролетела громадная птица, таким сильным был этот звук. Я поднял глаза, пригляделся, но ничего не увидел.

Когда внучка закончила играть и захлопнула крышку рояля, над крышей опять послышался шум. Можно было подумать, какое-то животное устроилось там и тайком слушало музыку. А теперь взлетело с крыши. Это была не птица, а животное, о существовании которого я и не догадывался: гигантская бабочка. Бабочка ростом с человека и размахом крыльев больше, чем у грифа.

Я в испуге бросился в комнату и закрыл дверь балкона на щеколду.

Когда я успокоился, оно исчезло, и мне подумалось даже: а не привиделось ли мне? Никогда в жизни я не страдал галлюцинациями и воспринял это как признак старческой слабости, весть о близкой смерти. Очень неприятное состояние!

В последующие дни погода испортилась. Однако в первый же приятный вечер, когда я снова сидел на балконе, а внучка музицировала, животное появилось вновь.

Со свистом рассекая воздух, оно летело прямо на меня. Да, это была огромных размеров бабочка, бабочка-великан! От страха и ужаса я потерял сознание.

На другой день я поехал на прием к психиатру: повторная галлюцинация заставила меня усомниться, в своем ли я уме. Но доктор меня успокоил: оказывается, видение было только один раз, произошел так называемый эффект "ощущения псевдознакомства" – кажущееся повторение единичного видения.

А само видение от истолковал так... вернее, я сам пришел к такому объяснению: бабочки – мои любимцы, их изучению я отдал многие годы, им посвящена моя докторская диссертация. Когда два года назад я вышел в отставку, прекращение научной и преподавательской деятельности нанесло мне страшный удар. В моих мечтах бабочка как бы символизирует мужскую силу, которую я утратил, лишившись своего любимого занятия. Мечта стала желанием, которое так неожиданно явилось мне, обретя мощь и невиданные размеры.

Возможно потому, что мне, как ученому, представляется совершенно фантастичным подобное чудовище – размах крыльев самой большой бабочки, живущей в труднодоступных тропических болотах, не превышает тридцати сантиметров... а может быть, потому, что доктор так деликатно истолковал мои галлюцинации, я совершенно согласился с ним.

Но вот что тревожит меня... Моя внучка, которая после смерти родителей жила в моем доме, после того вечера... бесследно исчезла. Меня терзает мысль, что в припадке умопомрачения я мог ударить или обидеть бедное дитя, и она сбежала. А ведь она единственная моя радость. Поиски ни к чему не привели... Вы ведь слышали про загадочные исчезновения девушек и женщин? Господи, у меня сердце разрывается, когда я подумаю, что с ней могло случиться!

Я хотел было рассказать ему о женщинах, которых видел недавно около леса, но не решился...

Профессор спрятал лицо в ладонях. За окном стемнело, но свет не зажигали. Давящая тишина. Я поднялся и заходил по комнате, испытывая сильнейшее возбуждение.

Нет, обманом зрения и расстройством психики всего не объяснишь. Есть факты! На первый взгляд необъяснимые, но требующие объяснения... Крылатый лев в Венеции и летающая саламандра Марипозы, бабочка-великан профессора Мёллера и вампир крестьянина из Штайнмарка – разве это не указатели к разгадке тайны?

– Всё время этот Марипоза, – проговорил я, как бы рассуждая вслух.

– Вы с ним знакомы? – оживился профессор. – Он был одним из самых талантливых моих студентов, и я возлагал на него большие надежды...

Мы оба, побледнев и подчиняясь внезапному порыву, протянули друг другу руки, взволнованные и охваченные еще неясным, но страшным предчувствием. Я рассказал профессору все, что мне было известно о Марипозе, о его научных опытах и плане экспедиции, о таинственных крылатых животных и о странных женщинах, среди которых могла находиться и его внучка...

– Нет, я не могу здесь оставаться больше, подождите меня, – сказал профессор, когда я начал собираться, – поедемте вместе.

На обратном пути мы остановились пообедать в Леобене. От нечего делать я листал местную газету "Леобнер нахрихтен". В разделе хроники под заголовком "Удивительные происшествия" было напечатано: "Позавчера в здании городской филармонии состоялся концерт Венского симфонического оркестра. Во время концерта капельдинеры заметили огромную бабочку, величиной больше журавля, которая кружила над концертным залом, то и дело садясь на крышу, словно желая послушать музыку. Когда концерт закончился, бабочка исчезла в ночном небе".

Мы договорились с Мёллером встретиться завтра и обсудить дальнейшие действия, но случилось непредвиденное.

Во-первых, когда я приехал домой, мне сообщили, что загородный дом в Гринцинге, который я присмотрел еще в прошлом году, свободен, и я могу переехать туда в любое удобное время.

Во-вторых, исполнилась и другая моя, куда более сокровенная мечта: Дезире согласилась стать моей женой. Она все время медлила с ответом, ссылаясь то на свою молодость, то на желание закончить университет.

В минуты отчаяния я говорил себе, что это просто отговорки. Если бы она любила, то не колебалась бы. Однако она любила меня или даже не меня и не мою любовь, она любила лишь некоторые мои качества... – таковы женщины, которых мы боготворим. Я подозревал, что Дезире просто хотела выиграть время, чтобы сравнить меня с другими поклонниками, среди которых были люди богаче меня и, увы, моложе.

От таких мыслей мне делалось не по себе. Но я не решался поставить ее перед выбором "или-или", боясь потерять навсегда. А что

мне оставалось? Мне было за сорок, а ей всего лишь двадцать. И как же она хороша собой!.. Разумеется, я был всецело в ее власти.

И вот она дала согласие! Отныне мы будем связаны навеки, и я пребывал на вершине блаженства...

Сегодня день рождения Дезире. И на сегодня же назначен переезд в мой загородный дом, где состоится торжественный обед, которым мы отпразднуем и день рождение Дезире, и нашу помолвку. Только она и я.

Пообедать на террасе нам не удалось: хлынул дождь. Пришлось перебираться в гостиную. Она была выдержана в тех же серебристо-черных тонах, что и библиотека Марипозы: светлый ковер на полу, темная мебель, на стенах – спокойные пейзажи. Через высокую застекленную дверь можно выйти в сад. Сейчас, во время дождя, окна занавешены жатыми гардинами золотистого цвета, отчего свет в комнате стал мягким, приглушенным.

Вот и закончился обед. А разговор между нами так и не ладился. Мы молчали. Я закурил сигарету и думал, как спасти этот долгожданный и ставший уже немного тягостным вечер.

– И все-таки одного человека здесь не хватает... – тихо проговорил я.

– Нам, наверное, не суждено больше с ним увидеться, – печально откликнулась Дезире. – Как глупа я была в своем высокомерии... И гения разглядела в нем слишком поздно. Сколько любви в нем было! Но никто не ответил ему любовью, не понял его... Бедный, благородный Марипоза! Как мне хотелось бы знать, что ты меня простил.

Тоска Дезире меня и удивила, и раздосадовала.

– Дорогая, – с наигранной напыщенностью сказал я. – Мы всегда будем вспоминать его, но давай все же не портить наш праздник. Пусть черная кайма грусти лишь оттеняет светлое настоящее.

Меня всегда восхищал переменчивый блеск больших темно-голубых глаз Дезире. Иногда в них горела страсть, иногда они были нежно мечтательными или пронзительно-вопрошающими.

Но о чем она думала сейчас? Она даже не смотрела в мою сторону. Меня охватила тревожная неуверенность, когда я наблюдал за движением ее полуоткрытых губ и блеском повлажневших глаз. Способность любящего сердца к предчувствию и толика художнического предвидения подсказывали мне, что мысли ее устремлены к чему-то мне не известному, чуждому, но и расспрашивать сейчас я ее не мог, да и не хотел.

Она сделалась рассеянной. То и дело поглядывала в окно и, прервав молчание, неожиданно попросила меня поднять гардины на

двери балкона: ей захотелось увидеть сад... Хотя желание показалось мне не совсем уместным, я все же поспешил исполнить его. Тем более что тогда можно было бы погасить свет в комнате: из освещенной гостиной в темном саду ничего не разглядеть...

И вот мы оба стоим перед дверью. Дождь перестал, спустилась теплая весенняя ночь. На черном небе светились белые холодные звезды. Вдали видны мягкие склоны Винервальда, сад окутал сумрак. Тишина вокруг.

Мы стоим молча, и мной овладевает безотчетная тревога, мне кажется, что мы безнадежно далеки друг от друга, нечто стоит между нами – Господи, как мне не хватало ее доброго слова! Я просительно взял ее за руку и хотел поднести уже ее пальцы к губам... Но она вырвала руку и со сдавленным возгласом указала на верхушки лиственниц, ветви которых под порывами ветра жутковато серебрились в свете полной луны.

Лицо ее светилось радостью. Я всматривался в темноту. Нет, ничего особенного... и вдруг от лиственницы, стоявшей шагах в ста от нас, что-то отделилось; сперва *оно* напомнило мне парящий яркий флаг. Но совсем скоро я разглядел его лучше – *оно* летит, у него есть крылья, могучие крылья, крылья бабочки...

Бабочка с человека, и размах крыльев у нее как у кондора, они серебристо-белые, переливчатые, как парча. А когда она в полете переворачивается, видно оборотную сторону крыльев: подобно перламутру, они отсвечивают всеми цветами радуги.

Несколько раз взмахнув крыльями, бабочка взмывает ввысь и долго кружит, парит над садом, время от времени зависая в воздухе, точно что-то высматривая. И так же плавно снижается, теперь я могу разглядеть ее туловище. Вот вам, доктор Мёллер, и оптический обман! Неужели у страха глаза так велики? Может быть, это чудо, но я совершенно спокоен и вижу все отчетливо: между крыльями бабочки тело человека, прекрасное, как статуя, высеченная из лучшего каррарского мрамора... И вот она летит прямо на меня, словно стрела, пущенная из тугого лука.

Теперь я вижу глаза, горящие в темноте – глаза птицы, глаза хищника, глаза зверя... Нет, смотреть в них невыносимо! Итцпапалотль, демон-бабочка!

Я резко дергаю гардины и, в ужасе отшатнувшись к стене, включаю свет.

В комнату вбегает испуганный слуга, и спрашивает, звал ли я его. Дыхание мое прерывисто, мне не хватает мужества что-то сказать,

произнести слово трудно, и я только указываю на окно, переплет которого содрогается под глухими ударами бабочки-великана.

Слуга делает несколько шагов к окну, но Дезире преграждает ему путь и холодно произносит:

– Нет, ничего не надо, вы можете идти. Мы вас не звали.

Слуга уходит, недоуменно покачивая головой.

И Дезире покидает комнату, но у порога оглядывается, и я ловлю ее взгляд... В нем не испуг, в нем радость, болезненная, полная, заливающая все ее прекрасное лицо странно холодными цветами неизъяснимого счастья. Но она спокойно говорит мне:

– Я сейчас вернусь, мне просто немножко не по себе.

Я был не против остаться один, мне было стыдно за то, что она стала свидетельницей моего смятения. Но хотел бы я встретить смельчака, способного выдержать взгляд этого чудовища!

Постепенно я успокаивался. Удары больше не слышны. Я осторожно подкрался к окну, открыл створки и выглянул наружу. Ничего! Тихая, ясная ночь. Бабочка исчезла, как исчезают приведения – словно ее никогда и не было.

А Дезире не возвращалась. Я встревожился и вышел на крыльцо посмотреть, не в саду ли она – ни пальто, ни шляпки на вешалке в прихожей нет.

Я звал ее, обыскал весь дом и сад, разбудил слуг, переполошил всех, кого можно. Бросился к садовой калитке, выбежал на шоссе. Никого!

На меня как будто взвалили огромную глыбу. Я шел по шоссе и повторял вслух: "Вот он каков, венец моей жизни! И этому дню я радовался, как дитя... Нет, ничему нельзя радоваться заранее". И там же на шоссе я вспомнил, где видел такие исполненные счастьем, холодные лица – лица тех женщин, на лесной поляне.

Ранним утром я помчался на квартиру Дезире. Но дома ее не было, она не возвращалась.

Продолжить поиски мне не удалось, потому что я получил телеграмму от профессора Мёллера, он просил меня незамедлительно приехать в имение Марипозы, где он меня ждет.

Ничего хорошего от этой встречи я не ожидал. По дороге меня начал бить озноб, и я, закутавшись в одеяло, постарался заснуть, забившись в угол на заднем сидении. Но подпрыгивающая на выбоинах машина и боль в висках не позволили мне хотя бы ненадолго забыться. Я смотрел на унылые серые поля, исхлестанные ветром деревья, и на

временами причудливо меняющие пейзаж струи холодного дождя, непрекращающимся потоком льющиеся по стеклу... Явится ли сегодня ночью крылатое приведение? Оно не выходило у меня из головы, и когда я закрывал глаза, вставало перед моим внутренним взором: белая мраморная статуя между двумя идеально правильными перламутровыми крыльями, по которым скользят и играют красками лунные блики. Видение ужасное, непостижимое...

Профессор Мёллер ждал меня с нетерпением.

– Слава Богу, вы здесь. Я нашел ее... моя внучка... но Боже, в каком виде... Скоро вы все увидите своими глазами, я даже не пытаюсь вам всего объяснить... и кроме того, сегодня мы убедимся, что я не страдаю галлюцинациями. Часов в девять здесь уже будет темно, вы сами увидите.

Оставалось три часа.

Мёллер выглядел уставшим, взгляд его растерянно и подолгу останавливался поочередно то на одном, то на другом предмете, но, тем не менее, он заметил, что я сильно расстроен.

– Что стряслось? – спросил он.

Я рассказал ему о событиях вчерашнего вечера: от появления фантома (не просто бабочки-великана, а бабочки-человека) до бегства Дезире. Он слушал меня с напряженным вниманием и, похоже, нисколько не удивился. Выслушав, он только пробормотал:

– Что ж, одной одержимой больше.

Я предложил внимательно осмотреть виллу Марипозы, ведь до сих пор мне не удавалось этого сделать. Профессор согласился, и я отвел его в виварий, а сам занялся осмотром жилых комнат, гостиной, спальни и библиотеки.

Я обследовал их тщательнейшим образом; мне помогала семья арендатора – безучастно, лениво следовали они за мной из комнаты в комнату. Мы перерыли ящики всех столов и шкафов: нет ли писем или бумаг, которые помогут разгадке, простукивали полы и в поисках тайника снимали со стен картины – вдруг он за одной из них?

Откуда-то появился Рольф. Лапы его были забрызганы грязью, и я понял, что он вбежал с улицы в оставленную приоткрытой входную дверь. После бурных приветствий умный пес, видимо, догадался, чем я занимаюсь, и стал мне помогать. Он обежал всю комнату и сел посередине – ничего важного здесь нет.

– Похоже, ты прав, – согласился я и пошел в лабораторию. Здесь Рольф вел себя иначе, не успели мы ступить на порог, как он подбежал к стене, облаял ее, поджал хвост и заскулил.

Стена, которую облаял Рольф, была почти до потолка заставлена стеллажами с бутылями, колбами, пробирками, хирургическими инструментами и тому подобным. Я сложил все это на пол и дал обнюхать Рольфу. Он проделал это с равнодушным видом и снова залаял. На мой вопрос, нет ли за стеной потайной комнаты, арендаторы ответили отрицательно. Но пес не унимался.

С помощью карманного фонаря я обследовал заднюю стенку стеллажа и обнаружил два шарнира. Я нажал на них – они поддались! Стеллаж, точнее, вся стена повернулась вокруг невидимой оси, открыв небольшой проем. Арендаторы, с которых я не спускал глаз, искренне удивились такой находке.

Через этот проем мы попали в маленькую комнату. Она была так тесно заставлена, что пройти удалось с трудом. Чуть ли не все помещение занимала весьма причудливая кровать; все остальные предметы были расположены вокруг нее так, что до них можно было дотянуться, не вставая. Всюду разбросаны книги. На подставке – фарфоровый тигель, слева и справа от изголовья – какие-то приборы, вентилятор, большой электрокамин. Когда его включали, комната, вероятно, превращалась в парник. Но сейчас здесь было прохладно, потому что высокое окно распахнуто. Теперь я вспомнил: это было то самое окно, на которое я обратил внимание еще во время моего первого визита.

Рольф, радостно повизгивая, бросился к кучке белья и одежды, лежавшей на тумбочке. Она была небрежно скомкана, словно ее владелец торопливо разделся и сбросил ее перед сном. Жена арендатора сказала, что именно так был одет Марипоза, когда она видела его в последний раз.

Этот чулан наверняка хранит какую-то тайну. Может быть, профессор найдет здесь что-то, заметное лишь глазу опытного ученого. Я пошел за ним.

Он стоял возле стеклянного ящика, сложив руки за спиной, неподвижный, лицом. покрасневшим от напряжения. Профессор настолько ушел в себя, что моего появления даже не заметил.

– Господи Боже мой! И он приглашал вас в это святилище? Вот уж, действительно, метать бисер... Да вы представляете себе, какого труда все это стоило? Какие знания тут потребовались? Какая мощь предвидения? До сих пор я полагал, что кое-что смыслю в своем деле. А сейчас кажусь себе мальчиком, в первый раз переступившем порог

энтомологического музея. Да, остается только молчать и восхищаться. И Марипоза скрывал это от ученых?! Непостижимо!

Он не отводил глаз от стеклянных ящиков, и мне с трудом удалось уговорить его пройти в открытую мной комнатку. Он быстро разобрался, что к чему: эти приборы измеряют количество кислорода, потребляемого микроорганизмами, и его концентрацию; этот аппарат фиксирует на кинопленку все стадии развития клеток. А вот "микротом", позволяющий разделить маковое зернышко на сотни срезов.

Он долго рассматривал содержимое плавильного горшочка и сокрушенно качал головой – не понятно!

Мы собирались уже оставить эту комнату, когда Рольф вскочил на постель, стащил лапами простыню и зубами потащил на себя не то мешок, не то чехол. Профессор Мёллер отнял эту вещь у Рольфа и принялся рассматривать. Он был сам не свой, то и дело протирал стекла очков, лицо его побагровело, он даже нюхал "чехол", растягивал, щупал, потом подошел ко мне вплотную и зашептал:

– Знаете, что это такое? Это оболочка куколки, кокон. Конечно, не обыкновенной бабочки, нет, бабочки-гиганта! Теперь я понимаю, зачем ему потребовалась такая температура. Большой электрокамин – чтобы во время окукливания поддерживать в комнате нужную температуру, а кислородные мехи – чтобы подавать необходимый для развития бабочки кислород. Видите ли, для развития бабочки необходимы тепло и кислород – это первейшие условия. Вот в этой постели он и окуклился, а в то открытое окно бабочка улетела. Теперь вам ясно?

Мы наспех поужинали.

– Пора, – сказал Мёллер, – только, пожалуйста, делайте все так, как я говорю, поймите, это очень важно.

Распогодилось, ночь была мягкой, светлой. Шли молча, думая каждый о своем. Профессор время от времени поглядывал на верхушки деревьев.

Вдруг он остановился как вкопанный, схватил меня за руку и указал на один из дубов – нельзя было не заметить большой зеленоватый нарост, походивший на чернильный орешек или галл, только величиной с детский воздушный шар. Профессор застыл на месте, разглядывая эту штуковину.

– Да пойдемте же, господин Мёллер, пойдемте. Что здесь удивительного? Какой-то нарост, какой-то чернильный орешек.

Сообщите о нем в общество лесоводов – они запрыгают от радости! – устало пошутил я.

– О-о! Невинное дитя, вам действительно не понять всей глубины моего удивления... да разве вас не поразил бы, к примеру, майский жук величиной с корову? Или какой-нибудь колокольчик выше тополя? А ведь это было бы таким же чудом, как и то, которое вы сейчас видите. И дело не только в этом. Между прочим, вы попали в точку: это действительно чернильный орешек. Однако один факт его существования может сразу разрешить спор, который десятки лет вели энтомологи с ботаниками. Старый, как мир, спор: как возникают эти древесные "опухоли"? Образуют ли их растения, чтобы привлечь насекомых, или их образуют сами паразиты?

Теперь очевидно, что справедлива вторая гипотеза. Потому что если бы такие наросты производили растения, то чернильные орешки, подобные этому, были бы замечены давно. Но ни одно из известных нам насекомых не способно образовать такие галлы. Если только этот цецид не плод труда мириадов организмов. Но подобное никогда прежде не наблюдалось. Остается предположить одно: этот нарост вызван к жизни гигантским насекомым.

– Теперь ведь такое насекомое есть. Мы его знаем.

– Странно, – пробормотал профессор, – но мне почему-то кажется, что он и сейчас продолжает экспериментировать.

Скоро мы совсем углубились в лес. Здесь было темно, ветви стегали нас по лицу, мы шли почти на ощупь, спотыкались об узловатые корни, и я уже проклял все на свете, когда деревья поредели и мы увидели залитую лунным светом прогалину. Профессор Мёллер потянул меня за рукав:

– Тише, пригнитесь.

Мы сделали еще несколько шагов и остановились около громадного дерева. Белесое облако затянуло месяц – и все вокруг приобрело какие-то размытые очертания. Сказочный ландшафт, напоминающий царство эльфов.

То, что нам предстояло увидеть, тоже было мифическим, невероятным, невозможным...

Женщины были обнажены, их одежды лежали под деревьями, а сами они танцевали в кругу. Танцевали какой-то дикий, вакхический танец, извиваясь, вращая головами, бедрами, кусали себя, падали на колени и обращали, наконец, свои сияющие, полные мольбы глаза

вверх. В центре круга над их головами гордо парила огромная серебристая бабочка. Хлопая крыльями, она взмывала в небо, медленно спускалась, паря, и, облетая одну за другой своих жриц, как бы приглашала их к похотливым, сладостным играм.

Весь дрожа, профессор сжал мое плечо, указав на совсем юную девушку, тянувшуюся всем телом к бабочке. Под ликующие крики остальных она предлагала ей поласкать свои упругие груди...

– Это она, – простонал Мёллер.– Боже! Она была воплощением невинности!

А я слышал его слова и не слышал... Мне вспомнились мифы, обжигающие своей чувственностью. Культ Киприды – вакханалии – танцы Астарты... Опьяненные желанием прекрасные женщины приносят себя в жертву богу любви...

– Жуткая сцена! Куда там до нее "Вальпургиевой ночи!" – вывели меня из оцепенения слова Мёллера. – Пойдемте, господин доктор, пока они нас не заметили. Эти обезумевшие менады растерзают нас! – И он потянул меня за собой.

Стоило мне прийти в себя, как во мне сразу проснулся добропорядочный бюргер и юрист.

– Все бы прекрасно, – начал я, – будь это сказочной мечтой, спектаклем. Но как это согласуется с законом? Ведь это форменное безобразие, нарушение общественного порядка, оскорбление нравственности!

– Именно поэтому я и вызвал вас сюда. Нам нельзя впредь оставаться безучастными свидетелями. Мы обязаны сделать все, чтобы вернуть этих заблудших, этих помешанных их семьям. Это не только наш долг перед обществом... Среди них – моя внучка и ваша невеста. Мне неприятно говорить об этом, но я не сомневаюсь, что очень скоро вы увидите и ее тоже.

Я вздрогнул.

– С чего вы взяли, – спросил я, холодея и зная уже, что профессор говорит правду, – но откуда такая страсть? Почему они так меняются, почему?

– Я сам это плохо понимаю, но можно предполагать... Прежде всего давайте зададим себе вопрос: каким образом все эти женщины, прежде не знакомые друг с другом и жившие в разных местах, не сговариваясь, оказались вместе? Я думаю, что могу позволить себе ответить на него

так: несомненно, здесь находится гнездо – хотите, назовите иначе! – этой особи. Так что же привело сюда их всех?

У нас есть два примера, которые могут служить, так скажем, материалом для научных наблюдений: моя внучка и ваша подруга. В обоих случаях исчезновению предшествовала встреча с бабочкой – обе ее видели. Какая же сила заставила их следовать за ней? Вернее, за ним? Надеюсь, вы понимаете, что это самец...

Итак, от бабочки исходит некая неодолимая притягательная сила. Какая?

Есть два ответа, и оба имеют равное право на существование.

Первый: волевое воздействие, иначе говоря – гипноз.

Увидев их, бабочка внушила им стремление следовать за собой. Похоже, это существо посылает мощные волевые импульсы. Это объяснение антропоморфическое, то есть мы исходим из человеческой природы существа, судим по человеческим меркам.

И второй: если так можно выразиться, тварного свойства, он может показаться фантастическим, но я склоняюсь скорее к нему. Чтобы вы меня лучше поняли, я прочту вам небольшую лекцию.

Доказано, что у бабочек раздражение, оказываемое особями друг на друга перед спариванием, – это чувственное воздействие. И не только с помощью внешних ощущений – отсюда такая красивая раскраска у самцов, но в гораздо большей степени при помощи других ощущений.

Науке известно, что любое живое существо создает настоящее “поле запахов”, которое влечет особь другого пола. Известно так же, что отдельные виды бабочек “излучают” такие запахи, которые способны воспринимать даже мы с нашим грубым обонянием. Представьте, как эти запахи влияют на насекомых, органы чувств которых развиты, вероятно, во столько же раз сильнее, во сколько они меньше у нас! Причем эти запахи могут распространяться на огромные расстояния. Однажды некий коллекционер поймал один интересный экземпляр. Самочку. До его дома путь был долгий, часов шесть на поезде. Дома он поместил бабочку в коробку с дырочками для доступа воздуха, которую поставил на подоконник. Заметьте себе, что в тех местах, где жил коллекционер, бабочки этого вида совершенно не встречаются. Коробочку он поставил на подоконник утром, а к вечеру она вся была усеяна множеством мужских особей.

Вполне возможно, и даже вероятно, что произошло это не только благодаря воздействию запахов, но и в силу каких-то иных, пока не установленных причин. Точно известно, что на поверхности тела бабочки есть так называемые “чувственные штифты”, под которыми находятся

нервные окончания, они-то и воспринимают запахи. В таких случаях мы обычно употребляем термин “химическое чувство”.

Вы, наверно, уже поняли, куда я клоню. Я подозреваю, что эта бабочка-гигант вырабатывает вещества, оказывающие на женщин воздействие сходное с воздействием афродизических средств, вызывающих в женщинах сильнейшее половое влечение. Какой силы эти возбудители,мы не можем представить даже приблизительно. Они должны быть чудовищными, чтобы превратить невинную девочку, почти ребенка в обезумевшую самку. О Господи!

– Ваша лекция меня убедила, – ответил я. – Но что толку распознать причину? Мы должны устранить последствия. Надо обратиться в ближайшее жандармское отделение и заставить их вернуть беглянок домой.

– Вы полагаете, они вот так возьмут и вернутся? К каждой из них придется приставить по два жандарма. И даже если их вернут домой, они опять сбегут. Не забывайте, что они находятся в полной психической зависимости. Кто их от нее освободит, развяжет невидимые путы?

– Так что же вы предлагаете?

– Необходимо поймать это существо, эту бабочку. Хотя бы в интересах науки...

– Нет, – отрезал я. – Вот если окажутся бессильны все другие средства...

Я спешил. Мало того, что в Вене меня ждали неотложные дела, мне еще было необходимо обдумать многое, прежде чем начать действовать. Наивная мысль, что Дезире, может быть, уже *дома* и что, может быть, с ней ничего такого не произошло, не оставляла меня.

Мы с Мёллером ни о чем толком не договорились. Сошлись на том, что к помощи официальных инстанций пока прибегать не следует: поднимется шум, и тогда от нас обоих уже ничего не будет зависеть.

Поскольку профессор был почти уверен, что Дезире скоро появится в этих местах, я подробно описал ему ее внешность и просил, чего бы то ни стоило, отправить Дезире обратно на моей машине, которую, вместе с шофером, прекрасно знавшим ее, я оставил в имении Марипозы.

Вернувшись в Вену, я сразу справился о Дезире. Она не объявлялась.

В ожидавшей меня почте я нашел письмо из Граца. Местный нотариус сообщал, что некий господин Папилио Марипоза оставил ему

запечатанный конверт и поручил передать его мне по истечении года, не вскрывая. Он пересылает письмо и просит подтвердить получение.

Воспроизвожу содержание письма дословно, от точки до точки.

"Дорогой друг!

На прощание я сказал вам, что отправляюсь путешествовать. Это так и не так. Да, я собираюсь в путь, но в путь никому не ведомый. Возможно, я не вернусь из этих странствий, а если и вернусь, то наверняка в ином обличье. Но из дома я и шага не сделаю. Слушайте же.

Вам известно, с каким почтительным благоговением я отношусь к великому таинству превращения гусеницы в бабочку, как я этим восхищаюсь. Сколько я себя помню, всегда меня очаровывала одна-единственная мысль.

Отчетливо помню, как прекрасным весенним утром – я тогда был еще совсем маленьким – отец объяснил мне, как гусеница окукливается и превращается потом в бабочку. Слушая, я наблюдал за небольшой гусеницей, ползшей по стене – это была всего лишь жалкая бабочка-капустница, но для меня она на какое-то время стала центром всего мироздания...

Уже тогда во мне родилось желание разгадать эту тайну, и больше оно никогда меня не оставляло, усиливаясь с годами и став в конце концов единственной целью моей жизни. Смешно, не правда ли? Но помните ли вы высказывание Эмерсона: "Нет такого невзрачного или незначительного явления, о котором можно с уверенностью сказать, что в будущем оно не породит своего пророка и не сделается смыслом жизни миллионов". Итак, я решил стать пророком бабочек.

Когда я повзрослел и осознал свое ничтожество и уродство, когда я понял, что я отвратителен людям еще и потому, что я еврей, тогда я решил во что бы то ни стало осуществить свой замысел. Да, все это так. Ни одна женщина не улыбнулась мне, я был лишен даже радостей веселой дружбы... Меня приговорили к одиночеству, презрительно отвергли и изгнали, в то время как сердце мое переполняла доброта. Я был вынужден бежать к природе, чтобы найти утешение в изучении ее законов. С годами я все глубже проникал в предвечную мистерию бабочек. И мне открылись тайны, недоступные никому из людей.

Но мало этого! Моя отверженность и ничтожество взрастили страстную, невероятную мечту: выведать у гусеницы ее тайну, чтобы самому превратиться в бабочку!

Я хотел подчинить себе таинственные тайны имаго. Подобно тому, как мерзкая ползающая гусеница сбрасывает свой кокон и превращается в сияющее крылатое создание, так и я жаждал сбросить уродливую личину и стать светоносным божеством. Я хотел осуществить древнейшую мечту человека: летать.

Нет, я не забывал, да мне и не давали забыть, что я еврей. А быть евреем – значит быть презренным и ненавистным. Но быть евреем, да еще уродом!..

Возможно, кто-то другой жаждал бы отомстить. Моя месть могла быть страшной, ведь сейчас мне подвластны силы, от которых нет защиты.

Но я хочу не мстить, а осчастливить. Как мой древний народ, отвергнутый другими, был избран Богом и явил человечеству Спасителя и апостолов, так и я, их безобразный, но верный потомок, хочу дать людям чудо и спасение.

Десять лет я ставил опыты днем и ночью – и открыл! Пожелай я изложить результаты моих поисков в письменном виде, это заняло бы тома. Но я хочу высказаться кратко и понятно, чтобы даже вы поняли меня.

Неизвестные прежде силы перерождения заключены в кровяных тельцах гусеницы и в тех ферментах, которые она выделяет. Эти ферменты – энзимы, содержащие определенные гормоны, которые во взаимодействии с фагоцитами становятся закваской самого процесса превращения.

Слово "гормоны" вам наверняка знакомо. Сейчас оно часто употребляется в научных статьях. Вы, конечно, читали, что исследования возможностей омоложения основаны на изучении гормонов. Как современная химия окольными путями пробирается к древней алхимии, так и сегодняшняя физиология обращается к старинному учению о "гуморах" – соках организма. То, что темперамент человека зависит от состава крови и лимфы – это давно известно, но это древнее знание сегодня обретает новую жизнь. Пришлось заня:пься попутно и этой проблемой.

Изучив гормоны и кровяные тельца гусеницы, я сумел в конце концов обнаружить и выделить то, что составляло их сокровенную преобразующую силу. Гусеницы были только началом. Шаг за шагом, двигаясь вслепую, я проникал в незнаемое. Некоторые шаги,

сделанные мной на этом новом пути, известны вам и всему миру. Я говорю о летающей саламандре и псевдольве в Сан-Марко. Но все это были лишь робкие попытки, торопливые наброски к грандиозной картине, которую я задумал. Я мог бы предъявить людям куда более неожиданные вещи и ужаснуть их. Но зачем? Публика поднимет скандал, все дело закончится травлей и помешает дальнейшим опытам.

Признаюсь, прежде чем пойти на это рискованное предприятие, мне хотелось произвести эксперимент на человеке. Однако чувство ответственности остановило меня.

Но теперь все приготовления позади, и я готов к отплытию в безбрежное море. Достигну ли я цели, к которой должны привести мои расчеты? Свершу ли Воскресение во имя любви, света и красоты? Превращусь ли я в полубога, шумнокрылого херувима, внушающего людям восхищение? Будут ли они благодарны мне за исполнение самых сокровенных своих желаний? Тогда я смогу открыть разгаданные мною тайны, чтобы принести людям такое счастье, такую бездну освобождения, какую не смог им открыть никто до меня.

Знаю, что я проторил путь в стороне от наезженной официальной наукой дороги и общепризнанного опыта. Мой путь, я уже говорил, ведет в неведомое. Он может привести и к гибели, и к таким темным глубинам, что...

Не исключена и неудача, причем двоякого рода.

Во-первых мой организм может не выдержать нашествия чужеродных клеток и во время перерождения погибнет. Тогда я умру, как заложник науки и жертва собственных страстей. Что ж, я приму смерть с радостью.

Но существует и другая опасность: если я допустил в своих расчетах серьезную ошибку, то превращусь в животное, обрекая себя и других на мучения.

Не знаю даже, удастся ли мне сохранить свое собственное "я". Считает ли бабочка себя "продолжением" гусеницы? Или та для нее – нечто отвратительное, чужеродное? Не случится ли со мной подобное? Не покажется ли мне человечество чужим, враждебным, бессмысленным?

Если я не ошибся в расчетах – а я перепроверял их раз пятьдесят, – превращение продлится год. Тогда и выяснится, какой из вариантов осуществился. Поэтому именно через год вы получите это письмо.

Если мне не суждено пережить мою метаморфозу, не откажитесь исполнить мою последнюю просьбу и похоронить то, что от меня останется. Я скажу вам, где меня найти. (Далее следовало описание комнаты, которую я нашел.) *Прошу вас хранить мою тайну и после моей кончины. Я не хочу остаться в памяти людей глупцом.*

Но если мой опыт удастся, вы первым объявите миру обо мне, вы станете первым, кому я явился как светлый гений.

Если же я превращусь в зверя, во врага человечества, постарайтесь, чтобы меня убили быстро и не слишком мучительно.

Примите же последний привет Марипозы-человека.

Я читал и снова перечитывал это невероятное послание. Я был потрясен, ведь это весть от привидения, пугающая и вместе с тем обнадеживающая. Противоречивые чувства овладели мной: восхищение и сострадание, радость и ужас. Что с моим другом? Кем он стал? Как он переживает свое превращение?

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я погрузился в дела, с головой ушел в работу – и меня ждал успех. Неожиданно я получил предложение стать председателем австро-итальянского третейского суда. Пришлось срочно собираться в путь.

Поезд отходил в девять вечера. Укладываться было рано, я достал из портфеля документы, чтобы просмотреть их.

Боль от исчезновения Дезире утихла. Я был полностью согласен с профессором Мёллером: ее поступки были внушены ей человеко-бабочкой. Она больна, а когда выздоровеет, снова вернется ко мне. Но выздоровеет ли? И какой ценой?

Почему Марипоза предстал перед нами в новом облике? Чтобы возвестить о своем новом бытии? Или он явился лишь затем, чтобы похитить Дезире?

Я словно листал страницы его жизни, но теперь его молчаливое обожание Дезире, ожидание ее перед домом не казались мне лишенным всякой надежды, платоническим чувством. Неужели он уже тогда обдумывал, как завоевать ее, но, понимая неосуществимость замысла, ждал, когда он сможет превратиться во всемогущего повелителя? Но как в таком случае он мог считать меня своим другом? Я чувствовал горечь и злость.

Я снова представил пережитые им унижения: вот он в темном переулке умоляет шлюх сжалиться над ним; вот Дезире отшатнулась от

него в баре... А сейчас он превратился в сияющее диво, одного взгляда на которое женщине довольно, чтобы покорно следовать за ним куда угодно. Какой триумф, какая судьба, какая невероятная метаморфоза.

Поезд уже миновал Земмеринг и подъезжал к Грацу. Где-то поблизости проходит дорога, ведущая в имение Марипозы. Марипоза, снова Марипоза! Нет, – я взмахнул рукой, словно рассекая узел, – хватит об этом! Но не мог отвести глаз от окна, словно надеясь увидеть там что-то особенное. Но что это?! Сначала я заметил слабое мерцание, словно еле видимую звезду. Оно приближается... теперь я вижу совершенно отчетливо крылья... крылья огромной бабочки! Марипоза-бабочка... Его словно вызвали сюда мои мысли! Он все ближе, летит навстречу поезду, почти касаясь крыльями телеграфных проводов. Как он великолепен! Окрашенный серебристо-белым цветом, прекрасный и грозный.

Сейчас он летит вровень с поездом, ничуть ему в скорости не уступая, хотя она у нас не меньше восьмидесяти километров в час.

И вдруг он подлетел прямо к моему окну, уставился на меня своими огненными зеницами и заговорил. Нет, он ничего не говорил, но я все слышал так отчетливо, что мог бы записать, как под диктовку.

– Почему ты бежишь от меня, почему скрываешься? Почему, когда я пришел к тебе, ты закрыл окна? Неужели ты до сих пор не понял, что я – Марипоза? Разве я так страшен? Я много раз видел собственное отражение. Ясными лунными ночами в пруду у моего дома. И днем тоже – в горах, в озерцах и родниковых источниках.

Когда я очнулся от сна окукливания, чувства мои лежали во тьме, сознание растворилось, я не знал, кто я, что я, где я.

Но постепенно я возвращался к себе... Однажды вечером, когда последние лучи закатного солнца достигли окна, я, словно в пылающем зеркале увидел свое отражение. И сразу вспомнил, кем я был, и понял, кем я стал. Изумление, радость и гордость переполняли меня. То, что я чувствовал, не испытал до меня никто. Представьте ликование Минотавра, в одно прекрасное утро обнаружившего на голове вместо щетины и бычьих рогов мягкие волосы и правильный *человеческий* нос! Представьте себе только...

Однако превращение удалось мне не вполне. Я допустил ошибки в расчетах, их уже не исправить, и я готов заплатить за них... Во многом я превосхожу людей – и не только в способности летать... Но я не учел, что гормоны гусеницы, которые мне удалось выделить и ввести затем в больших количествах в свой организм, не только стимуляторы метаморфизма, но и полового влечения, потенции. Преображающая сила гормонов исчерпала себя в процессе моей метаморфозы, а сексуальное

влечение закрепилось в организме. Поиски любви, в какой-то мере подтолкнувшие меня на этот рискованный шаг, сейчас мучают меня нестерпимой неутолимостью желаний...

И еще одна не менее важная ошибка, которую я не предусмотрел. Мой организм не терпит растительной пищи – я хищник, мне нужно мясо. До сих пор я себя сдерживал, но чувствую, что это желание может оказаться сильнее моей воли. Я хочу крови и мяса.

И может быть, самое важное для меня, Папилио Марипозы – новое одиночество, безграничное одиночество. Прежде люди избегали меня из-за моего уродства, но я оставался для них человеком. Сейчас они бегут от меня в ужасе, как от кошмара. Если бы они могли схватить меня, то убили бы или посадили в клетку, выставив напоказ, как сказочного василиска.

Как я жажду человеческого общения, как страдаю без него. Правда, женщин, о любви которых я мечтал, у меня теперь сколько угодно, и все они в моей власти. Но разве они мои возлюбленные, хотя бы любовницы? Они всего лишь рабыни своей похоти.

Вообрази теперь, как я живу, представь это безнадежное одиночество. Двери собственного дома закрыты для меня. Когда мне хочется видеть то, что мне принадлежало, что мне было дорого, что я любил, я пробираюсь в собственный дом тайком, как вор. Что будет, если слуги увидят меня?

Искусство и наука, все, что было прежде светом моей жизни, отныне мне недоступны. По ночам я часами кружу вокруг человеческих жилищ, как покинувшая тело душа, чтобы слышать слова и музыку. Я живу жизнью совы, волка, оборотня. Я должен прятаться на верхушках деревьев или на недоступных утесах. И даже унизительно красть пищу... Животные либо бегут, либо преследуют меня.

Как страшно отомстил мне мой высокий замысел. Я стремился к сверхчеловеку, к тайне, к Божеству, и кем я стал – бессмысленно прекрасной тварью, совершенным самцом.

К человеку! Как мне вернуться к человеку?

Я проснулся оттого, что почувствовал на себе чей-то взгляд. Человеческий, добродушный, участливый. Посмотрел в окно. Солнце стояло в зените, на лужайке цвели пинии и кипарисы. Я огляделся. Ряд аккуратно застеленных кроватей. Девушка в белом халате. Я откинулся на подушку, стараясь сосредоточиться. Итак, я в больнице. Я болен, и единственное, что я помню – Марипоза не причинил мне зла... Но где я сейчас нахожусь?

Мне объяснили по-итальянски: в Венеции. В городской больнице. Меня сняли с поезда в бессознательном состоянии, и все попытки привести меня в чувство окончились неудачно, поэтому меня госпитализировали. Думали, что я стал жертвой преступления, но багаж и все ценные вещи оказались не тронутыми.

Врач долго расспрашивал меня, пытаясь установить причину столь загадочной потери сознания. Правду я ему сказать не мог, поэтому отвечал уклончиво.

Сколько же времени я здесь? Двадцать шесть часов. Я бросил взгляд на настенный календарь: да ведь сегодня в двенадцать часов заседание суда! А часы показывали восемь. Я с трудом уговорил врача выписать меня немедленно, и как только он оформил все бумаги, помчался в аэропорт, надеясь успеть на десятичасовой самолет до Рима.

Заседание оказалось очень тяжелым. Я до того устал, что, добравшись до гостиницы, рухнул на постель и проспал двенадцать часов.

Непредвиденные обстоятельства и общее состояние заставили меня задержаться в Риме еще на два дня. Я лежал в шезлонге на балконе, спал или бессмысленно смотрел перед собой в пустоту. Я был совершенно опустошен всем случившимся со мной, с Дезире, с Марипозой. Марипоза – кто остался бы безучастным к его невероятной судьбе? Кто не внял бы его мольбам? И хотя я сам нуждался в помощи, я тем не менее строил самые фантастические планы, чтобы вернуть Марипозе его прежнее – да, да – *прежнее*, человеческое обличье.

Конечно, я осознавал свою, мягко говоря, некомпетентность в решении этого совершенно непостижимого для меня вопроса, и тогда-то во мне проснулся юрист. А как, собственно говоря, обстоит дело с точки зрения права? У моего клиента есть счет в банке, недвижимость – одним словом, господин Папилио Марипоза владеет огромным состоянием. Или... владел? На случай своей смерти он оставил собственноручно подписанное завещание, назначив меня единственным душеприказчиком. Это завещание уже вступило в силу? Как юридическое лицо господин Марипоза жив или он умер? Если он мертв, я обязан исполнить его волю и распорядиться его имуществом согласно завещанию. А кто позаботится о Марипозе-бабочке?

Если же его признать с точки зрения закона живым, он все равно недееспособен, и по закону ему положен опекун, права которого определит суд. А решение суда будет зависеть от того, признают ли Марипозу человеком или нет. Это будут решать медики-эксперты. Значит, возникнет необходимость освидетельствования человека-

бабочки: является ли она человеком или животным? Во всяком случае, до решения суда я ничего не должен предпринимать самостоятельно.

На обратном пути в Вену, еще в поезде, мне передали телеграмму от профессора Мёллера, в котором он вновь, и весьма настойчиво, просил меня приехать в имение Марипозы.

Добрался туда я только к вечеру. На станции профессор меня не встретил, и я решил для начала заглянуть в тот самый трактир, где услышал рассказ о вампире.

День был будний, но народу оказалось неожиданно много, причем большинство крестьян были вооружены. Кто топором, кто вилами, а кто и с ружьями, у нескольких были даже "манлихеры" и штыки – память о недавней войне.

Я сидел и слушал, как они возбужденно переговариваются.

– Гадина паршивая, он у меня уже девятую курицу уволок, чтоб его разорвало.

– И у нас: гусей одиннадцать штук, уток с полдюжины, а напоследок еще и козочку, – подхватил другой, в котором я узнал арендатора Марипозы.

– Чья бы корова мычала, Рамзауэр! Зачем ты спутался с этим жидом? Кто под ним шею гнет, я или ты? Ты еще, чего доброго, станешь болтать, что твой жиденок здесь ни при чем.

– Ладно, подстрелим сегодня эту тварь и точка! – сказал кто-то, оглаживая двустволку.

– Не дури, нет, вы только послушайте его – "подстрелим"... А убытки кто мне возместит? Поймаем, отдубасим, посадим в клетку и станем показывать за денежки. Городские на такое всегда раскошелятся. А можно и сразу в музей какой-нибудь продать. Вот и весь разговор.

Теперь я знал, что они замышляют. Но я не позволю им застрелить это диво, не позволю посадить его в клетку, как дикого зверя. Необходимо срочно предупредить Марипозу.

Я чуть не бегом кинулся к поляне, где мы подсмотрели танец менад. Примчался потный, весь исцарапанный.

Темень. Тишина. Изредка скрипнет ветка, крикнет птица, ветер прошуршит листвой... Сердце било в груди, как молот.

От быстрого бега закружилась голова, и на миг мне показалось, что темные деревья, окружавшие прогалину, тяжело ухнув, сошлись, смыкаясь все больше, сожмутся наконец плотным кольцом и задушат меня.

Собравшись с духом, я негромко, словно боясь потревожить ночной лес, позвал:

– Марипоза!

Никакого ответа, только далекое эхо откликнулось: – "Марипоза".

Но я чего-то ждал. И невольно улыбнулся, посмотрев на себя со стороны: вот стою я в этой глухомани – господин советник, прокурор и судья, – стою, выкрикиваю какое-то заклинание и жду, что мне явится сказочное существо...

Но дело настолько серьезное, необычное и таинственное, что мне не до шуток. Вновь зову:

– Марипоза! Вам грозит опасность...

И вдруг что-то просвистело за спиной. Я почувствовал совсем рядом едко-пряный аммиачный запах, и сразу же что-то обжигающе впилось мне в плечо – штык, острый ледяной штык! Я пытался высвободиться, но сильные крылья обхватили мое тело и полностью лишили движения. Кровь ручейками стекала по спине, а он сзади то жадно тянул ее из раны, то, отклонившись, с размаху тыкался, буравя все глубже, все ближе к шее. Я тонул в зверином смраде и клекоте... Еще немного, и мне конец...

Прогремел выстрел. Я услышал над собой жалобный вскрик, меня словно вытолкнуло из цепких объятий, и он отлетел, тяжело поднимая крылья...

Я открыл глаза оттого, что мне светили в лицо карманным фонарем. Надо мной склонился профессор Мёллер, пытавшийся перевязать мое пылающее плечо.

– Слава Богу, – приговаривал он, – слава Богу, что я успел вовремя. Но как вы могли?.. Да ладно... В трактире мне сказали, что вы ушли в сторону леса. Один. Я сразу представил, что может случиться, и поспешил следом за вами. Вы еще легко отделались кости целы, артерии не повреждены. А сознание вы потеряли от испуга.

Я был не в силах ему отвечать, настолько сильным было потрясение. И не столько от страха или боли, а от бессильной ярости.

Вот, значит, каков ответ Марипозы на мое желание помочь ему?.. Он не мог не узнать меня. Все, – думал я, – превращение свершилось, Марипозы-человека больше не существует. Он мертв.

По дороге в имение профессор тихо спросил меня

– Да, вот что я хотел вам сказать... Вы ничего не знаете о Дезире?

– Нет, с тех пор...

– Очень жаль, что мне приходится сообщать вам такие вести, понимаете, ее нашли сегодня утром в лесу...

– Так. Она ранена?

Мёллер сжал мою ладонь, и я все понял.

Я нашел ее в овине, за постоялым двором.

Платье Дезире было разорвано в клочья и забрызгано грязью.

Ее горло было прокушено в нескольких местах почти насквозь, пепельно-бледное лицо покрылось морщинами...

Мне пришлось пережить много страшных вещей. Я видел, как бесчинствуют люди и как безумствует природа. Я видел исполнение вынесенных мною приговоров, я был в аду битв, на моих глазах обрывались сотни жизней, но ничто меня так не потрясло, как то, что я видел сейчас.

И я рухнул наземь.

Всю ночь я провел у изголовья некогда так любимого мной тела. Без слов, без слез.

Когда профессор вывел меня из этого оцепенения, в овин пробивались первые лучи солнца.

– Послушайте, – сказал я Мёллеру, – он уже не остановится ни перед чем. Медлить нельзя, надо сейчас же ехать в Грац, в прокуратуру.

Профессор не поддержал меня.

– Я понимаю, в вас сейчас говорит боль. Но дело не в том, чтобы отомстить, понимаете, главное сейчас отказаться, насколько это возможно в вашем положении, от желания наказать. Речь идет о человеке, как это ни странно звучит. Или, если хотите, уже о результате проделанной им грандиозной работы. Какое дело прокуратуре до всего этого? У меня есть основания не доверять закону в таких вопросах. Посудите сами, какому более-менее здравому человеку придет в голову разрешать философские проблемы в прокуратуре? Все эти органы хороши для обывателя, который из страха перед ними может и не

совершить видимого зла. А волк мне, в любом случае, милее злобного цепного пса. Извините, конечно, но ваши в большинстве своем безмозглые коллеги способны только уничтожить это сложное чудо, творение гения, гибнущее уже только от противоречивости самого естества своего... Они раздавят Марипозу железным кулаком правосудия.

Но я плохо понимал его слова.

– Я уважаю ваше мнение, господин Мёллер, но сейчас не время для диспута. Есть ли у нас выбор? С одной стороны, безопасность десятков людей, с другой – научный эксперимент. Общество обязано и вынуждено себя защищать. Какими средствами, решать не нам, но я уверен, что бабочку не только не убьют, но и постараются не причинить ей никакого вреда. Ее отловят и создадут ей условия... гарантирующие общественную безопасность. Только и всего. Не думайте, кстати, будто этот путь кажется мне наиболее легким, но иначе нельзя.

– Ладно, – согласился Мёллер. – Коли так, то я еду с вами.

Приехав в Грац, мы сразу отправились к местному прокурору. На двери кабинета висела медная табличка: "Надворный советник и обер-прокурор доктор Арлекер". Я вспомнил, что знаю его. Довольно неприятный человек, лебезивший перед начальством и грубый с подчиненными.

Господин Арлекер встретил меня с той специфической отстраненностью, которая присуща всем прокурорам, привыкшим разделять людей на тех, кто уже осужден, и тех, кто пока еще на свободе.

Я изложил суть дела. Слушал он с издевательской улыбкой, по ходу разговора незаметно подвигая руку к углу стола, где, видимо, пряталась кнопка звонка.

– Не беспокойтесь, господин надворный советник, я в своем уме. Если вас не убеждают мое имя и моя должность, пригласите профессора Мёллера, он ждет в приемной. Он подтвердит мои слова.

Прокурор так и сделал. И мы уже вдвоем стали объяснять, что речь идет о крылатом существе, обладающем гипнотической и какой-то неведомой силой.

Арлекер надолго погрузился в размышления. А потом, просветлев, словно на него снизошло озарение, проговорил с хитрой улыбкой:

– Господа, вся эта история меня не касается, и прокуратура здесь ни при чем. Мы обязаны вмешаться только в том случае, если имеет место правонарушение. А где правонарушение, там человек, понимаете мою мысль? Если лисица стащит у крестьянина курицу или волк зарежет овцу

– то при чем тут прокуратура? Тем более, как вы оба утверждаете, речь идет о какой-то бабочке. Вот и обращайтесь к ботаникам или кому там?

Не стану подробно описывать комедию, разыгранную перед нами господином Арлекером. В конце концов он все-таки предоставил в наше распоряжение десять жандармов.

Первым делом мы решили заняться поисками беглянок. На это ушло два дня. Некоторых, в том числе и внучку Мёллера, пришлось поместить в психиатрическую клинику.

Но поймать бабочку было куда труднее. Рана от пули, выпущенной Мёллером, видимо, зажила, и летала она быстро, как и прежде. Охота, длившаяся уже больше недели, не принесла ожидаемых результатов. "Папилио Марипоза" был чрезвычайно хитер и обладал к тому же поразительной способностью предвидения.

– Просто удивительно, до чего он привязан к этой местности, – говорил Мёллер. – Явно его здесь что-то удерживает. Ведь он мог бы улететь отсюда куда угодно, туда, где ему не будет угрожать опасность и где было бы легче добывать пищу. Большие расстояния для него не преграда... даже очертаниями крыльев он напоминает самую быстролетную бабочку, найденную в окаменелостях юрского периода. Скорость полета некоторых бабочек достигает пятидесяти пяти километров в час, что совершенно несопоставимо с их величиной. Однако нельзя забывать, что скорость не увеличивается пропорционально размерам насекомого, не то наш экземпляр летал бы со скоростью тысяча километров в час, быстрее самолета.

А бабочка словно дразнила нас. Иногда подпускала так близко к себе, что мы могли различить рисунок на ее крыльях, но, как только мы готовы были накинуть на нее сеть, взмывала в небо и в считанные секунды исчезала. Все понимали, что бабочке не найти места удобнее, нежели лесистые склоны гор, и обследовали их днем и ночью. Для ночной охоты привезли из Граца мощные прожекторы, но скорость его полета и умение приспосабливаться к местности сделали их совершенно бесполезными.

– Вы заметили, – не скрывая восхищения, спросил меня Мёллер, – как цвет его крыльев "приспосабливается" к окраске деревьев и листвы? То он серебристо-белый, как береза, то серо-зеленый, как клен, а то серый в черную крапинку, как бук, – в зависимости от того, как он складывает крылья. Вам, конечно, известно такое биологическое явление – мимикрия? Есть бабочки с окраской, полностью схожей с

корой деревьев, на которые они садятся. Некоторые виды напоминают птичий помет, другие – опавшие листья. Вот и в данном случае мы имеем дело с подобным. Невероятно интересно узнать, действует ли тут естественный механизм, или способность к мимикрии в данном случае как-то "встроена?"

Крестьяне принимали участие в охоте с явным удовольствием. Им категорически запретили стрелять в "летающую гадину", пообещав за поимку солидное вознаграждение.

Мне кажется, любое описание деталей этой полумифической охоты будет грешить неточностями, но не это главное – основная сложность в передаче царившей все это непродолжительное время атмосферы. Передать ее так же трудно, как и воспринять. Когда идешь по темному лесу в цепи охотников и вдруг слышишь хлопанье крыльев серебристо-белой бабочки в темной выси и зришь ее полет от дерева к дереву, вспыхивают фонари, и по сторонам разлетаются огромные тени; и видишь разгоряченные, дикие лица крестьян, и забываешь обо всем, просыпается что-то такое старое, уже, кажется, виденное тысячи лет назад...

Однако охота в лесу всегда заканчивалась одним и тем же. Бабочка улетала, мы же, измученные и грязные возвращались в деревню.

– Продолжать так дальше бессмысленно, – сказал как-то утром Мёллер. – Или мы его выманим из леса, или торчим здесь еще год-два, совершая подобные прогулки. Надо поехать в Грац и потребовать у властей самолет. Надо его как следует вымотать, не спускать с него глаз. Только так мы сможем его поймать. Пусть он летает быстрее, но гонки с самолетом он просто не выдержит.

План Мёллера был одобрен, и через два дня самолет уже стоял на ровном, кое-как утрамбованном поле, недалеко от леса.

Крестьяне и жандармы, вооружившись мощными фонарями и железными "кошками", влезли на самые высокие деревья и спрятались в густой листве. Наступал час последней охоты.

Поначалу все шло нормально. Когда "загонщики" выгнали его из леса, в воздух поднялся самолет. Но прежде чем он набрал нужную высоту, бабочка скрылась в густых облаках.

На следующий день небо было безоблачным, и нам повезло немного больше.

Бабочка вылетела из леса, самолет взмыл за ней. Она летела быстрее, но как-то странно: иногда, казалось, она сознательно

замедляла полет, притормаживала, и вдруг резко развернулась и понеслась нам навстречу. Это были жуткие мгновения – столкновение казалось неизбежным. Но в последнюю секунду она сманеврировала и зависла над нашей кабиной, глаза ее на некоторое время были почти прижаты к стеклу с той стороны... самолет резко качнулся и стал снижаться, все это произошло так быстро, что мы все повалились друг на друга, и самолет рухнул бы, не сумей один из жандармов перехватить и выровнять штурвал. На наше счастье когда-то он был летчиком и с трудом, правда, но посадил машину на землю. Пилот еще несколько часов пролежал в глубоком гипнотическом обмороке.

– Вы видели его глаза, профессор? – охрипшим голосом спросил я.

– Да, обычные фасеточные глаза бабочки-капустницы. Состоят они из большого количества глазков, омматидий или фасеток. Представляете, какой у них обзор? Можно сказать, несколько тысяч наших глаз в одном. И может быть, каждый из них обладает пусть даже небольшой силой внушения. Я, например, не обладаю явными суггестивными способностями, но представьте, кем я буду, если умножу свой минимум в тысячи раз.

Так закончилась первая воздушная погоня за Папилио Марипозой.

К сожалению, мы не располагали временем – военные из Граца могли в любой день отозвать самолет, росла злость крестьян, у которых по-прежнему пропадал скот, и недовольство властей, в конце концов предъявивших нам ультиматум – или в течение двух дней отловить бабочку, или уничтожить. Так что выбора у нас не было.

Мы решили вылететь ночью. Помимо экипажа в самолете находились жандармский офицер, Мёллер и я. На сей раз над кабиной прикрепили мощный прожектор, не только для того, чтобы высветить бабочку в темноте, но и чтобы, ослепив ее, устранить или хотя бы ослабить гипнотическую силу незабываемых глаз...

Отыскать нам ее удалось только после полуночи. Белое пятно на высоком дереве. Мы сразу же сообщили приблизительные координаты на землю, и травля началась без промедления, но только через час охотники заставили его взлететь. Ночь была ясной и безветренной. С высоты мы наблюдали за ним, перелетавшим сначала с дерева на дерево, и взмывшем наконец вверх. В его движениях проскальзывала усталость, они не были отточены и легки, как прежде. Но, хотя и летел он медленнее обычного, мы отставали.

Четыре часа однообразного полета – Марипоза впереди, мы сзади. Скоро вдалеке заблестели волны моря.

Мне казалось странным, что он не попытался уйти от нас, скрывшись в лесу или в горах, наоборот, расстояние, нас разделяющее, все заметнее уменьшалось.

– Он попытается сделать то же, что и в прошлый раз. Будьте осторожны, – предупредил Мёллер.

– Самолет продержится в воздухе еще часа полтора, – откликнулся офицер. – Так что, господа, у нас почти не остается времени. Если бензин кончится и придется сажать самолет, я вынужден буду открыть огонь.

В подтверждение своих слов он положил руку на закрытый чехлом пулемет.

– Как представитель закона я вынужден препятствовать вам, – твердо сказал я. – Сейчас мы находимся не над австрийской территорией.

– Напрасно вы спорите, – сказал Мёллер, – до стрельбы дело не дойдет. У него меньше сил, чем у нас бензина.

Мёллер передал мне бинокль, и я заметил, как дрожат его руки.

– Присмотритесь к усикам бабочки... Как они прекрасны, правда? Красивее даже, чем хохолок у цапли. Видите перистые булавовидные утолщения на кончиках? Это чудо называется antennae iclavatae et plumatae... Видите, где коренятся эти усики, в том самом месте, где, по мнению ученых, находился некогда третий, циклопический глаз. Мне теперь кажется, что именно они являются передатчиками его гипнотической силы. К сожалению, мы этого уже не узнаем...

Не успел Мёллер договорить эту фразу, как бабочка вдруг взмыла вверх, развернулась и понеслась к нам. Но офицер нажал кнопку, и свет ослепил ее... Марипоза как будто ударился о невидимую преграду и свернул в сторону.

В этот же момент самолет попал в воздушную яму, и мне чуть не стало дурно, в животе бурлило, а перед глазами все еще стояло безжизненное, холодное лицо Марипозы. И я, бессознательно, все пытался сравнить это лицо с тем, уже полузабытым, стершимся и не находил между ними ничего общего.

Мы гнались за ним высоко над морем. Молчаливые, исполненные отчаянной решимости.

Но вот полет бабочки сделался неровным, прерывистым, она покачиваясь, снижалась навстречу волнам. Насколько это было возможно, мы снизились вслед за ней. Она парила так низко, что, наверное, касалась брюхом воды. Мы не знали, что делать – ведь она так могла летать долго...

Профессор снова передает мне бинокль. На сей раз в его глазах стоят слезы.

– Может, это выглядит невероятно, но мне кажется, что он все просчитал до минуты... смотрите.

Я увидел острые стремительные плавники – акулы! Марипоза взмыл, но взмахи мощных крыльев отняли остаток сил. Он смотрел на меня...

Прежде, чем мы успели что-то сделать (а что мы могли?), Марипоза рухнул в море. Острые плавники устремились к нему.

Вскоре поверхность моря вновь разгладилась, и стало удивительно тихо.

Совсем тихо. Далеко-далеко, справа от нас, оставляя пенный след, скользит по изумрудной глади парусник... А с другой стороны в крапинах золотых лучей восходящего солнца изгибается розовая полоса песчаного берега...

Я любил Папилио Марипозу, безобразного и осмеянного еврея, душа которого жаждала любви и красоты, так же как, вероятно, гусеница жаждет превращения в бабочку. Он был великим исследователем и достиг невиданных вершин. И испытал невыносимые страдания. Он был человеком который хотел воскреснуть в сиянии и радости, но погиб во мраке и ужасе.

*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Что известно об австрийском писателе Освальде Леветтe? Практически ничего. Неизвестно даже, жил такой человек или нет, и никто не может утверждать, что это имя – чей-то псевдоним.

Немецким и австрийским исследователям с превеликим трудом удалось выяснить следующие факты. В 1933 году в маленьком венском издательстве "Фиба-Ферлаг" вышел роман "Заблудившийся во времени", а два года спустя в столь же небольшом издательстве "Ойропешер Ферлаг, Вин унд Ляйпциг" – роман "Papilio Mariposa". Автором обоих значился никому ни тогда, ни сегодня "лично не известный" Освальд Левeтт.

Правда, есть одно, вроде бы веское доказательство его реального существования – в 1925 году в солидном берлинском издательстве "Улльштайн" вышла довольно своеобразная, но отнюдь не целесообразная, обработка знаменитого романа Виктора Гюго "Девяносто третий год" – под названием "Год гильотины", автором коей значились весьма известный австрийский писатель Лео Перуц (1884-1957) и Освальд Левeтт.

До сих пор не найдено ни одного документа о его рождении и жизни – ни в записях официальных инстанций, ни в воспоминаниях современников, ни в переписке. Похоже, что он, подобно герою своего романа, Папилио Марипозе, решил сделать людям подарок, оставаясь при этом безымянным.

История второго рождения романа тоже занимательна. В одно (опять- таки небольшое) немецкое издательство "Дас нойе Берлин" пришел читатель из Лейпцига и сказал, что совершенно случайно обнаружил в одной из тамошних библиотек книги О. Левeтта и с огромным интересом их прочел. Если они заинтересуют издательство...

К счастью, они заинтересовали издательство, да так, что спустя полгода обе книги вышли почти одновременно. А имя замечательного книгочея, спасшего из забытья два удивительных романа, издатели забыли спросить. Или не посчитали нужным.

5 сентября 1994

Евгений ФАКТОРОВИЧ

Дайана ДЕР-ХОВАНЕССЯН

О ПЕРЕВОДАХ

Слова делаются из вдоха и выдоха.

Гортанью, губами и языком.
а печать и бумага только безмолвные знаки
того, что должно быть пропето.

Арабы говорят, что каждый новый язык
прибавляет учащемуся новую душу.
Ирландцы говорят, что кельтское молчание
нельзя ни повторить, ни пересказать.

Итальянцы говорят, смеясь, что музыка –
это вызов, а музыка берущая за душу, – искусство.
Армяне говорят, что их язык
переводится только сердцем.

Перевод ***Николая Моршена***

Дайана Дер-Хованессян родилась в Массачусетсе в семье переселенца из Армении.

Она известнейшая в Америке переводчица армянской поэзии, а ее собственные стихи появляются во многих изданиях. Последний ее сборник называется "Песни о хлебе, песни о соли".

АРМЕНИЯ – ЭТО САМОЕ ГЛАВНОЕ

Поль КЕОСАЯН – доктор медицины, врач с более чем двадцатилетней практикой. Родился во Франции, в армянской семье, в Исси-ле-Мулино – пригороде Парижа с многочисленным армянским населением. Отец пятерых детей. Помимо медицины, уже в течение десяти лет занимается "внепрофессиональной" деятельностью – президент "САСУНа", Ассоциации содействия связям между армянами и Израилем.

С Полем КЕОСАЯНОМ беседовала Зара НАЗАРЯН – журналист, докторант отделения гебраистики университета "Париж-8".

– Существование подобной ассоциации во Франции, согласитесь, несколько неожиданно. Как родилась идея ее создания?

– Я был не один, вместе со мной были братья Лоик и Жан-Марк Оганян, и мы все были "заворожены" еврейским менталитетом, а произошло это благодаря нашему другу, которого зовут Израиль Фельдман – он еврей, родившийся во Франции. Десять лет назад в Париже раздались взрывы, они прогремели и в синагоге, и в еврейском ресторане "Гольденберг". Тогда Фельдман решил уехать в Израиль, и именно тогда в нашем сознании произошел некий "переворот" – осмысление того, что есть возвращение на свою землю, но, конечно, в приложении к армянам. Нужно лишь время, чтобы это понимание стало единственно возможным решением, нельзя говорить о возвращении "просто так". Должна свершиться очень серьезная, глубокая работа, в первую очередь – духовная и интеллектуальная, которая, пусть не сегодня и не завтра, приведет армян на родину.

– Но тогда, десять лет назад, это была нереальная, почти сумасбродная идея, т.к., исключая печальный послевоенный опыт возвращения армян, такой вопрос (в отличие от Израиля) не стоял, существование диаспоры никто не акцентировал, – одним словом, Советская Армения была закрыта для вольнодумных течений и планов. И в это время подобная мысль возникает здесь, у вас...

– Да, и, более того, мы участвовали в демонстрации у советского посольства в 1988 году. Нас было немного, это была санкционированная

манифестация, и нас принял тогдашний культурный атташе советского посольства. Думаю, не стоит описывать его удивление, когда он прочел приблизительно следующий текст обращения: "Мы, армяне, имеем законное право потребовать наши земли, которые своей кровью защищали наши отцы. Мы хотим также, чтобы было обращено внимание на судьбу еврейского народа, и было удовлетворено его требование свободы и возвращения на землю предков". Пусть это не было чем-то решающим для нашего народа, но и незамеченным, уверяю вас, не прошло. А в 1987 году состоялся радиомост между Парижем и Ереваном, и тогда кто-то задал вопрос: "Могла бы Армения иметь отношения с Израилем"? Этим вопрошающим был ваш покорный слуга. Мне кажется, что наша деятельность в тот период была больше подготовительной, нынешний же этап можно назвать практическим, гораздо более конкретным. Но тот, первый, был не таким уж коротким и легким: он длился 7-8 лет, однако люди, которые начинали это десять лет назад, и те, которые составляют костяк "САСУНа" сегодня, – одни и те же.

– Меня заинтересовало следующее: почему Ассоциация называется "Ассоциация содействия связям между армянами и Израилем". Почему такой выбор: Израиль, с одной стороны, и армянский народ – с другой?

– Сегодняшние израильтяне, а значит, и сегодняшний Израиль, – это люди, которые заново обрели свои корни, свою землю. Они живут в стране, которая им принадлежит. "Сионизм" на самом деле означает "возвращение к Сиону", к Земле Давида, к земле Обетованной. И это возвращение – часть истории всего человечества.

XX век доказал необходимость для каждого народа такого возвращения. И мы, армяне, наблюдая этот процесс возвращения, видя этот народ, который в некотором смысле "выздоровел", который требует справедливого и основанного на взаимном уважении мира, должны также стремиться, если хотите, к "армянскому сионизму", т.е. идее возвращения на нашу родину. Возвращения в Армению. Я убежден, что армянский солдат – смелый и благородный воин, недаром наш народ дал столько блестящих генералов – и в бывшем СССР, и в Европе, и в США. Но я убежден также, что армянин – это солдат, может быть, единственный в своем роде, – который больше всего любит мир и хочет мира.

– А как представляете себе это возвращение вы как президент "САСУНа" и вы как армянин, родившийся и живущий в диаспоре?

– Я уже сказал и хочу еще раз повторить, что возвращение на родину не может произойти "вдруг", без предварительной подготовки и, что еще важнее, самоподготовки. Я много раз бывал в Армении, но никогда не жил там "как все". Но я готовлюсь к тому, что однажды перееду туда жить. Я готовлю к этому и себя, и свою семью – моя жена, француженка, абсолютно понимает "армянские проблемы", мои дети изучают армянский язык. Я верю в то, что для всех без исключения армян диаспоры, сознают они это или нет, идеал – вернуться однажды в Армению, чтобы жить там. Никто не рискнет назвать день, когда это произойдет, но это обязательно будет, иначе становится бессмысленной и связь Армении с диаспорой, и сама диаспора.

– Вернемся к Ассоциации "САСУН". Каковы ее цели и задачи?

– Прежде всего связи между Арменией и Израилем: дипломатические, культурные, научные, медицинские... Все это записано в Уставе Ассоциации. Если мы представим все народы Земли как членов одной семьи, то Израиль в некотором роде – старший брат, и очевидно, что мы можем многому научиться у него. Но и старшему брату есть чему учиться у младших...

– Как была воспринята ваша деятельность в Армении и в Израиле?

– Ни там, ни здесь нет никаких проблем – необходимость и полезность двусторонних обменов между нашими народами не вызывает сомнений. Несколько труднее было в диаспоре – из-за стереотипов, которые существуют в сознании многих людей по отношению к Израилю. Этого, к счастью, нет в Армении.

– Вестник "НОЙ" неоднократно поднимал проблему армянского антисемитизма. Что вы думаете об этом?

– Для армян корень антисемитизма лежит в глубинах религии. В сознании некоторых религиозных людей еврей – убийца Иисуса Христа.

– Вы верующий человек?

– Да.

– Библия в вашем доме, очевидно, не просто одна из книг, это – член семьи, с которым существуют определенные отношения. Вы – президент армяно-еврейской Ассоциации, а Библия – это "портативная родина еврейского народа"...

– Можно сказать, и армянского тоже. Не забудем, как близки были всегда армяне к христианству, какое значение в армянской культуре имеют переводы Библии. Мне кажется, что и это – пусть с определенным "**но**", неизбежным при разных вероисповеданиях – тоже объединяет наши народы.

– У вас пятеро детей. Каким вам видится их будущее?

– Я отвечу снова сравнением, если позволите. Вы знаете, что у евреев есть обряд Бар-мицва – посвящение тринадцатилетнего мальчика в полноправного члена общины, в мужчину. Моему старшему сыну этой весной тоже исполнится тринадцать, и он совершил свою Бар-мицва: в первый раз я взял его с собой на нашу родину, в Армению. И я поражен как это путешествие изменило его, насколько взрослее и серьезнее он стал после поездки в Армению.

– Армяне, как и евреи, часто и много говорят о своем прошлом, которое, как известно, далеко не всегда окрашено в светлые тона. Как вы считаете, не мешает ли это двигаться вперед, не отягощает ли память нашу жизнь?

– Память необходима, это основа. Вы никогда не сможете стереть, аннулировать память своих родителей. Если кто-то скажет, что представляет спонтанное поколение, что он ничего не несет в своей памяти, он умрет, ибо человек без памяти мертв. Нужно иметь память, но она должна быть правдивой и объективной, а не интерпретирующей. Армянам необходимо хранить память о свершившемся геноциде, но нужно объективно признать, что история не знала понятия "антиармянизм" в том плане, в котором существовал и существует антисемитизм. Нам необходимо трезво смотреть в свое прошлое, и тогда

трезвее и правильнее будет настоящее. Мне очень нравится сравнение всех народов с мозаикой, где невозможно извлечь или переложить один элемент – тогда вся картина потеряет смысл.

– И в завершение нашей беседы: что бы вам хотелось сказать читателям?

– Я верю в армянский народ. Это замечательный народ, имеющий массу прекрасных качеств, а самое главное – феноменальное внутреннее богатство. И очень важно для нас – использовать его, особенно сейчас, в конце XX века. Но делать это нужно с исключительной чистотой, без "задней мысли", без вопроса "А что мне от этого будет?" Только так удастся отстроить страну, потому что наша страна, Армения – это самое главное. Если не станет Армении, не станет и армян, они растворятся среди других народов. Это будет геноцид, который мы сами себе устроим – своим равнодушием и безразличием.

— СТИХИ

Нора АТАБЕКОВА

Далеким отзвуком Вселенной
Из Ниоткуда в Никуда,
Мы залетаем в мир сей бренный
И исчезаем навсегда.

Руслан ЭЛИНИН

И в семь утра
Арменией шарахнутся в окно
Все ласточки земли.
А взгляд
Задержит тонкий томик
Мандельштама.

лето 1990, Ереван.

А. Оганяну

Нарисуй мне скорее
Цветы,
Какие умеешь
Лишь ты.

Нарисуй мне такущий
Букет,
Какого на свете
Нет.

Вот тогда я скажу:
И ты
Сочинять научился
Цветы.

1990

Кристина ЗЕЙТУНЯН-БЕЛОУС

Имя твое – фонтан
в саду чужих имен, всех прозвищ и названий.
Имя твое не смерть, нет – просто умирание,
мучительное, сладкое как хмель.
И кружится во мне шальная карусель
бесчисленных твоих предназначений.
Когда-нибудь я все соединю,
я все солью в единое теченье,
открою смысл всего и наконец верну
и слух глухому, и слепому зренье...
В сырые листья слов я тело заверну.

Я мыслю – значит нет меня.
Лишь мысли голосок храня
в руинах мозга осторожно,
бездействует моя душа,
и *быть* мне просто невозможно.

Солнца ртуть в окаменевшем небе.
Черно-бело-красная душа
учится из золота молчанья
извлекать свинцовые слова.

Гоар МАРКОСЯН–КАСПЕР

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Утро началось обыкновенно. Ровно в семь вконец замордованный детьми будильник грубо звякнул, не то кашлянул, стал было с натугой выводить изуродованную мелодию “Эребуни – Ереван”, но как всегда, в середине фразы поперхнулся и умолк. Пятиминутный перерыв, после чего обычные гвалт, шум, суматоха, по традиции не обошлось и без драки, мальчишки успели отвесить друг другу по парочке звучных затрещин и уже ревели в голос, когда подоспела мать, разняла их и по очереди затолкала в ванную. Потом из кухни невкусно запахло яичницей и горелым молоком, потом... Вазген лежал с закрытыми глазами до тех пор, пока жена не выпроводила детей за дверь... конечно, с опозданием, это тоже дело обычное, теперь ребятам придется мчаться в школу сломя голову... и только когда почти неслышно щелкнул финский замок на входной двери, он открыл глаза.

Спустя двадцать минут он уже сидел за покрытым не совсем свежей скатеркой... он не преминул брезгливо ткнуть пальцем в бледное, но явственное пятно... кухонным столом и неторопливо пил из большой китайской чашки с крышкой растворимый кофе. Пил и, как обычно, машинально разглядывал двух изумительно выписанных голубых драконов, вольготно распростершихся по всей снежно-белой поверхности чашки мордами друг к другу.

– Вазген... – жена всегда называла его полным именем, вообще его все и всегда звали Вазгеном... всегда, даже в детстве – никакой фамильярности... не то что с восьмидесятилетним дядей матери, того даже внучатые племянники звали полунасмешливо-полуснисходительно Взго, а тот даже не обижался... несерьезный человек, что с него возьмешь, одно слово – детский писатель, сказки для дошкольников, басни и прочая ерунда...

– Вазген, – Ано искательно заглянула ему в глаза, – ты заедешь за мной?

– Зачем? Неужели ты не можешь пройти пешком одну несчастную остановку? – ну и дела, через день заезжай... после стольких хлопот!.. ведь четыре места работы пришлось поменять, пока удалось, наконец, пристроить ее в соседнюю школу, буквально в двух шагах... в двух

шагах, да и мальчишки там учатся... собственно в мальчиках и дело, материнский присмотр никогда не помешает, а то саму Ано проще было б дома посадить, ее зарплата даже расходов на бензин не покроет...

– Мы же сегодня обедаем у мамы, – напомнила Ано.

Ах да, у мамы... точнее, у старого Сако... удивительный народ эти женщины, всегда "у мамы" и "у мамы" – никогда "у папы", хотя дом-то отцовский...

– Заеду, – буркнул он и снова уткнулся в свою чашку. – В котором часу?

– В полпятого... Да, знаешь, что я утром слышала в магазине? Говорят, вчера по телевизору передавали, то ли в ТСН, то ли в "Вестях"... в общем, в каких-то из ночных новостей, а может, не по телевизору, а по радио, но передавали точно...

– Ну и? – оборвал он ее болтовню... фантастическая все-таки у этих женщин способность тянуть душу...

Ано помолчала – вид у нее при этом был донельзя таинственный, потом выпалила:

– Масис исчез!

– Какой еще Масис? Не знаю я никакого Масиса.

– О господи, Вазген! Ну Масис... Масис, Арарат... Гора.

– Че-го?!

– Масис исчез, – повторила Ано менее уверенно.

– Что за бред! Да вот же он!

– Где?

Вазген не шевельнулся, он вообще не любил лишних движений, тем более с утра пораньше, но искреннее недоумение во взгляде жены побудило его сначала повернуть голову, потом встать и подойти к окну.

Погода была, как всегда в это время года, отличная, небо совершенно чистое, воздух прозрачный, в такую погоду, да еще рано утром, Арарат обычно виден с замечательной четкостью – так, словно он совсем рядом, прямо на окраине Еревана... Особенно отсюда, с веранды, можно различить каждую щербинку на его массивном теле... Но Арарата не было. Не было ни Масиса, ни Сиса, только ровная степь до самого горизонта, Вазген моргнул. Может, он путает? Может, не отсюда? Но он отлично помнил все детали!.. маленький аккуратный Сис слева, справа большой Масис с закругленной белой вершиной и пологим горбом на правом боку... знакомые очертания, к которым привык до такой степени, что не замечаешь, хоть и видишь каждый день... каждый день? Когда он видел Масис в последний раз? Вчера? Год назад? Два, десять? Отсюда? А может, из окна своего кабинета в управлении или с

балкона отцовского дома? Чертовщина... впрочем, это неважно. Ясно ведь, что вида на Арарат отсюда не было точно, не уверовал же он в нелепую дамскую болтовню... ерунда какая!

– Ерунда, – сказал он громко. – Ерунда, чушь, бред и дамская болтовня.

– Но ведь не видно... – начала было Ано, но Вазген нетерпеливо перебил ее.

– Не морочь мне голову! И так пухнет, дел невпроворот. Я пошел. Приеду, как договорились.

Спустившись в пустой двор... только в дальнем конце возбужденно галдела кучка мальчишек, явно школьников, под шумок сбежавших с уроков... собственно, какой шумок, все тихо... Вазген все-таки огляделся, поймал себя на том, что ищет просвет между домами, и рассердился на свое легковерие... тоже, уши развесил!.. да и, в конце концов, вообразим, что Масис и вправду исчез. Что с того? Какой ему, Вазгену, прок от этого самого Масиса? Ну красуется там, за границей, у турков, и что? Он же в ту сторону и раз в год не глядит, других забот хватает. Есть Арарат, нет Арарата, какая разница? Нет, так нет... Вазген убеждал и убеждал себя, но все же не мог избавиться от потаенного беспокойного чувства. Он ехал по переполненной людьми и автомашинами улице Комитаса и невольно озирался по сторонам, пытался вспомнить, где... Есть! Вспомнил. Через квартал, если смотреть вдоль Касьяна, великолепный вид на Арарат. Впечатление, что голубая махина буквально нависает над крышами домов... Сейчас он доедет, посмотрит, увидит, убедится, что все это чушь, вранье, чей-то дурацкий блеф, и успокоится... сейчас, еще немного, вон там, на повороте, у мебельного...

Арарата не было. Не было, и все тут. Да что ж это такое, господи милостивый?

От потрясения Вазген вырулил не на ту полосу и оказался за переполненным троллейбусом, в котором, несмотря на слабую прозрачность заляпанного грязью заднего стекла, можно было заметить необычайное оживление среди пассажиров, набившиеся в конец парни ухитрялись жестикулировать даже в трудно представимой тесноте.

Объехать троллейбус удалось не сразу, перед тем Вазгену пришлось притормозить у остановки, и он имел возможность разглядеть ожидающую транспорта толпу. Как будто ничего особенного... не считая того, что все разговаривали... все - не все, но ощущение, что половина людей знакома между собой... чушь, конечно, просто заговаривают с незнакомыми, такое бывает, достаточно вспомнить памятное лето восемьдесят восьмого...

Выбравшись наконец на середину улицы, он помчался прямо по трамвайной линии, потом дальше, по осевой, не забывая, по мере возможности, смотреть по сторонам... нет, вроде все спокойно... У Верховного Совета, у Академии, так,так... только небольшое скопление народа у оперы... понятно, условный рефлекс... подъехать, что ли?.. хотя он и так опаздывает...

В управлении был переполох невероятнейший, Вазген такого не помнил. Коридоры полны людей – он и не предполагал, что в их небольшом, по сути, учреждении работает столько народу... то есть знал, конечно, сколько тут числится по штату, но не представлял себе, что трех сотен человек... будь даже они все здесь... достаточно, чтобы сделать коридоры немаленького четырехэтажного здания похожими на галереи шилачинского рынка в воскресный сентябрьский день. Все говорили одновременно, размахивали руками, хватали друг друга за грудки, временами срывались на крик, к тому же многие ежеминутно менялись местами, переходя от одной группки к другой; сами же эти группки возникали и распадались непрерывно... какое-то броуновское движение... плюс ко всему густые облака сигаретного дыма – курили и мужчины и женщины, обычно предпочитающие прятать свой маленький грешок за запертыми дверьми служебных помещений...

Окинув взглядом коридор первого этажа, Вазген, не задерживаясь, поднялся на второй, но до кабинета своего так и не добрался, застрял на полпути, будучи с ходу втянут в бурную дискуссию... нет, пожалуй, на дискуссию это походило мало – невнятные причитания, безадресные проклятия, зловещие пророчества...

– Это знамение, – верещала, тараща полубезумные глаза, встрепанная старая дева из бухгалтерии... по случайности, Вазген помнил и ее имя, ее звали Аидой, претенциозно и малоподходяще... – Это конец, гибель нации. Да-да. Вы меня еще вспомните. Это знамение, говорю я вам.

И многие кивали. Среди них и мужчины. Молодые и старые. Люди вчерашние, усталые, безучастные – одной ногой на пенсии, и люди сегодняшние, энергичные, полные сил. Кивали удрученно и обреченно, и это взорвало Вазгена.

– Что за чушь, – бросил он небрежно, небрежнее, чем хотелось. – В конце концов, Арарат это всего лишь гора. Кусок камня. Правда достаточно большой и достаточно красивый, но кусок камня.

Вокруг разлилось неловкое молчание, даже установилось некое подобие тишины, затем в этой тишине отчетливо прозвучал писклявый голос секретарши самого.

– Вы, Вазген Абгарович, рассуждаете точь-в-точь, как какой-нибудь турок.

Вазген побагровел... аж в ушах застучало от прилива крови... но сдержался... не ругаться же с какой-то глупой девчонкой!.. и сказал спокойно:

– Турков, надо полагать, эта история огорчает не меньше, чем нас. Как-никак, а Арарат на их территории.

Ему ответил целый хор. Все варианты реплик, от дипломатичного “ты преувеличиваешь” до разъяренного “эти турки даже и взорвут Арарат, лишь бы досадить армянам!”

И сразу же предположение:

– А что, если турки и взорвали?

– Вполне возможно.

– Возможно, но маловероятно. Ну как взорвешь такую громадину?

– Атомной бомбой! Или термоядерной.

– Ладно, не сходите с ума.

– А что такого?

– Да радиация же...

– Может, и радиация, кто ее мерил?

– А представляете, какой грохот должен быть от такого взрыва?

– Глупости!

– Ничего не глупости! Эти турки способны на все!

– Турки сами потрясены, – вмешался молодой... совсем сосунок, видимо, только из института... незнакомый Вазгену парень в очках. – Я всю ночь слушал голоса, все подряд. Би-Би-Си передавало...

– Потрясены, потрясены! – перебил его пожилой тип с необъятным брюхом, начальник отдела кадров. – Притворяются! Таких лицемеров еще свет не видывал...

– А что голоса говорят? – спросил кто-то из-за спины Вазгена. – В чем тут дело?

Юноша развел руками.

– Никто пока не знает. Никаких исследований... даже на месте еще никто не был.

– Почему? – возмутился неожиданно для себя Вазген.

– Видимо,не успели. Три дня только.

– Три дня! Как будто трех дней мало! – кипел Вазген. – За три дня революции совершают! Выигрывают войны!

– Так не знали, – смущенно оправдывался юноша. – Только вчера... – его голос то и дело пропадал в шуме, – крестьяне... пастухи... ни одного человека с хоть каким-то образованием...

– Вчера! Можно подумать, не библейская гора пропала, а детская игрушка!

– Чего вы от них хотите?! – внезапно вышел из себя любитель радиоголосов. – Сами хороши! Три дня Арарата нет, и хоть бы кто в Ереване почесался!

Вазген смешался, но его замешательство разделили отнюдь не все.

– В Ереване, в Ереване... Из Еревана не каждый день Масис увидишь, – обиженно пробормотал лысый толстяк, один из шоферов управления. – Туман, облака, смог... что там день, иногда неделями не видно, откуда же людям знать...

– Так ведь нет никакого тумана! Нет!

– Это еще неизвестно.

– Как это неизвестно?! И потом, ладно Ереван, ну а ближе? В Арташате там, Арарате?

– Слушайте, – вдруг таинственно шепнула писклявая секретарша, – а что если он вовсе и не исчез, а просто в тумане? Густом-густом тумане?

Юноша иронически усмехнулся, но на него никто уже не обращал внимания, все заволновались, зашумели.

– Надо проверить.

– Ну конечно, надо съездить, посмотреть.

– В Араратский район, поближе к границе.

– В Хор-Вирап надо, вот куда! Оттуда и Масис как на ладони!

– Ну поехали, что мы стоим!

– Рабочий день же, – попробовал было слабо воспротивиться начальник отдела кадров, но на него тут же зашикали:

– Какой рабочий день, тут судьба нации решается, а он – рабочий день!

– Пойду, скажу шефу, – заявил толстяк-водитель. – Вот увидите, отпустит.

– Нет его, – заговорщически сообщила секретарша. – Не приходил. И не звонил.

– Ну вот, видите...

– Да он, наверно, давно там!

– Ладно, хватит болтать! Вазген, едешь?

– Я на своей, – сказал Вазген.

Улицы были странно пусты... впрочем, на Саят-Нова они повстречали ползущую вдоль тротуара машину с громкоговорителем, призывавшим всех на срочный митинг. Можно было, конечно, последовать призыву, наверняка там кое-что скажут, но Вазген не любил менять принятые решения... посовещаться с остальными, что ли?.. нда... откровенно говоря, обыкновения просить советов у него никогда не было, да и кого тут спрашивать? Аиду, нахально влезшую на заднее сиденье, пока он выбирал себе попутчиков? Упаси боже!

Поближе к "третьему участку" число автомобилей на улицах стало возрастать – сначала в арифметической прогрессии, потом в геометрической, а ближе к городской черте кавалькада машин управления, возглавляемая синей "девяткой" Вазгена, вынуждена была резко сбавить ход и влиться в более чем перегруженный транспортный поток... ну чистый час пик!.. ладно, сейчас выберемся за город, еще пара поворотов и... И? В изумлении Вазген чуть не затормозил... к счастью, – чуть, ибо в него немедленно врезался бы идущий следом "Москвич" замначальника управления, сзади напирал нескончаемый автомобильный ряд... а что впереди? Впереди... Вазген присвистнул... Вся трасса, точнее, весь ее видимый отрезок был забит разномастными автосредствами, двигающимися... вернее, пытающимися двигаться... в одном направлении. Ну и коллекция! "Фиат", "Запорожец", "Камаз", такси, микроавтобус "Скорой", даже пожарная машина!.. только подъемного крана не хватает... впрочем, не надо зарекаться, может, и кран где-нибудь найдется, вон ведь огромный рефрижератор – застрял в середине, как остров, обтекаемый с двух сторон медленно текущими рукавами реки... Ну и ну! И вся эта масса плыла в сторону Арташата... впрочем, "плыла" звучит слишком... плавно, что ли?.. Автомобили то и дело сползали на обочины, пытались проехать по целине, застревали, сворачивали обратно на трассу, мешали друг другу, останавливались, на них высыпали люди – все машины были буквально битком набиты... возникали споры, скандалы, даже потасовки, над трассой стоял сплошной крик... не говоря уже о реве гудков, уж конечно, водители беспрерывно давили на клаксоны, и многоголосый гул – от вульгарного, без модуляции, древнего гудка до новомодной и бешено дорогой штучки, выпевающей мелодию их "Крестного отца" и жутковатой сирены "Скорой" – заглушал все и вся. Очень скоро Вазген потерял из виду остальные машины "делегации" управления, да и невозможно было в этом скопище автомобилей и водителей, большинство из которых напрочь забыло все правила дорожного движения... если, конечно, когда-либо было с ними хотя бы шапочно знакомо... следить за чем-нибудь, кроме ближайших, идущих впритирку соседей... иногда, правда,

ему удавалось бросить быстрый взгляд вправо, где должен был выситься близкий уже Арарат... честно говоря, порой он поглядывал и налево... хоть и помнил вроде бы точно, но стопроцентной уверенности не было, да и у пассажиров его голоса разделились – два за правую сторону, два за левую... Арарата, впрочем, не было ни справа, ни слева.

Наконец вдали появились знакомые стены и башня над ними... то есть не башня, а увеличенная коническим куполом голова... или полагается говорить, глава?.. храма. Хор-Вирап... ну да, а за Хор-Вирапом должен быть Арарат... черт подери, уж в этом Вазген был уверен абсолютно, слишком часто он видел на бесконечной чреде пейзажей, выставленных "у Сарьяна", куда любила по субботам и воскресеньям захаживать Ано, эту картину: огромный, занимающий все поле зрения Арарат и на его фоне маленький, как бы даже невсамделишный монастырь... да, он именно такой и есть, маленький и словно не совсем всамделишный, но теперь монастырь красовался на фоне ясного, сочно-голубого неба... небо сегодня красивое, ничего не скажешь, но там, за Хор-Вирапом, ему совсем не место!.. пропади оно пропадом... хотя при чем тут небо, небо уж точно не виновато... а кто виноват?.. ох, знать бы, чьих рук это дело... за такое голову отвинтить мало!.. да некому, увы, отвинчивать, не господу же богу... Вазген усмехнулся. Уже и в бога поверил?.. да и не придет богу такое в наивную его башку, скорее всего, это какое-то явление природы... и тем хуже, с природой не поспоришь...

На узкой, ответвлявшейся от основной трассы дороге, выписывающей загогулины между виноградниками, была уже настоящая пробка. Не на минуты, не на часы – на века. Оценив ее с первого взгляда, Вазген с трудом выбрался на обочину и остановился.

– Вылезайте.

Он закрыл окна, запер машину и, опережая своих замешкавшихся спутников, устремился вперед.

Уже через два десятка метров он убедился, что поступил разумно, стоявшие впереди автомобили пустовали, а владельцы их спешили... ну да, спешили увязнуть в густой толпе, заполнившей все подступы к монастырю и, видимо, территорию самого монастыря. Вазген пустил в ход локти, чего ему не приходилось делать лет по крайней мере десять... нет, куда больше, наверно, с тех самых пор, когда, еще студентом, он толкался в неразберихе у билетных касс кинотеатров... да, давненько... но полузабытое ощущение сражения, которое необходимо выиграть, охватило его... правильнее сказать, подхватило и несло, несло вперед, под прилепившиеся к склону холма стены.

Ступеньки у основания храма были забиты, по дороге, в обход, но ведущей к воротам, пройти тоже оказалось невозможным, все карабкались напрямую, карабкался и Вазген, скользил, съезжал вниз, хватался за таких же карабкавшихся, как он сам, матерился в ответ на матерщину, толкался и лез дальше.

В конце концов он очутился-таки наверху, у ворот, и мог окинуть взглядом подножие холма... А подножие это было буквально затоплено бесновавшимся человеческим морем... не только подножие – вся округа кишела людьми. Толпа волновалась, гудела, там и сям возникали импровизированные мини-митинги – ораторы вещали, взобравшись на утонувшие в людской массе автомобили... Проходя, Вазген успел уже наслушаться обрывков речей... вечная болтовня типа "мы не одни, весь мир соболезнует"... "библейская гора"... "все христиане в отчаянии, папа римский потрясен"... "президент Буш обратился"... "диаспора, Ватикан, Ноев ковчег"... ну и прочая ерунда. "Армяне верны себе, – думал Вазген зло. – Вместо того, чтобы действовать, утешают себя соболезнованиями"... действовать, действовать, но как?.. стоят без дела – а смотри-ка, сколько здесь собралось народу, тысяч сто, не меньше... ну да, ни одного просвета на всем пространстве от трассы до линии границы... до линии границы?.. Ну конечно! Вазген вгляделся в поле по ту сторону границы, и его охватил гнев. Пусто. Ни единой души. Никому там неинтересно, стоит Арарат на земле или нет, совершенно наплевательское отношение... Черт возьми, пора положить этому конец! Пора, пора... Сейчас или никогда!

Вазген пробился к краю площадки, стараясь стать на виду у стоящих внизу, и... на какую-то долю секунды он было оробел, но быстро оправился и завопил, размахивая руками:

– Эй, жоховурд[†] ! Идемте туда! Туда, на землю, где стоял Арарат! Пощупаем ее собственными руками! Убедимся, что глаза нас не обманывают! Слышите, люди?

Вначале на его крики никто не реагировал, но вскоре вокруг него образовалась кучка единомышленников, которая все росла и росла.

Следующие два часа прошли как в тумане. Ожесточенные споры, обсуждение плавного "прорыва границы"... вначале Вазген склонялся к цивилизованному, так сказать, варианту, но, атакованный сторонниками "наступательной" тактики... "долой дипломатию, даешь Арарат!.." к тому же принимая их главный аргумент – "время, время!..", в конце концов

[†] Народ (*арм.*).

уступил. Пошла запись добровольцев... а как с женщинами – брать их или не брать?.. Большинство мужчин склонялось к тому, чтобы не брать, но десяток истеричных дам среднего возраста... само собой, не без участия безумной бухгалтерши... наверняка и остальные, подобно ей, старые девы, почему-то наивысшей пробы фанатички получаются из старых дев... десяток этих оголтелых дам своими воплями сбил всех с толку... кто-то попытался урезонить их соображениями типа "а если придется воевать?" ... да, а если придется воевать?.. вряд ли, конечно, у всех на памяти была история с нахичеванской границей... правда, там было другое, с двух сторон мусульмане, а тут турки... главное, что пограничники турки, кто их знает, начнут стрелять, не начнут... может, действительно придется... Вазген морщил лоб – как воевать, чем... собственно, почему бы и не повоевать, если уж другого выхода не будет... кое-кто помчался уже за охотничьими ружьями – "тут, недалеко"... какие-то молодые ребята предлагали "вмиг" доставить десяток-другой автоматов, появилась и карта местности, на которой прикидывали маршрут... что удивительно, все, окружавшие Вазгена люди обращались к нему, как к предводителю, никто не подвергал сомнению его способность быть таковым... впрочем, что тут удивительного, толпа нюхом распознает потенциального лидера... К тому моменту, когда над полем стал настойчиво кружиться неопознанный поначалу вертолет, Вазген ощущал себя уже начальником штаба, если не главнокомандующим небольшой и плохо вооруженной, но решительно настроенной армии. Он уверенно отдавал приказания, властные нотки в голосе... Вазген сам исподволь наслаждался его звучанием... оказывали на добровольных помощников чуть ли не гипнотическое влияние, ему даже виделось, что он стал выше ростом – не те, жалкие, метр семьдесят, нет, под метр девяносто...

С трудом, но распугав на крохотном пространстве толпу, вертолет сел, и ребята с мегафонами стали уговаривать народ не делать глупостей, "не вовлекаться в авантюры", как они неоригинально высказались... хорошо еще не ляпнули чего-нибудь вроде "не поддаваться на провокации"... Увещевания пересыпались обещаниями, что президент и правительство принимают меры, что... Вазгену удалось прорваться к мегафону, проще говоря, выхватить его у одного из ошарашенных подобным нахальством президентских глашатаев..."к черту президента, к черту правительство!.. как им можно доверять после того, как они допустили... по их милости мы оказались в подобном положении..." где-то в глубине души он понимал, что несет околесицу, но завладевшая им всецело сладкая стихия всеобщего безумия туманила голову, казалось, что и правда можно было "не допустить"...

Пришедшие в себя эмиссары отобрали у бунтаря мегафон и пригрозили арестом, но тут уж вступилась толпа, и Вазгена отпустили..."ладно, ладно, забирайте вашего "вождя"... и даже позволили говорить. Опьяненный внезапным "народным доверием", Вазген, половчее пристраивая у губ мегафон, мысленно выкладывал затейливым узором некую историческую фразу, как вдруг...

– Смотрите! Да смотри же!

Устремленные на Вазгена взгляды в одну секунду изменили направление, еще не понимая, но болезненно ощущая, что всеобщее внимание, которым только что владел всецело, утрачено вмиг, он засуетился, задергался...

– Тсс!.. – стоящий рядом пожилой мужик дернул Вазгена за плечо, разворачивая влево, в сторону границы, и молча ткнул рукой за его спину. Вазген медленно повернулся, улавливая краем глаза общее содружественное движение и слыша, как затихает, замолкает многоголосая толпа. Долгое мгновение тишины и необъятный вздох единой грудью... Вазген успел уловить только финал – пробежавшую по воздуху рябь... сильнее, сильнее, небо задробилось... как дробится его отражение в спокойной воде, застигнутой неожиданным ветром... и вдруг рябь исчезла – внезапно, без подготовки, воздух снова стал спокойным и прозрачным, небо распрямилось – от земли вверх, и в этом небе, как на опущенной в проявитель фотобумаге, возник и обрел четкость очертаний близкий, огромный и прекрасный Арарат.

Домой Вазген добрался только к вечеру. Жены и детей дома не оказалось... только теперь он вспомнил, что был приглашен на обед к старому Сако... когда-то давным-давно. Тащиться на другой конец города было уже неохота, да и бак пустой... Позвонив и успокоив встревоженную Ано – забыл, мол... говорить ей о своих приключениях не стал, зачем это, забыл, и все, хватит с нее, сказал только о баке, что пустой, и пусть она с детьми ночует у матери... у матери – не у отца... нарочно, хотел потрафить ее женскому самолюбию... Позвонив, он скинул пиджак и подошел к окну в гостиной... конечно, это в гостиной, как же он утром не мог вспомнить, искал на другой стороне... Уже смеркалось, но погода была ясная, и на сереющем небе отчетливо вырисовывался синевато-серый или серовато-синий силуэт: маленький аккуратный Сис и большой Масис с горбом на правом боку... Он испытал невольную гордость – наш исконный, древний, испокон веку наш, красавец Масис, самая замечательная гора на Земле... и в то же время некоторое неловкое недовольство... мог же вернуться чуточку

позже... вернуться или стать невидимым?.. что это было, оптическое явление, мираж?.. или и вправду?.. неважно, исчезал он, не исчезал, мог бы потерпеть еще... ну хоть несколько часов!.. а лучше дней... Сколько планов, сколько... Вазген потер лоб. До сих пор ему казалось... не казалось – он был абсолютно уверен!.. уверен, что доволен и своей работой, и своим положением – прочным, обеспеченным, солидным... впрочем, что означает – до сих пор? Разве теперь не так? Чушь и ерунда!

Вазген сердито задернул занавески, отошел от окна и сел в кресло у журнального столика, перед стопкой свежих газет.

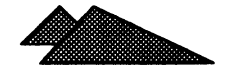
"Радуга" (Таллинн), № 3, 1994.

Гоар Маркосян-Каспер – правнучка знаменитого армянского ашуга Шерама, родственница (в прямом смысле) есенинской Шаганэ. Помнит последнюю, когда та, уже в пожилом возрасте, в компании внучатых племянниц поднимала юбку и говорила: "Вот какими должны быть красивые ноги!"

Еще один врач-литератор. Иглотерапевт, кандидат медицинских наук, автор двух десятков научных трудов, несколько лет заведовала отделением рефлексотерапии в одной из элитных ереванских клиник. Член Международной ассоциации иглотерапевтов (IGMART).

Писать начала со стихов и сразу на русском языке (получила такое образование, училась в русской школе и в институте на русском отделении). В Ереване, помимо других публикаций, выпустила поэтический сборник "Недостроенный замок мой..."(1990). Рассказы печатались в журналах "Литературная Армения" и "Радуга", в армянской газете "Эпоха" и эстонской "День за днем". Кроме "нормальной" прозы пишет научную фантастику. Живет в Таллинне.

Калле Каспер

Калле КАСПЕР

АЛЛИКСАНДРИНЫ

1

Важно писать так, чтобы из предложения нельзя было изъять ни одного слова, а из стихотворения – ни одного предложения.

А еще подняться в воздух и парить.

На землю пусть тебя вернет только стрела правды жизни.

Здесь, в грязи городов, в тоске слобод и райцентров есть возможность выбора: либо стихотворство скуки ради, либо стихотворство в муках.

Первое означает творить стихи, не творя жизни.

Переписывать набело уже написанную жизнь.

Из чего следует, что юность – черновик для забав литератора.

Второе – сама задыхающаяся жизнь, производящая стихи, как нечистоты, время от времени отделяющиеся от тела, которое их произвело.

Процесс этот многотруден, и результат вонюч, но эта вонь есть аромат жизни.

Подавай руку хоть Сцилле, хоть Харибде – обе наровят отрубить голову.

В одном случае топором пустоты, в другом – гильотиной содержательности.

В одном случае наипустейшая жизнь становится осмысленной бессмыслицей, в другом – бессмысленно все, единственный смысл в геммороидах.

Лулу, так или иначе, все свои строки я посвящаю тебе.

До встречи в Гонолулу грез.

На гонорар я куплю тебе в дорогу подлинную копию Рафаэля.

Подражать Алликсаару невозможно – можно только сидеть на Сааремаа у ручья и пить воду.

Выпьем же, но до того перекрасим эту воду в алую.

Для чего понадобится лишь игла.

За дело же, маленький серебристый звереныш!

Если поэзия это полет в поднебесье – хочу быть луком и стрелой, которые вернут ее на землю.

Хочу быть истиной.

Сестра, корпию!

Идею ранили.

Из коры черного дерева будем печь хлеб, когда прикончим рожь.

Вот и стихотворению конец.

2

Все ли монологи персонажей с моноклями одинаково алогичны?

Кому улыбается счастье – обмишулившему саму фортуну шулеру или разморенному везунчику, ловящему мух за игорным столом?

Во Франции красные мухоморы не растут, потому что им там не нравится.

Почему им там не нравится, надо спросить у них самих.

Хорошо бы изловчиться и одним ударом убить сразу несколько грибов и мух.

Это может получиться, если удар последует сразу за замахом.

Поэзия это игра словами или игра слов?

Сколько миллионов слов может породить эта игра?

Кегли это отражение глупости в зеркале.

Глазея в зеркало, стареешь на глазах.

Ассоциации – общее достояние ассоциаций.

Социалистов – услышь они это – хватил бы удар.

Они и так уж красные, как кисель из ревеня.

3

Чтобы самореализоваться, надо не переступать пределов реальности.

Любовь это райская мука, застрявшая в горле Адама.

Что доказано антропологией.

Прости мне, господи, голод по яблоку.

Жребий брошен!

Никогда больше я не стану по собственному желанию карабкаться на спичечный коробок.

4

Дни линяют, словно трава или нержавеющие джинсы.
Предложение – суть вещей.
Из хорошего предложения нельзя вычленить даже слога.
Мертвое предложение – не лучшее из предложений.
Ночь это шут дня, а луна это паж солнца.
Ну и пассаж!
Багажные мальчики давно не шуруют в вояжах из Афин на Фиджи.
Во всяком случае, давно их афиджируют.
Любовь это гипноз.
То есть сон.
Вот мы и вернулись к луне.
Лунные моря словно ямочки на твоих щеках!
Вчера ты дала мне билет и волчью корзину.
В корзине два полных яйца – деловитость и осторожность.
Уже две ошибки на одно стихотворение.
Прости мне, милый читатель!
Слова несутся с такой скоростью, что слогам их не догнать.
Слог это скальп слова.
Я – великий Косоглаз-Грассирующий-Пресная Вода.
Овечки моей нежности на деле волки.
Волки, Волга, верба, Верди, выроди...
Ох туман эпох, потонувших в праздных мечтаниях.
Предложению противно отражать потерянное пространство.
Сколько б в том могло поместиться крика!
Сколько поцелуев и совокуплений!
Вы замечали, что гром запоминается, а молния забывается?
Молния не может помнить саму себя.
Память это большой черный дырявый мешок, который при свете карманного фонаря выдает какие-то из своих тайн.
Тайны дурно пахнут – не может быть!
Да здравствуют тайны – тормоз развития человечества.
Зародышевая плазма общества – проститутки и пролетариат.
Высокопоставленные советники – это парша общества.

Какой совет можно получить от луны – даром что она высоко подвешена?

Вы слышали, луна кашлянула.

Она стесняется собственной глупости.

Единственное, на что она способна – пересказывать россказни солнца.

Россказни это рассказы без "Я" рассказчика.

Они теряют сознание, если им читают мораль.

Если кормить их яйцами всмятку, они вырождаются.

Вырождение.

Наслаждение.

Заграждение.

Гараж денег.

Раж.

Тени.

Пер. с эстонского *Гоар Маркосян-Каспер*

АРМЕНИЯ. 1994. ЛЕТО.

Гоар МАРКОСЯН-КАСПЕР – Калле КАСПЕР

ГОАР. Честно говоря, я боялась этой поездки не меньше, чем хотела ее. Из-за всех этих дурацких россказней, которых мы наслушались от "очевидцев", я мысленно представляла себе картины одна нелепее другой – заваленные мусором улицы, сплошные пни вместо вырубленных за две зимы деревьев, толпы оборванцев и нищих... А ты?

КАЛЛЕ. Я думал увидеть Ереван таким же, как два года назад. Помнишь? Мертвый город, по которому люди не шли, а тащились, еле волоча ноги. Лишенный жизни аэродром, пустые, без автомашин, улицы, уныло сидящие вдоль улиц торговцы со своим скудным товаром, пустые государственные магазины...

ГОАР. Словом, ты не ждал никаких перемен?

КАЛЛЕ. Ну разве что к худшему.

ГОАР. А перемены, против ожидания, оказались или, во всяком случае, показались, переменами к лучшему. Деревья на улицах стоят на своих местах, парки и скверы вроде бы тоже не исчезли с лица земли в соответствии с грозными описаниями телевидения или наших собеседников. К энергетическому кризису более или менее приспособились. Люди обзавелись керосинками и керогазами, кипятильниками и баллонами с жидким газом, в каждом доме по несколько электроплиток. Появились аккумуляторные лампы, которые в той или иной мере спасают от невыносимых вечеров в темноте. Словом, быт не то чтоб нормализовался, но как-то упорядочился. Нет и тех бесконечных и безнадежных очередей за хлебом, правда, он по карточкам, но его вполне хватает, даже если и не докупать на рынке, а можно и докупить. Овощей и фруктов невиданное изобилие. И дешевизна – по таллиннским или московским меркам, конечно.

КАЛЛЕ. Драм стал внутренне конвертируемым, валюту обменивают на каждом шагу, как в Таллинне или Москве.

ГОАР. Торговля ожила, в магазинах все есть... хотя это "все" есть, конечно, в советском понимании, когда продукты исчерпываются списком из десятка-двух названий. Во всяком случае с тем, что было два года назад, не сравнить.

КАЛЛЕ. Да, конечно. Но это все – так сказать, внешняя сторона жизни, то, что лежит на поверхности. Для меня главные изменения это психологические сдвиги. Изменилось настроение людей, уменьшилась националистическая истерия. Два года назад с людьми невозможно было разговаривать, они такое несли, что становилось просто противно. А теперь, как выяснилось, многие ведут дела с азербайджанцами, считая их надежными партнерами, и, главное, не боятся говорить об этом вслух.

ГОАР. Правда, на этот раз мы не встречались с самыми ярыми...

КАЛЛЕ. Я имею в виду свой личный опыт. Кстати, и в прошлый приезд мы общались отнюдь не только с фидаинами. Помнишь, как на тебя накинулись твои бывшие сотрудницы? Попрекали утратой национального духа, утверждали, что ты перестала понимать нужды своего народа, и все такое прочее. Да, что касается личного опыта, надо упомянуть о том, чего не достает в Таллинне или Москве – я имею в виду личную безопасность. Я ведь почти каждый вечер достаточно поздно и практически в полной темноте отправлялся спать на другую квартиру – и шел совершенно спокойно, меня не покидало ощущение полной безопасности. Такое в южных городах было и раньше, я, как человек северный, особенно остро это чувствовал, в Таллинне такого ощущения у меня никогда не было. Несколько лет назад это исчезло, а

теперь – в Ереване – возникло снова. Хотя министра внутренних дел честят во все корки, обвиняют в создании государственной мафии – не знаю, может, это и так, но что на улицах порядок, я убедился на собственном опыте.

ГОАР. А помнишь, как два года назад мы ходили в оперу? Зал был совершенно пуст.

КАЛЛЕ. Конечно. Было особенно обидно за "Трубадура", замечательный был спектакль, прекрасно пели...

ГОАР. А теперь полные залы, аншлаги. Правда, спектакли идут только один-два раза в неделю и только в теплое время года...

КАЛЛЕ. Между прочим, эта моя поездка в Ереван – "юбилейная", десятая. В первый раз я был здесь лет двадцать назад. Если суммировать все наши наезды в Ереван за эти последние годы, получится, что я уже пожил в Армении во все времена года. И достаточно долго, чтобы замечать все неизбежные перемены. Раньше Ереван, в чем-то, конечно, отличаясь от Москвы или Таллинна, был все же похож на них в главном: это был такой же, как они, советский город. "Советское" буквально веяло в воздухе, спрятаться от этого было невозможно. Может, в Ереване плакатов и транспарантов было меньше, чем в Москве, и не столь ярких и навязчивых, но они были. А главное, советскими были люди. Везде. Хотя советская система и была навязана извне, но она вторглась в людей, пропитала их. Несмотря на относительную свободу "кухонной критики", существовали пределы, которые люди здесь, как и везде, переходить остерегались. По-моему, советское правительство никогда не поносили столь ожесточенно, как президента Тер-Петросяна. А экономические отношения? Мужчина должен в первую очередь реализоваться в работе, в деле. Но для этого он должен быть свободен в выборе. Теперь эта свобода есть.

ГОАР. Однако эта свобода позволила реализовать себя в основном тем армянам, которые по натуре тяготели к торговле, бизнесу, но не к научной работе. Вспомни нашего нового знакомого, физика, который ушел из института физики и занялся коммерцией. Это после того, как он занимался экспериментальной физикой в Лондоне. А что сказал мой бывший сотрудник по институту физиологии? Зарплаты по семьсот драмов (отметим для непосвященных, что это меньше двух долларов), света нет, что делает всякую электрофизиологию невозможной, люди приходят на работу раз в неделю, делать все равно нечего.

КАЛЛЕ. Это все – уже другая сторона вопроса. Советская власть за семьдесят лет выработала идеальную – для себя, разумеется, – систему. У нее были свои ценности, мы можем относиться к ним так или иначе, но отрицать наличие этих ценностей бессмысленно. Экономическая

деятельность, бизнес, торговля, стремление обогатиться считались пороками, отрицательными ценностями. А занятия чистой наукой в целом поощрялись. Наилучшие возможности были, естественно, у тех, кто занимался марксистскими псевдонауками, но оставалось место и для прочих, например физики или физиологии. Был создан класс интеллектуальных тунеядцев, которые имели массу свободного времени для чтения, коллекционирования книг, игры в шахматы на работе – везде ведь играли в шахматы, у вас наверняка тоже.

ГОАР. Играли. В институте физиологии. В физиотерапии, где я работала потом, нет, у врачей времени меньше, но в академическом институте играли, устраивали чемпионаты...

КАЛЛЕ. Болели за Каспарова, раньше за Петросяна, разбирали партии... Предавались другим интеллектуальным занятиям. Но потом система лопнула.

ГОАР. И наряду с интеллектуальными тунеядцами не у дел оказались и те немногие, кто всерьез занимался наукой.

КАЛЛЕ. Это частность. В глобальном смысле с Арменией произошло то же, что и со всеми другими постсоветскими странами. Она вернулась или возвращается в свое историческое время, откуда ее насильственно вырвали.

ГОАР. А что это за время?

КАЛЛЕ. Коренное противоречие заключается в том, что при богатейшей истории и древней культуре у армянской нации в течении уже многих веков отсутствует опыт собственной государственности. А построение государства – отдельный навык. Народ, может, одарен и умен, развит в прочих сферах, однако, сколько времени ему может понадобиться для построения нормального государства, неизвестно. После падения киликийского государства в 1375 году, армянская государственность зависла в пустоте. А что касается времени, в котором окажется Армения... В этом времени ускорителей не было. Средневековая Армения имела выдающихся ученых, но не организованную науку. Науку в Армении организовала советская власть, другой вопрос, что это наложилось на интеллектуальный потенциал армянского народа, помогло ему выявиться.

ГОАР. Словом, Армения нынче не во времени наук, а во временах восточного базара.

КАЛЛЕ. Ты ведь сама неоднократно говорила, что армяне это народ ремесленников и торговцев.

ГОАР. Да. И если подумать, очевидно, что существуют торговые нации, крестьянские, нации завоевателей или воинов, как они себя предпочтут назвать, но нации ученых нет и быть не может.

КАЛЛЕ. Если меня сейчас что-то действительно тревожит в армянской действительности, то это положение дел в книгоиздании, и особенно книжной торговле. Самые пустые магазины в Ереване ведь книжные. Книжный бум в России до Армении не докатывается, издающиеся там книги в Армению просто не попадают...

ГОАР. Блокада.

КАЛЛЕ. А собственное книгоиздание, если б даже оно было...

ГОАР. А оно сведено к минимуму из-за отсутствия бумаги, разваливающейся полиграфической базы и тому подобное.

КАЛЛЕ. Если б оно и было, все равно оно не сумело бы удовлетворить все потребности интеллигенции. Армяне ведь в большинстве своем владели русским языком, они были включены в кругооборот русскоязычной культуры, мировую литературу они, в основном читали по-русски, в отличие от прибалтов, которые, отторгая русский язык, старались все немедленно перевести на свой. Теперь этот круг разорван, все надо делать самим, нужен целый класс переводчиков, в которых раньше не было надобности. В результате в магазинах лежит всего несколько десятков переводных книг, изданных за эти годы.

ГОАР. Правда, это Камю, Сартр, Фолкнер, Сэлинджер...

КАЛЛЕ. Но этого мало.

ГОАР. Ничтожно мало! И потом, хорошо, конечно, что появились переводы на армянский, но огромная часть людей, которые читали по-русски, осталась вообще без книг.

КАЛЛЕ. Это неважно. Новое поколение армян будет читать по-армянски.

ГОАР. А прежние поколения?

КАЛЛЕ. Русскоязычные поколения? Они выходят из игры. Они неизбежно попадут "на свалку истории". И скоро. Изменения, происходящие после распада СССР, стремительны. Смотри, как быстро Эстония, например, становится похожа на Северную Европу, главным образом Скандинавию.

ГОАР. А Армения становится – внешне, во всяком случае, – похожа на восточный базар, как его описывают.

КАЛЛЕ. Внутренне, наверно, тоже. А много ли читают на Востоке? В Турции, например, или Иране?

ГОАР. Ты сравниваешь Армению с Турцией? Любой армянин тебе на это скажет, вернее, выкрикнет, стуча себя в грудь: в десятом веке, когда тюркские племена еще беспорядочно кочевали в районе Алтая или где-то там еще, у армян уже были Нарекаци и пять веков письменности. Какая у турок литература!..

КАЛЛЕ. А у персов? Во всяком случае сиюминутная ситуация неутешительна. Ты же сама видела, какая разница между книжными магазинами Москвы, Ростова и Еревана. В этом деле разница особенно велика.

ГОАР. И чем все это кончится? Как ты думаешь? Может, армяне вообще утратят свою культуру?

КАЛЛЕ. Нет, почему же. Кончится война, исчезнет блокада, появится бумага, заработают типографии, найдутся переводчики, начнут поступать субсидии, постепенно разовьется армяноязычная культура. Наверняка национальная культура будет в привилегированном положении, может даже слишком, заявил ведь Вано Сирадегян, что Армении не нужен балет, а нужны ансамбли национального танца.

ГОАР. Вано Сирадегян – министр внутренних дел, а не культуры.

КАЛЛЕ. Ну и что? Завтра он может стать и премьер-министром.

ГОАР. Итак, напрашивается вывод, что самое трагическое из происшедшего в Армении за годы советской власти, это своеобразная подмена культур. Замена армяноязычной культуры русскоязычной.

КАЛЛЕ. А почему ты считаешь эту подмену трагической?

ГОАР. Представь себе, раньше мне это трагедией не казалось, даже наоборот. Русский язык был ключом к сокровищнице знаний. Армяне никогда не смогли бы перевести столько, их ведь, в конце концов, просто мало. Как и эстонцев, эстонцы, хоть и много переводят, но за русскими им никак не угнаться. Меня всегда устраивала моя русскоязычность, и только теперь... Хотя, знаешь, это не трагедия культуры или нации, а всего лишь трагедия двух-трех поколений, выкинутых из этой самой культуры в никуда.

КАЛЛЕ. Почему в никуда? Когда-нибудь это принесет свои плоды. Разве русская культура пострадала от того, что на рубеже XVIII-XIX веков в России весь образованный слой читал и даже писал по-французски? Нет, бояться надо другого. Состояние нынешнего духовного голода может привести к возникновению какого-то рахитичного поколения, которое создаст государство азиатского деспотизма. И каково будет жить в таком государстве? Туриста, человека приезжего, Армения всегда будет привлекать своей природой, памятниками архитектуры, своеобразным армянским нравом. Но каково будет в этом государстве армянину? Чего стоит одна эта варварская манера хватать на улице, в транспорте, на работе молодых ребят и забирать их в армию?

ГОАР. Я не думаю, что после окончания войны будут кого-то хватать. Хотя у меня возникло впечатление, что это хватание на улицах к войне имеет отношение весьма отдаленное. Скорее, оно имеет

отношение к наживе. Мы ведь слышали перед отъездом в Армению, в Москве, что в Ереване якобы не осталось молодых мужчин, забрали всех. Скажу сразу, что это весьма преувеличено. Молодых мужчин в Ереване достаточно. Как я понимаю, ребят хватают лишь для того, чтобы получить взятку, отпустить и через некоторое время схватить снова. И снова отпустить. Кто же зарежет курицу, несущую золотые яйца? Может, конечно, тут уже преувеличиваю я, но...

КАЛЛЕ. Но это и есть пример азиатского деспотизма, или, если угодно, азиатского бюрократизма. Должность должна приносить деньги.

ГОАР. Но тогда и Россия страна азиатского бюрократизма.

КАЛЛЕ. Бесспорно. Мне неоднократно попадались в прессе и книгах подобного рода суждения.

ГОАР. Вернемся к Армении. К процессам, которые в ней в данный момент происходят.

КАЛЛЕ. Как и в любой другой постсоветской стране, в Армении переходный период: с одной стороны, исчезают элементы советской системы, с другой – появляются приметы будущего. Если обобщить их, можно сказать, что Армения "ориентализируется".

ГОАР. Как это ни печально лично для меня! Надеюсь, она не исламизируется... я имею ввиду не принятие ислама, конечно, а проникновение в быт элементов мусульманского уклада жизни...

КАЛЛЕ. Проблема Армении в том, что у нее нет непосредственной границы с Европой. Все зависит от того, откуда проникают в нее передовые европейские влияния. Последние два века это происходило через Россию.

ГОАР. Но и с Россией у Армении нет границы.

КАЛЛЕ. Теперь источником таких влияний, вернее, посредником может быть Турция.

ГОАР. Не утешительная констатация.

КАЛЛЕ. Человек становится похож на тех, с кем он постоянно общается. То же и страна. Соседи Армении – Грузия, Турция, Иран, Азербайджан.

ГОАР. В этом "букете" турецкий вариант не самый худший.

КАЛЛЕ. Даже на врага постепенно становишься похожим, если постоянно общаешься с ним или хотя бы думаешь о нем.

ГОАР. Конец у нас получился совсем грустным. Армяне ведь считают себя европейцами, заброшенными волей геополитических реалий в азиатское окружение. Сказать армянам, что они похожи на турок, значит нанести им смертельную обиду. Правда, есть надежда, что многочисленная армянская диаспора в Америке и Европе создаст какой-то противовес мусульманским влияниям.

КАЛЛЕ. Конечно. На армян действуют все слагаемые этого противоборства – российская и мусульманская диаспоры, история, ведь Армения имеет историю, какой у ее тюркского окружения нет, Армения – современница Иудеи и Рима, кто знает, может, сейчас живет потомок какого-нибудь армянина, который со свитой армянского царя гостил у Нерона... Все это складывается, а результат... Собственно, результат известен. Армяне слишком древняя нация, чтобы сильно измениться.

ГОАР. Наверно. Разве, что в мелочах. Например, несколько лет назад девушки ходили в сарафанчиках на бретельках, теперь, несмотря на жару, никто плеч не оголяет. Правда, многие носят эти немыслимые шорты – бесформенные штаны до колен, невесть почему полагая, что одеваются чрезвычайно смело... Но в главном, наверно, армяне действительно не изменятся, это всегда будет некий азиатско-европейский или европейско-азиатский сплав. Но тогда, пытаясь представить себе будущее армянское государство, мы должны исходить из психологии народа, а не из геополитики. Тут я должен обратить твое внимание на своеобразный парадокс: с одной стороны, азиатская бюрократия действительно существует и успешно развивается, с другой – армяне ведь по натуре анархисты, сколько я себя помню, они всегда, фигурально выражаясь, дымили под табличкой "не курить", топтали газоны, переходили в неположенном месте и вообще нарушали все, какие были в состоянии нарушить, правила и законы советского общества.

КАЛЛЕ. Есть и другой парадокс. Армяне – нация несомненно христианская...

ГОАР. Уже почти тысячу семьсот лет.

КАЛЛЕ. ...но это христианство вполне уживается с мусульманскими веяниями в семье и в быту.

Я думаю, на этом мы можем закончить. Конечно, об Армении можно говорить бесконечно, на этот раз мы говорили в основном о сегодняшнем дне, но ведь мы и живем сегодня.

ДОКУМЕНТ

**Евреям России
в связи с праздником
Рош-Гашана**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2 сентября 1994 г.
№ ВЧ 22/171
г. Москва

Уважаемые сограждане!

С удовольствием шлю свои искренние поздравления евреям России в связи с праздником Рош-Гашана – еврейским Новым годом.

На протяжении российской истории, евреи России вносили свой достойный вклад в сокровищницу науки, культуры, обороны страны.

Убежден, что и сегодня, в сложную для Родины пору, еврейский народ вместе с другими народами нашей страны сделает все возможное для возрождения новой демократической России.

В. Черномырдин.

ПОСЛАНИЕ ГЛАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИЗРАИЛЯ И. РАБИНА ЕВРЕЯМ СНГ К НОВОМУ ГОДУ

Накануне нового 5755 года по ивритскому летоисчислению я посылаю вам, евреям, проживающим в странах СНГ, поздравления и наилучшие пожелания правительства Израиля.

Государство Израиль находится сейчас на переломном этапе своей истории. Мирный процесс между нами и арабским миром продолжает развиваться и охватывает все новые страны.

Прогресс в развитии мирного процесса позволяет Израилю параллельное продвижение по пути к достижению национальных целей в основных областях государственного строительства, дальнейшего развития экономики и израильского общества и превыше всего – продолжение целенаправленных усилий по средоточению большинства еврейского народа на земле Израиля.

Продолжающийся и усиливающийся в последнее время процесс еврейской репатриации из стран СНГ в Израиль доказывает, что еврейский народ в странах рассеяния уверен в будущем страны и видит в ней свой дом и дом для своих будущих поколений.

Израиль со своей стороны делает все и будет делать и в будущем для облегчения процесса абсорбции новых граждан в нашей стране и их скорейшей интеграции в области экономики, просвещения и культуры Израиля – к их и нашему благу, для построения лучшего будущего в этой стране.

Дабы исполнились слова нашей молитвы:

"Протруби в большой шофар
О нашей свободе и подними знамя,
Дабы собрать наш народ,
Который сейчас в рассеянии, и приблизить нас,
Разбросанных между народами,
И собери нас, рассеянных, с концов земли".

Шана това угмар хатима това.
Счастливого Вам нового года.
В будущем году в Иерусалиме.

РАССКАЗ МАРТИРОСА

Я, Мартирос (но только по имени)[†], родился в Эрзинджане. Епископ обители Святого Киракоса в Норкиете, я очень давно мечтал совершить паломничество к гробницам Первого из святых апостолов[††] и Святого Иоанна[†††]. Настал час и я, недостойный, заслужил эту честь, которой никогда не переставал желать, не смея никому признаться в этом. 29 октября 938 года по армянскому календарю (1489 год христианской эры) я вышел из своего монастыря и добрался до Истамбула (Константинополь). Там, благодарение Господу, я нашел корабль, на который вступил вместе с дьяконом Вртанесом. Выйдя из Истамбула 11 июля 939 года (1490), пересев затем на французский корабль, мы 1 октября прибыли в город Венецию. Город, большой и красивый, построен среди моря, в нем 74 тысячи домов, все величественны и очень богаты. В городе – огромный храм, куда могут войти 10 тысяч человек, он весь украшен золотом, это собор Святого Марка-евангелиста. Внутри фигуры двух львов с золотыми крыльями и два органа. В городе много других церквей, также много монастырей – и все построены на море. Перед собором Св. Марка есть большая площадь. Высоко вверху, над дверьми храма – четыре огромных бронзовых коня, каждый с поднятой ногой. На южной стороне, обращенной к морю, – лавки торговцев. На площади этой воздвигнуты две больших колонны: на одной стоит крылатый лев, на другой – статуя Святого Георгия[1]. Дворец короля (дожа) весь покрыт золотом, и в нем столько всяких диковин, что описать невозможно.

Мы оставались там 29 дней, потом отплыли и через 13 дней прибыли в Анкону, а оттуда через 29 дней приехали в великий город Рим, хранимый Господом. Там находятся святые и все славные мощи главных апостолов – Святого Петра и Святого Павла. Мы пошли преклониться пред ними и просить отпущения грехов – наших собственных и

[†] Март (martyr) – по-латыни "мученик за веру". Невероятно скромный Мартирос хочет сказать, что недостоин так называться ("†" обозначены примечания переводчика).

[††] Святой Петр.

[†††] Очевидно, опечатка. Судя по всему, Мартирос стремился к гробнице Св. Иакова (Сант-Яго-де-Компостела).

[1] Имеется в виду Св. Теодор, один из покровителей города.

родителей наших и благодетелей наших. Пять месяцев оставались мы в Риме и посетили все святые места. Останки святых апостолов мы нашли за городом, на севере. На западе вблизи города есть крохотное местечко, от Рима его отделяет река по имени Сан-Анжело. Портик церкви святых апостолов обращен к востоку, там пять огромных изукрашенных дверей. Та, что посреди, сделана из массивного металла, на одной створке – Святой Павел, на другой – Святой Петр. В западной части Рима, перед дворцом Нерона, есть место, где распяли Святого Петра. Посреди города темница апостолов. Довольно далеко от Рима был обезглавлен Святой Павел. На юге за городом оказалось место, где Иисус Христос встретился со Святым Петром. Вне города есть еще церковь Святого Иоанна, где находятся головы двух Иоаннов и их тела[1]. В южной части города была темница Святого Георгия Агригентского[2], на ее месте построена церковь. Гораздо дальше, но все же в центре города – церковь Святой Елены, где покоятся тела сотен мучеников. В Риме много других великолепных вещей.

В городе 2764 церкви и 8000 гробниц святых – внутри церквей или снаружи. Каждый день я посещал десять или двадцать больших и красивых церквей и каждый день шел просить Первого из апостолов отпустить мне грехи. Кто может описать красоту этих церквей?

Меня трижды представляли Папе, он принимал меня с благоволением и был особенно милостив. Дал мне рекомендательное письмо. Все вокруг изумлялись особой милости, оказанной мне.

9 июля 940 года (1491) мы вышли из Рима и спустя много времени, то есть 46 дней, достигли страны Тедесков[3] и пришли в большой город Гасденсию (Констану), а затем миновали много других городов вдоль реки Рейн. Под конец достигли крупного города Базель, где нас задержали, как шпионов.

Прошли еще много городов и прибыли во Франкфурт-на-Майне, где видели немало замечательного. Оттуда, спустя много дней, пришли во Фрайбург. Этот город, говорят, владеет 300 тысячами кустов винограда.

Нам оказали большие почести. Оттуда мы пришли в Страсбург и через много дней в Капель, где нас очень хорошо приняли. Затем, следуя вдоль Рейна, мы, спустя много времени, пришли в знаменитый

---

[1] Иоанн Креститель и Иоанн-Евангелист.

[2] Говорится о малоизвестном на Западе, но почитаемом в Армении святом. Его день – 23 ноября. Он был епископом Гиргента (древний Агригент на Сицилии). В 12 лет он стал священнослужителем, а в 31 год – епископом.

[3] Немцы (*ит.*).

город Кёльн, где, говорят, 280 тысяч домов. Он очень велик и прекрасен. Там есть гробница царей-волхвов. Над нею находятся три головы Волхвов, также мощи 12 тысяч святых. Эти мощи размещены так, что все могут видеть их в гробах, в большой церкви. Кроме того, в городе очень красивый собор, где можно видеть тела 80 святых девственниц, лежащих в одном ковчеге[1]. Церковь, где находится гробница царей-волхвов, покрыта картинами, как и ее двери. На внешней стене изображена Святая Богоматерь с соответствующими украшениями. У Неё на руках наш Господь, Христос, на голове у Неё корона с жемчужинами и драгоценными камнями огромной стоимости. Мы спросили священников церкви об их цене: они сказали, что 215 тысяч флоринов. На груди Девы – покрывало из жемчуга, каждая величиной с орех и окружена дюжиной маленьких, а между этими группами жемчужин по четыре драгоценных камня: два рубина и два аметиста.

Вокруг алтаря 56 бронзовых гробниц, украшенных барельефами, еще 6 гробниц без украшений и, наконец, еще одна с барельефом. Здание церкви поддерживают 500 арок, оно высокое и красивое. На стенах внутри и снаружи изображено все, что есть в мире. В церкви 365 окон, каждое в три локтя вышины. Все украшено разноцветными витражами. Колокол похож на огромную башню, чтобы его подвинуть (он висит) нужно 28 человек. В этом городе еще много церквей и монастырей, но мне было бы не по силам описать все, достойное внимания в Кёльне и его церквях. Мы оставались здесь двадцать дней. Мы почтили святые мощи и попросили отпустить нам грехи. В конце концов вышли из великого Кёльна 25 октября. Прошли много городов и достигли того, где погребены императоры Германии[2]. Понадобилось много времени, чтобы прийти в город Святой Марии Дак, где находится благословенный плащ Девы – в великолепном ларце, украшенном золотом.

В центре вздымаются четыре бронзовые колонны, желтые, с позолоченными капителиями, а на верхушке большой ковчежец, весь в золоте и жемчуге. В нем и хранится благословенный плащ Святой Богоматери. В этом городе мы оставались 18 дней, до дня открытия ковчежца – ради блага нашего, родителей наших и доброжелателей.

Жители города встретили нас с почетом и хорошо приняли. Выйдя оттуда, мы долгое время провели в пути. Посетили много городов и

---

[1] Речь идет о гробницах 11 тысяч девственниц.

[2] Город Спире на левобережье Рейна, где похоронено много германских императоров.

ришли в Унвес[1] (Безансон) – резиденцию короля Германии. Там мы оставались 11 дней. Видели святой саван[2], которым обернули Всемогущего Царя, Господа нашего Иисуса Христа во время Страстей, и на нем сохранилась кровь Господня. Нас потрясло это священное видение, и мы просили отпустить грехи нам, родителям нашим и нашим благодетелям.

Оставив этот город, мы долго были в дороге. Затратив много сил, посетили множество городов и прибыли в страну Фландрию. Мы не знали языка и было очень трудно объясниться. Чтобы попасть в Англию, нужно было бы много времени. Языка англичан мы тоже не понимали. Англичане любят рыбу. В тамошнем море, то есть Мировом Океане, находящемся на краю Земли, водятся самые крупные и страшные рыбы.

После долгого пути мы прибыли во Францию, в город Сен-Дени[3]. Там находятся могилы епископов, королей и королев. Город красивый и знаменитый, есть много церквей. В большом соборе, где установлены гробницы королей, мы увидели слева четыре скелета рыб, каждый в пять локтей и три ладони длиною. Говорят, что эта огромная рыба встречается в море. В этом городе мы провели один день и пошли в знаменитый город Париж, куда прибыли 19 декабря. Вошли мы туда в полдень и до вечера отдыхали на постоялом дворе. На следующий день, довольно поздно, пошли в большой собор. Он просторен, красив и так великолепен, что человеку не описать. Там есть три больших двери, обращенных на запад. На средней двери изображен во весь рост Христос, который вершит Страшный Суд. Он восседает на золотом троне, и все украшено золотыми пластинами. Справа и слева стоят два ангела. Ангел справа поддерживает столб, к которому привязывали Христа, и держит копье, которым пронзили Ему бок. Ангел слева вздымает святой крест. С правой стороны стоит на коленях Святая Матерь Божья, с левой – святые Иоанн и Стефан. На фасаде видны ангелы, архангелы и все святые. Один ангел держит весы, на которых измеряются грехи и добрые дела людей. Слева, но немного ниже, находится Сатана и все демоны, его сторонники. Они ведут в ад

---

[1] Город Унвес (Безансон) принадлежал Австрийскому Дому и поэтому был резиденцией тогдашнего императора Максимилиана.

[2] Святой саван в Безансоне – одна из самых знаменитых реликвий. В него было завернуто тело Иисуса.

[3] В то время в Сен-Дени было 14 церквей, не считая церкви Королевского аббатства. Город находился в окрестностях Парижа. В 40-х гг. XII в. аббат Сугерий – философ, вдохновитель готического стиля, построил там первый в Европе готический собор.

грешников, скованных цепями. Перед Христом стоят святые апостолы, пророки, святые патриархи и все святые, нарисованные разными красками и украшенные золотом. Эта картина, изображающая рай, очаровывает взгляд. Внизу показаны 28 царей с коронами на головах. Они изображены в натуральную величину. В верхней части находится Святая Дева, Матерь Божья, украшенная золотом и нарисованная разными красками. По бокам Ее архангелы, которые ей прислуживают.

Когда входят в собор, слева видят большое каменное изображение Святого Христофора с Христом на плечах. Внизу находится мученик Святой Христофор. Вокруг алтаря представлены все святые деяния Христа.

Есть много других красот, но кто бы мог описать красоту этого города? Он очень велик и прекрасен. В нем есть две реки[1], из которых не исходит ни одного притока. И кто бы мог описать величие города? Я оставался в Париже тринадцать дней. Оттуда я со своим спутником[2] дошел до города Эстампа. Находился там 16 дней и с большими трудностями добрался до города Дутнорана. Там встретил дьяконафранцуза, который сопровождал меня до города Шантельро, а оттуда я проследовал до большого города Пуатье, где находятся одеяния Христа. Мы удостоились чести видеть их. Я не нашел другого спутника и остался один. Поручил себя апостолу Святому Иакову и Господу Всемогущему. С трудом продолжил свой путь и, пройдя много городов, прибыл в Гасконь, оттуда направился в Гасдельну, а потом в Авзонию. Измученный, с помощью лишь Господа, я дошел до Байонны. Там обо мне позаботились куда больше, чем я заслуживал. И я провел там 6 дней.

В одиночестве, уповая на Бога и Святого Иакова, я долго шел и с трудом прибыл в Бискайю, страну рыбаков. Город Бискайя расположен у моря. Оттуда я направился в Сан-Себастьян, где хозяин постоялого двора и его жена приняли меня с безграничной любезностью. Пять дней они заботились обо мне. Два или три раза собирали для меня деньги. Но в этом городе я не видел красивых изображений. Потом я шел вдоль берега моря, затем углубился внутрь страны, прошел пять или шесть городов, где ко мне очень хорошо относились. Под конец, спустя много дней, я пришел в город Португалете, где задержался на 4 дня. Вышел в одиночестве и направился в Сантандер, потом в Сантильяну, затем в

---

1 Видимо, имеются в виду два рукава Сены, сливающиеся при выходе из города.

2 Дьякон Вртанес, который присоединился к Мартиросу в Стамбуле.

Сан-Визан[1] у моря, где меня приняли очень хорошо. Оттуда прошел в Сан-Сальвадор[2], потом в Бетансос. Оттуда, с большими трудностями, под защитой Господа, очень усталый и немощный, я пришел наконец к храму и гробнице апостола Святого Иакова – святейшего, славнейшего, лучезарного. Останки святого покоятся в городе Галисия. Я приблизился к гробнице, пал ниц, прижался лбом к земле и молил отпустить грехи мне, родителям моим и благодетелям. Весь в слезах, исполнил я желание моей души.

Останки святого находятся в центре святого алтаря, в бронзовом ларце с тремя замками. На святом алтаре воздвигнуто изображение апостола, он восседает на троне, на голове его венец, над ним деревянный свод. Церковь построена в форме креста, у нее величественный большой купол, по бокам две колокольни. Разделена она на три части, но купол общий. В церкви четыре двери. Если выйти через центральную дверь, встретишь большой водоем, сбоку белые палатки, где продается все, что можно пожелать – образа, четки. Перед восточной дверью тоже водоем, и там увидишь Христа на троне, а также изображено все, что случилось со времен Адама, и все, что произойдет до конца мира – все так изысканно, красиво, что трудно описать.

Оставался я в этом городе 84 дня, но пришлось уйти, так как жить было не на что. Я попросил отпустить грехи мне, а также родителям моим и благодетелям. Место, где покоятся останки прочих святых, окружено железной оградой. Там есть и другие чудеса, о которых я не могу здесь рассказать.

Вышел я с благословением апостола Святого Иакова и дошел до края мира[1] , где апостол Святой Петр собственной рукой воздвиг церковь Святой Девы. Франки называют ее "Санта Мария де Финистера". Это путешествие было изнурительным, я встретил много диких зверей, очень опасных.

Встретился нам и Вакнер, дикий зверь, большой и весьма страшный.

– Как вы говорите, что могли спастись, если даже отряду в двадцать человек не удается уйти от него? – говорили мне потом в стране Олани.

---

[1] Говорится о Сан Винсенте де Баркера, местечке на Бискайском берегу.

[2] Говорится об Овьедо, столице Астурии, где есть церковь Святого Сальвадора.

[1] Подразумевается мыс Финистер – северо-западный выступ Пиринейского полуострова.

Все здешние жители питаются рыбой, и я не понимал их язык. Но отнеслись ко мне очень внимательно, водили из дома в дом, удивлялись тому, что я спасся от Вакнера.

Я прошел много городов, расположенных на берегу Мирового Океана, не мог понять языка страны, но благодаря письму Папы меня принимали радушно. Под конец мы[I] пришли в город у большой реки. Там был мост с 60 арками. Оттуда прибыли в великий Бильбао, где провели три дня. Потом я вышел, шел 27 дней и достиг священного города Гетария (Деба), где меня очень хорошо приняли, и я там оставался семь дней. Там мне встретился большой корабль, мне сказали, что он может взять 80 тысяч квинталей[II] груза, и я направился к местным монахам, чтобы помогли мне сесть на этот корабль.

– Я больше не могу идти пешком, – сказал я. – У меня не хватит сил.

Они удивились тому, что я смог пешком дойти сюда из такой дали и отыскали капитана судна.

– Этот набожный армянин, – сказали они, – просит взять его на корабль. Он пришел из далекой страны и не может вернуться по суше.

Они прочитали капитану письмо Папы, он выслушал и сказал:

– Я приму его на корабль. Пассажиров у меня нет, все здешние люди – матросы. Мы рискуем жизнью и надеемся только на Бога. Мы думаем, что Господь спасет нас, куда бы ни занесла нас судьба. Мы идем вокруг света. Невозможно указать, куда приведут нас ветры, одному Богу это известно. Но если вы хотите идти с нами, будет отлично, садитесь на корабль и не заботьтесь о хлебе и питье, а прочие траты – ваше дело, церковное... (*пропуск в рукописи*)[1]. Нам нужен монах, ибо у нас есть душа, и мы возьмем того, кто послан Господом.

Когда я вернулся в город, там во время церковной службы говорили об армянском священнике, который собирается отплыть на корабле: "Надо собрать для него еду – ради того, чтобы наши дети были здоровы". И нам нанесли столько хороших продуктов, что было бы невозможно все съесть.

Мы отправились на корабле в Квазимодо[2] и 68 дней плыли по Мировому Океану, потом пришли в Андалузию, в город посреди моря[3],

---

[I] Кто "мы" – непонятно.

[II] Квинталь = 46 кг.

[1] Не хватает нескольких слов в рукописи.

[2] "Квазимодо" – первое воскресенье после святок.

[3] Имеется в виду Кадикс, окруженный со всех сторон морем.

провели там 19 дней, так как пострадали от сильных бурь и наш корабль необходимо было починить.

Город этот очень красив, в нем много великолепного.* Мы расстались, и я пошел к Санта Марии де Гваделупе[1] потом в Севилью, где видел королеву Изабеллу[2]. Потом вернулся и сел на корабль. У нас ушло 18 дней, чтобы добраться до страны Магреб[3] – из-за сильного ветра.

Под конец мы достигли Солобрены[4]. Мне не хотелось больше оставаться на корабле. Отдохнув три дня, я пошел один вглубь страны магребимов[t], поднялся, затратив два с половиной дня, на высокую гору, пересек ее и пришел в Гранаду, столицу Магреба, завоеванную королевой Изабеллой. Это большой город и богатый. Я оставался там 11 дней. Пройдя пять дней, я пришел в Хаэну, где увидел саван Христа. Потом я посетил Чинчиллу. Там почувствовал ужасные боли и оставался пять дней. Сеньор Окменаро, врач, немного помог мне. Оттуда я пришел в Альмансу[5], потом в Фаладес, потом в Мурсию, потом в Гран Хативу[6], где 25 тысяч домов. В этом городе я второй раз свалился, заболев, снова испытал ужасные муки. Монахи города оказали мне большое внимание и предложили все возможные средства, чтобы вылечить меня.

---

[1] Санта Мария де Гвадалупе в те времена весьма почиталась. Находится в Новой Кастилии, между Тахедо и Гвардианой, у границ Эстремадуры.

[2] Королева Изабелла приехала в Андалузию на праздник, упоминаемый в тексте.

[3] Магребом арабы называли запад. Здесь это обозначает государство Гранада или, скорее всего, часть Испании, захваченную мусульманами.

[4] Солобрена – небольшая гавань на побережье Гранадского эмирата.

[t] Мартирос, судя по его записям, не чувствует ненависти к иноверцам – туркам, маврам, иудеям – и не боится их (не говоря уж о католиках). Он любит всех людей и везде встречает хорошее отношение к себе. Он любит и все создания Божьи. Возможно, поэтому чудовище Вакнер не причинило ему вреда – подобно тому, как волки не трогали Франциска Ассизкского. Мартирос чем-то напоминает трогательные фигурки праведников, обнимающихся в раю (на картинах фра Анжелико).

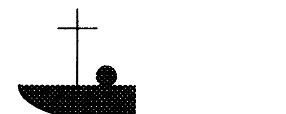
[5] Альманса находится в провинции Мурсия на границе с королевством Валенсия.

[6] Сейчас называется Сан Фелипе.

Я пришел в Зирар[1], оттуда, пройдя 15 дней, в Валенсию, где 70 тысяч домов. Там я оставался 4 дня. Вышел оттуда и через 21 день прибыл в великий город Барселону, где 90 тысяч домов, и провел там шесть дней. Оттуда пришел в Перпиньян[2], потом пересек страну Каталонию, шел 33 дня и достиг страны Сицилии[3]. Затем шел много миль по стране французов, спустя много времени достиг владений герцога Миланского, потом прибыл в Верселло. В этом городе, хранимом Господом, мне оказали внимание и 15 дней чествовали, переводя из дома в дом – да воздаст им Господь! – а потом я пришел в Александрию и спустя много дней в Геную, где хотел сесть на корабль и вернуться на родину, но море было таким бурным и неспокойным, что я не мог отплыть и увидел, что придется отступить. В конце концов с большим трудом и потратив много времени, я пришел в Орвиэтту, построенную с огромными затратами. Затем миновал много городов, таких, как Монте и Фиаско[4], Фетербо (Битерне); видел еще много других, и под конец вторично прибыл в Рим, к стопам Первого из апостолов – 20 февраля 945 года (1496 христианской эры), во время поздней Пасхи.

Потом я пришел в Санта Марию[5], где сел на корабль и еще раз претерпел такие страдания, что предпочел бы умереть, нежели так мучаться[†].

Пер. с испанского *Ан. Фридмана*

---

[1] Подразумевается Альсина – очень красивый город. Во времена Мартироса там жило 100 тысяч человек.

[2] Город Перпиньян прежде входил в королевство Арагон.

[3] Имеется в виду Прованс, которым более 200 лет владели короли Сицилии.

[4] Говорится о Монтефиасконе.

[5] Говорится о городке возле устья Тибра, главная церковь которого именнуется Санта Марией. В средние века город часто называли по имени церкви.

[†] Рассказ бесхитростен и наивен. Бесконечные метания Мартироса по Европе трудно, а то и невозможно проследить по карте. Главная ценность его рассказа в том, что он передает привлекательный образ самого Мартироса и показывает дружелюбие и веротерпимость людей средневековья, которые, как ни странно, могли бы послужить нам примером.

Блас Набель ПЕРЕС (КУБА)

МАРТИРОС ЭРЗЕНКАЦИ,СОВРЕМЕННИК КОЛУМБА

Каждый из нас по-своему участвует в созидании истории человечества. Однако лишь немногие – в силу обстоятельств своей жизни и деятельности – надолго остаются в памяти потомков. Прежде всего это те, кто в той или иной степени способствовал изменению самого курса истории.

Одним из таких людей был, бесспорно, Христофор Колумб, неистовый мореплаватель, сумевший благодаря упорству, отваге и вере в новые идеи совершить одно из величайших открытий и тем самым положить начало сближению прежде разъединенных частей обитаемого мира, истинные масштабы которого человечеству только предстояло осознать.

По случайному стечению обстоятельств нам в руки попал французский перевод манускрипта, датируемого началом XVI в., автором которого был некий армянский священнослужитель, уроженец города Эрзинджана, совершивший паломничество к одной из главных католических святынь. Этот благочестивый христианин по имени Мартирос Эрзенкаци – Мартирос из Эрзинджана – подробно описал путь, проделанный им через всю Европу и завершившийся в Сантьяго-де-Компостеле. Свои заметки об этих странствиях он писал по-армянски, широко пользуясь разговорной лексикой. Стиль его повествования чрезвычайно прост и безыскусен. Судя по всему, это единственное написанное им произведение.

Мартирос Эрзенкаци имел сан епископа и служил в монастыре Святого Киракоса. Хотя годы его рождения и смерти нам неизвестны, бесспорно, что он родился и прожил большую часть жизни во второй половине XV в., а следовательно, был современником Колумба. Основным источником сведений о нем следует считать его записки. Кое-какие данные удалось добыть позднейшим исследователям, среди которых необходимо отметить прежде всего французского географа Сен-Мартена: именно он обнаружил копию рукописи Эрзенкаци, перевел ее на французский язык и, предварив перевод кратким вступлением, опубликовал в 1826 г. в "Журналь Азиатик".

Французский перевод был выполнен с копии, снятой с оригинала рукописи в Стамбуле. Работа над копией, хранящейся под номером 65

во Французской королевской библиотеке, была завершена 12 декабря 1684 года. Сличение ее с оригиналом, который находится в хранилище древних армянских рукописей "Матенадаран" в Ереване (под номером 3488), позволяет сделать вывод, что переписчик, по-видимому, недостаточно хорошо владел армянским языком, ибо текст изобилует ошибками и часто перемежается турецкими словами.

Как уже было сказано выше, Мартирос происходил из древнего и прекрасного города Эрзинджана, который вплоть до 305 г. был столицей Армении. Город располагался на правом берегу Евфрата, насчитывая несколько мечетей и четыре армянских храма. В его северной части находилась римская крепость Сатала, внутри которой высился знаменитый храм, посвященный наиболее почитаемой у армян-язычников богине Анаит (греки отождествляли ее с Артемидой). На протяжении своей истории Эрзинджан пережил немало землетрясений, а в 1667 г. был полностью разрушен очередной стихией и отстроен к середине XVIII столетия.

Монастырь, в котором жил Мартирос, находился к югу от Эрзинджана, в одном из самых живописных уголков Великой Армении: окруженный лесами, он стоял на высокой горе. Монастырская церковь была невелика, но очень красива; в окрестностях монастыря раскинулось курдское селение, обнесенное мощной стеной. В монастырь часто наведывались духовные лица из Эрзинджана. Самое раннее упоминание этих мест, каким мы располагаем, относится ко времени путешествия Марко Поло, побывавшего в Армении и оставившего весьма подробное ее описание. "Великая Армения, – пишет легендарный венецианец, – это провинция, начинающаяся в городе Арзинджане, именуемом на персидском Эрзинджаном. Город этот стоит на западном берегу верхнего Евфрата и был разрушен землетрясением..." По свидетельству Марко Поло, "там ткали лучшую в мире шерстяную пряжу. В том краю множество разных крепостей и городов, но прекраснее всех, конечно, Арзинджан..."

Именно в Великой Армении, уверял Марко Поло, находится Ноев ковчег: он покоится на вершине огромной горы, "что расположена на границе между полуденными и восточными странами, неподалеку от царства Моссул, населенного христианами, якобитами и несторианами".

Как указывает Мартирос, он покинул Эрзинджан 29 октября 1489 г. и направился в Константинополь. В это же самое время Христофор Колумб тщетно уговаривал герцогов Медину Сидонию и Мединасели снарядить экспедицию к неведомым землям. Целью путешествия, предпринятого Мартиросом, было получить у папы римского разрешение на паломничество в Сантьяго-де-Компостела, дабы исполнить – в полном

соответствии с обычаями его времени – обет, данный в честь своего покровителя, Святого Апостола Иакова. Намеревался Эрзенкаци посетить и могилы апостолов в Риме, а также поклониться знаменитым христианским святыням в главных городах Европы.

Прибыв в Стамбул, наш путешественник направляется в собор Святой Софии, находившийся под юрисдикцией архиепископа Генуи. В свое время император Юстиниан установил, что число дьяконов в константинопольских церквах должно равняться ста, и вот один из них, по имени Вртанес, был назначен сопровождать Мартироса в Рим. 11 июня они отплывают в Венецию, где гостят 29 дней. Процветающий город-республика, управляемый дожами, поразил воображение армянского епископа своей красотой и неповторимой архитектурой. Он восхищается собором Святого Марка, этим чудом романского, византийского и готического зодчества, любуется площадью Сан-Марко – традиционным местом прогулок и встреч венецианцев. Осматривает он и ту часть лагуны, где высятся две гранитные колонны, доставленные из Египта: одна из них увенчана крылатым львом, другая служит пьедесталом статуи Святого Теодора, древнего покровителя Венеции. По пути в Рим Мартирос 13 дней проводит в Анконе, крупном торговом центре, где становится гостем настоятеля местного собора.

1489 г. не принес Колумбу обнадеживающих известий. Вальядолид, где проводили зиму Католические короли Изабелла и Фердинанд, хранил молчание. С Португалией все тоже окончилось неудачей. Брат Христофора, Бартоломе, получил отказ от английского короля Генриха VII. Тогда было решено предложить свои услуги французской короне. В 1489 г. или в 1490 г. Бартоломе отправился во Францию, где вел переговоры с Анной де Боже, дочерью покойного Людовика XI и старшей сестрой малолетнего короля Карла VIII. Сам Христофор тоже несколько раз порывался ехать в Париж. Но в 1489 г. он так и не смог покинуть Кастилию: неожиданно появилась возможность еще раз попытать счастья у герцога Медины Сидонии, но тот окончательно отверг сомнительный проект под тем предлогом, что неразумно посылать экспедицию за океан, пока идет война за Гранаду. Так военно-политическая обстановка, сложившаяся к концу 1489 г. – началу 1490 г. из-за продолжавшегося сопротивления Гранады, которую осаждали войска Изабеллы и Фердинанда, перечеркнула все расчеты Колумба. К осени 1491 г. он совсем впал в отчаяние. К тому же Бартоломе уже целый год находился во Франции, но никак не мог добиться ответа от Карла VIII. И тогда Колумб принимает решение вновь обратится за поддержкой в монастырь Рабида.

Мартирос прибыл в Рим в марте 1491 г. и за пять месяцев, проведенных в Вечном городе, хорошо изучил его достопримечательности, побывал почти во всех храмах. В июле он был трижды удостоен аудиенции у папы Иннокентия VIII, мягкого и добродушного человека, принадлежавшего к знатному генуэзскому роду, который породнился с кланом известных богачей Дориа. Похоже, папа распознал в Мартиросе родственную душу. Он несколько раз принимает его, подолгу беседует, а в конце благословляет на продолжение паломничества в Сантьяго-де-Компостела.

Итак, 9 июля 1491 г., запасшись папской грамотой и составив завещание, как того требовал ритуал, Мартирос Эрзенкаци начинает свой путь пилигрима. От могилы Святого Петра в Риме до Сантьяго-де-Компостела ему предстояло пройти 1400 км. Как и подобает паломнику-якобиту, он закутался в плотную темную накидку, которая могла одновременно служить и плащом, и одеялом, не забыв и про увесистый двухметровый посох – надежную опору для усталого тела. Голову новоиспеченного паломника венчала диковинная шляпа с широкими полями, загнутыми спереди так, чтобы все могли увидеть двустворчатую раковину – веское доказательство того, что он исполнил свой обет.

Немало опасностей подстерегало Мартироса на его пути, лежавшем через Францию, Германию, Фландрию и северное побережье Испании. В среднем он проходил за день 15 км. Долгие остановки в различных городах только отдаляли конечную цель, и, когда паломник прибыл в Галисию, его ждала ошеломляющая новость об открытии Нового Света.

Весной и летом 1493 г. Севилью и Кадис наводнили тысячные толпы добровольцев, готовых отправиться хоть на край света. Число желающих было столь велико, что 30 марта того же 1493 г. королевская чета издала указ, под страхом смертной казни запрещавший плыть в Индии без ее на то соизволения. 25 сентября Колумб отплывает из Кадиса в свою вторую экспедицию, небывалую по размаху: более 1400 представителей разных национальностей отправлялись на 17 кораблях, чтобы начать колонизацию вновь открытых земель. В это время Мартирос, как следует из его рассказа, вербуется в состав некоей экспедиции, о которой повествует весьма скупо, что, тем не менее, не дает оснований усомниться в правдивости автора, человека на редкость простодушного и бескорыстного. Он начинает долгое плавание по Атлантическому океану одновременно с Колумбом, и это обстоятельство позволяет взглянуть на Эрзенкаци другими глазами и увидеть в нем уже не простого паломника, а уникального свидетеля и современника важнейшего исторического события. Одно это вызывает повышенный интерес к его запискам.

Мартирос не предстает перед нами в роли хрониста или первооткрывателя – он просто описывает увиденное. Впрочем, речь идет о весьма кратком и наивном описании, лишенном каких бы то ни было стилистических красот.

Существует версия о том, что Эрзенкаци мог быть участником экспедиции Колумба. В ее пользу говорит не только тот факт, что описания природы и главных событий, происшедших во время странствий Мартироса, весьма точны в его записках. Есть еще и некоторые косвенные доказательства. Так, например, в то время, когда происходила встреча Мартироса с папой Иннокентием VIII, тому уже было известно о планах Колумба со слов фрая Переса де Марчены из монастыря Рабида. Последний сыграл важную роль в осуществлении колумбовых замыслов, использовав для поддержки экспедиции свои добрые отношения с королями Испании. Перес де Марчена ходатайствовал за Колумба и перед Иннокентием VIII, которому сообщил о своей встрече с генуэзцем, после чего папа – кстати, большой знаток и любитель астрономии, – видимо, пустил в ход свои тесные связи с Фердинандом Арагонским, убедив его поддержать проект Колумба. О такой возможности свидетельствует тот факт, что на обсуждении и подписании договора в лагере Санта-Фе присутствовал папский посланник, прелат из Генуи Алессандро Джеральдини. Это явствует из 11 писем Христофора Колумба, обнаруженных в 1989 г. и опубликованных министерством культуры Испании. В них Колумб признает важную, едва ли не решающую роль, которую сыграл Иннокентий VIII в осуществлении его замыслов.

Еще одним аргументом может служить то обстоятельство, что во время пребывания в папской резиденции паломник из Армении имел возможность познакомиться с Мартином Алонсо Пинсоном, который был послан Колумбом для уточнения ряда астрономических сведений в богатейшую библиотеку Иннокентия VIII. Немаловажно и то, что Микеле де Кунео в письме к Католическим королям упоминает в числе участников второй экспедиции некоего "туркмена". Как известно, туркменами генуэзцы называли жителей Малой Азии (Малой Армении).

С другой стороны, Сен-Мартен считал, что открытие Колумба побудило снарядить подобную экспедицию и жителей Бискайи, и в этом не было ничего удивительного: бискайцы пользовались славой искусных и отважных моряков и порой удалялись на огромные расстояния от европейского побережья.

Согласно версии Сен-Мартена, экспедиция, в которой участвовал Мартирос, снаряжалась в Бискайе и покинула берега этой провинции 8

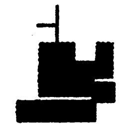
апреля 1494 г., отправившись по следам Адмирала на поиски новых земель.

Как явствует из записок Мартироса, он поднялся на борт корабля в городе, который он называет "Гетарией" и который был расположен между Бильбао и Байонной.

К сожалению, чрезмерный лаконизм армянского путешественника лишил нас возможности узнать о подробностях этого плавания. Тем не менее мы помним, что весной 1494 г., когда Мартирос в течение 68 дней находился в Атлантике, от бискайских берегов отплыл с тремя кораблями Бартоломе Колумб, торопившийся на встречу с братом. Может, это и есть та самая ниточка, которая связывает Мартироса с великим мореплавателем? Во всяком случае такую возможность не следует исключать.

"Латинская Америка", №1, 1993.

Пер. с испанского *В. Капанадзе*

Владимир КЛИМОВ

ВАЯНИЕ ИЗ

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале.

Александр ПУШКИН. Евгений Онегин

Ну до чего ж причудливы (от чуда!)
столкновенья в нас
взаимоисключающих Даров.
Как рачительный Хозяин – Судьба ничто не оставляет без
вниманья. Любой наш шаг и штрих т а к с предыдущим свяжет,
так их перемешает вдохновенно,
а часто – виртуозно, столкновенно,
что общая походка поражает: ты куролесил – а писалась Песня.
Забылся в танце – а очнулся в трансе.

Художник Дмитрий Терехов, летая
меж музыкой и живописью,
разрываясь
меж звуком, цветом,
не в силах выбрать клавишу иль кисть,
не знал еще, что все его созвучья,
мучительно сыгравшие в со-мучья,
речей его противоречья все –
уже в одну симфонию сплелись, уже сыгрались, спелись
и сошлись...

Когда он сочинял свои медали,
из коих лица рвались полыхать в пространстве
и жгли сердца, как можно жечь глаголом;
когда одновременно Словом он восхищался,
был пленен им иль взволнован, –

не знал еще, как это отзовется
в его перемузыченной душе,
как повлияет на фантазию и Музу...

Это была счастливая находка – Пушкин в фарфоре. Ни в графике, ни в цвете – в светотени... В игре и преломлении пространств...

В могучем иль летучем столкновенье
всех плоскостей –
рождался образ –
мерцающий, живой, подвижный, разный...
И на его фарфоровых устах печать лежала
вечного движенья...

Улыбка, грусть иль дерзость так подвижны,
что все портреты с нами проживают
все измененья наши, отвечают
нам, изменившимся, – меняющимся ритмом,
игрой лица
и чарами подвижных настроений...

И вглядываясь в ту мелодию портретов, –
нет, их каскад, их перериτм крутой,
что разыграл худжник из поэта,
на клавишах его поэм – собой,

пытаюсь я в том танце лиц рифмучем,
то хрупких, хлестких,
то эпических, могучих –
понять себя.

Дмитрий Терехов – маэстро, уникально сочетающий тонкий душевный строй, высокую религиозную духовность и... острый эстетизм, своеобразное, но органическое своестилие и волю к художественным экспериментам, к перемене и новизне. Острое чувство современности и глубокую эрудицию вглубь Истории и Культуры...

Именно сочетание столь резко несхожих свойств и качеств позволило художнику найти такой праздничащий нашу фантазию, столь эстетически шокирующий ход – фарфоризация поэм Александра Сергеевича Пушкина...

Этот ход может стать будирующим, расковывающим и даже рисковывающим Художника в его приключении в мир Слова...

От линий, цвета, графики – к фарфору, к скульптуре, к ткани, к гриму – как ответ музыкой Художника на музыку Слова, Зрелищем – на Дух...

Во всяком случае фарфоровые прикосновения Дмитрия Терехова не только к пушкинским поэмам, но и к ассиро-вавилонской поэзии (о, это особый мир, где пластическая острота и эпический покой, древняя взнервленность и тонкое чувство стиля – потрясают необычностью и глубиной, точностью и фантазией), открывают новые пластические, формальные, но и – смысловые, духовные возможности...

На стр. **151-165** – фарфоровые барельефы Дм. Терехова к книге "Александр ПУШКИН. П о э м ы."

1. Портрет Пушкина
2. "Руслан и Людмила"
3. "Вадим"
4. "Кавказский пленник"
5. "Братья разбойники".
6. "Бахчисарайский фонтан"
7. "Цыганы"
8. "Граф Нулин"
9. "Полтава"
10."Тазит"
11. "Домик в Коломне"
12. "Езерский"
13. "Анджело"
14. "Медный Всадник"
15. "Евгений Онегин"

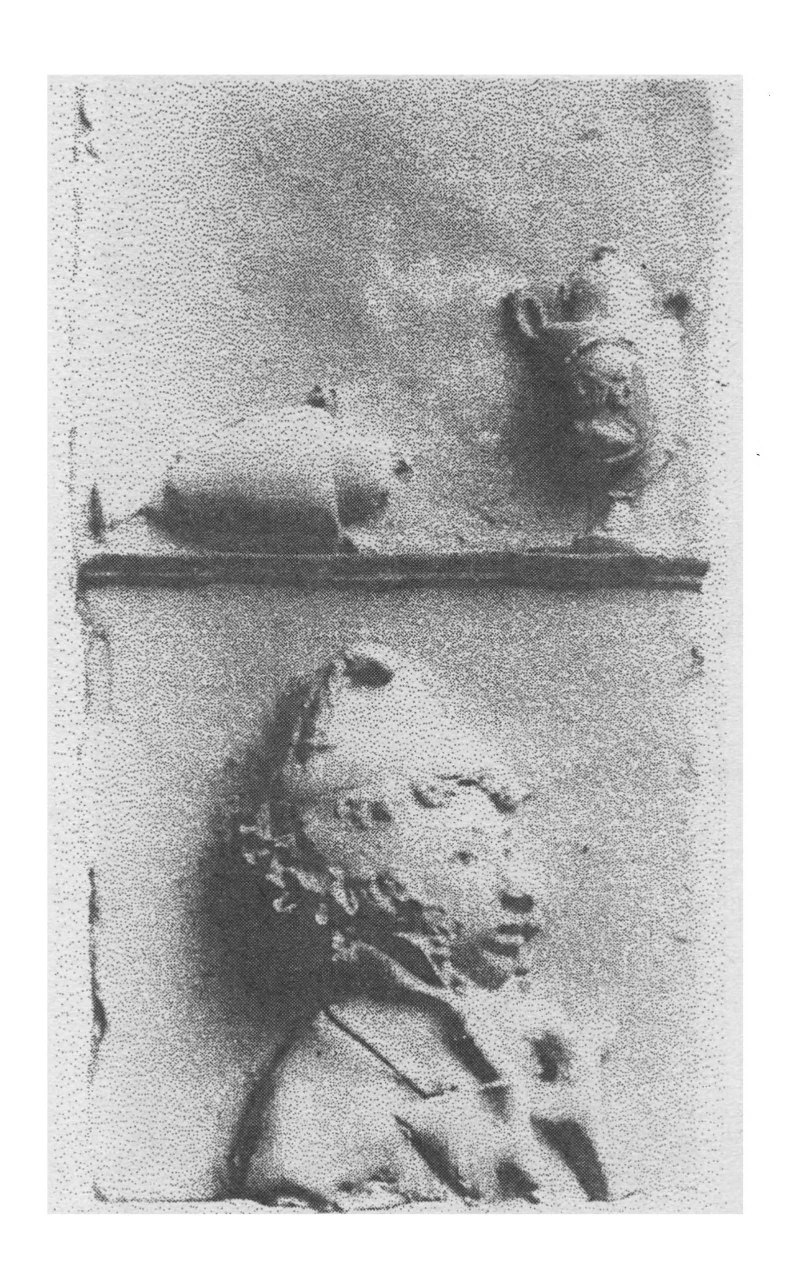

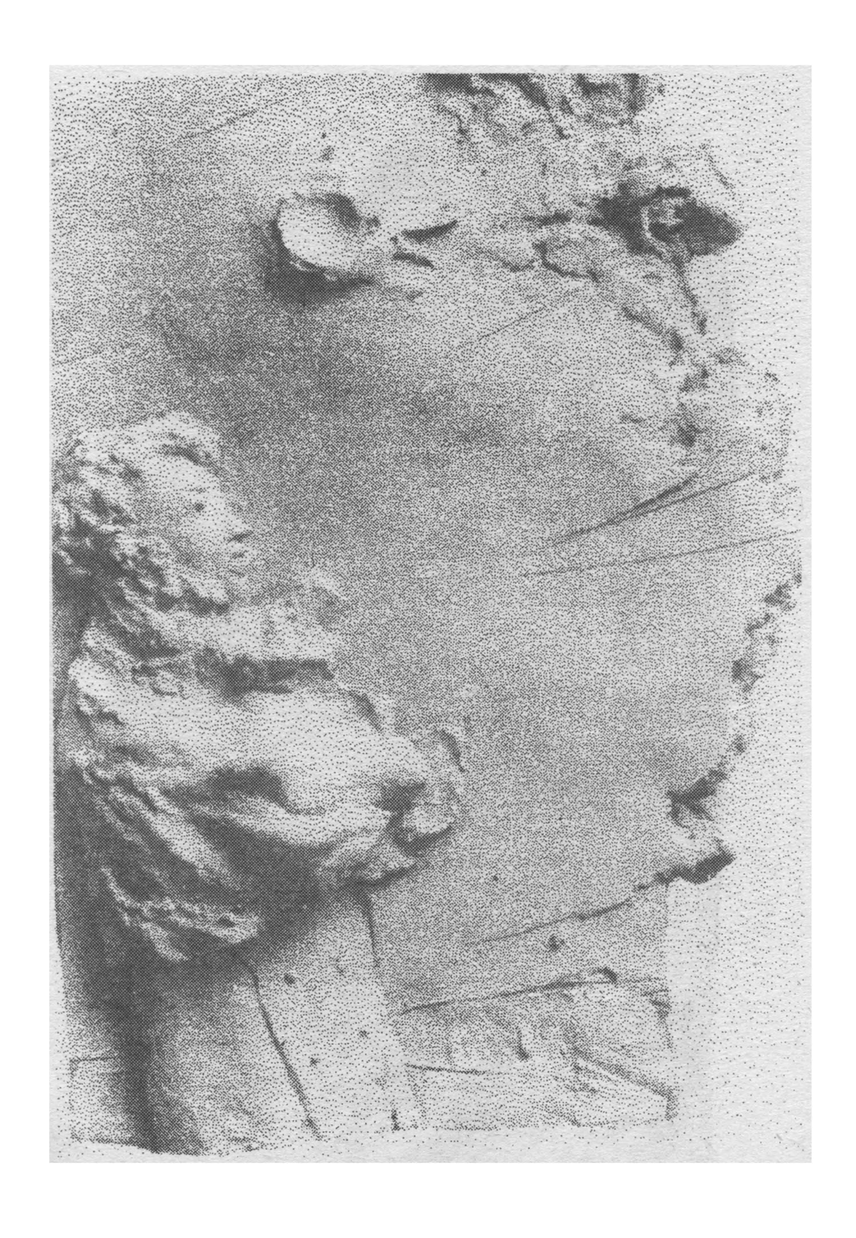

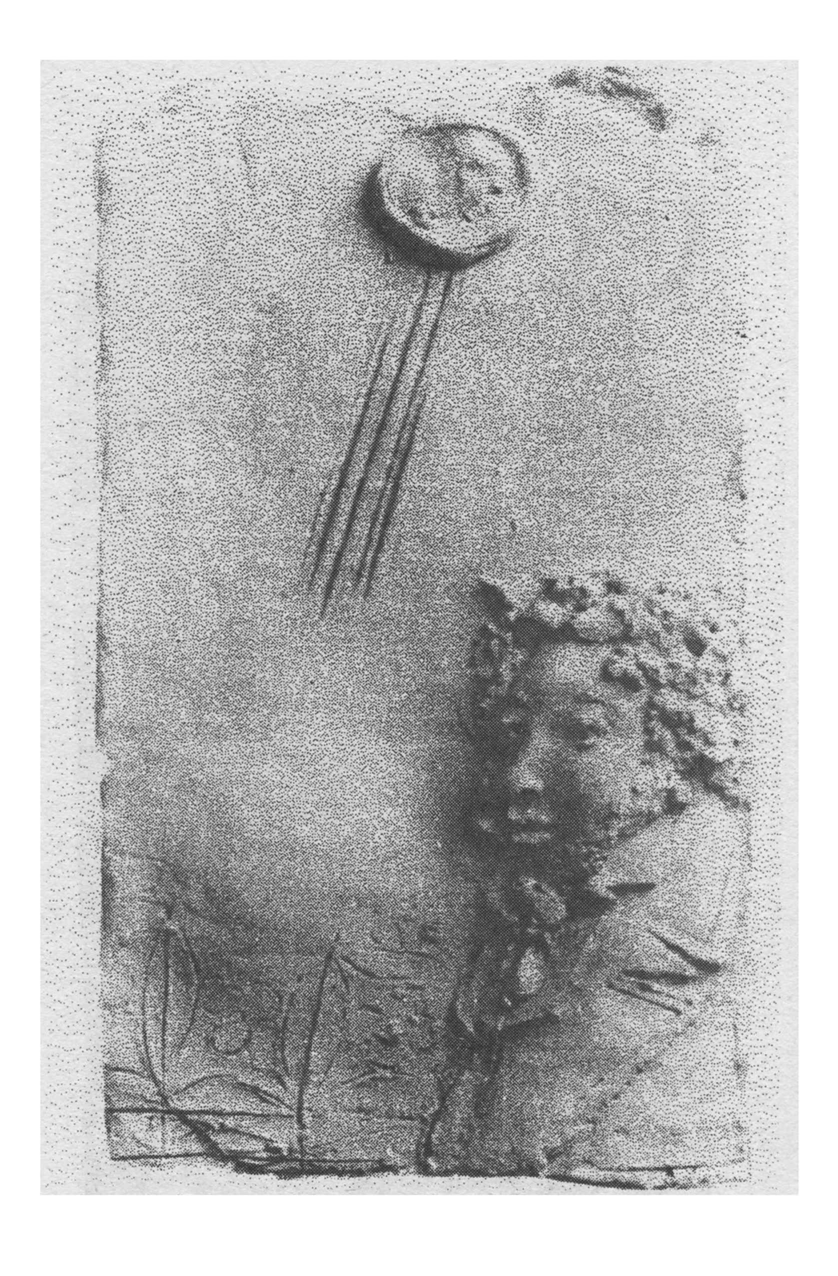

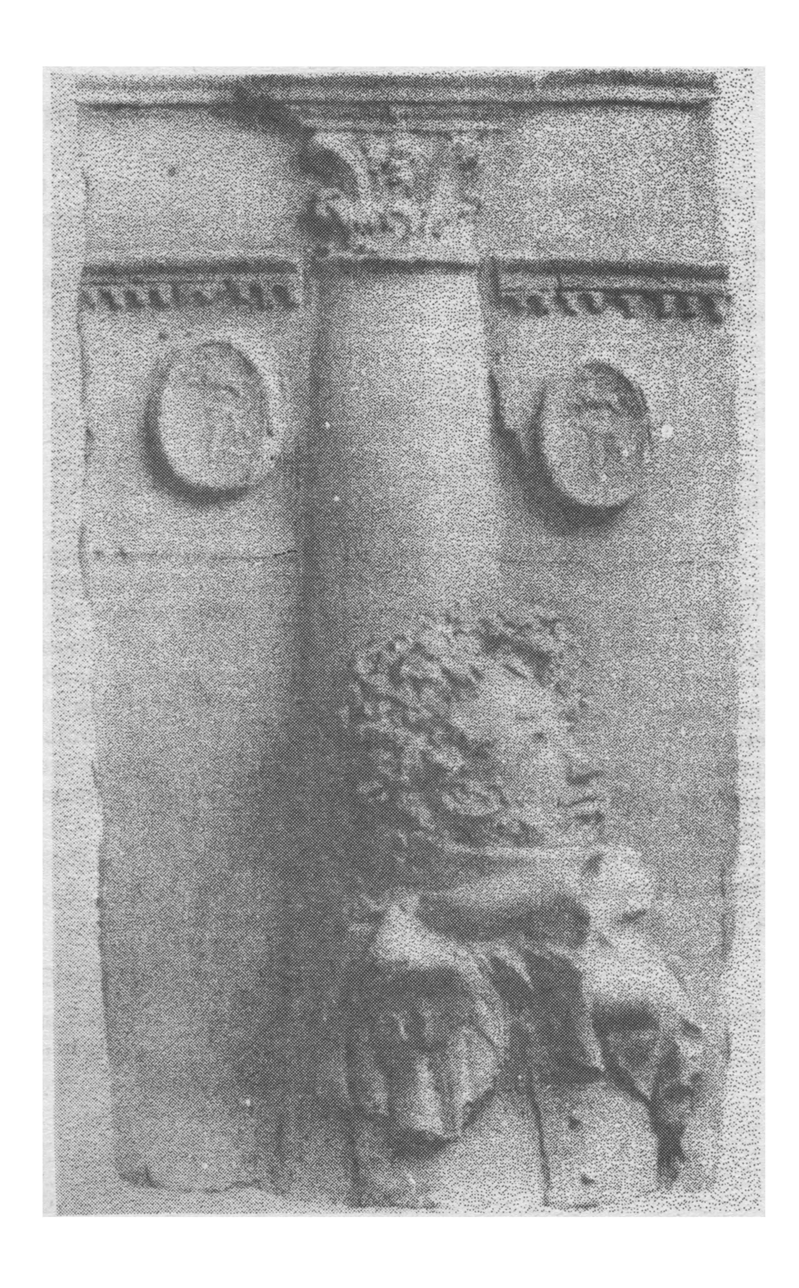

О ВОДЕ ЖИВОЙ И МЕРТВОЙ

...Кинооператор Михаил Вартанов рассказывал, как Сергей Иосифович Параджанов пришел к католикосу всех армян Вазгену I просить денег на фильм о сокровищах Эчмиадзина. Пришел не с пустыми руками – принес "заявку" – дивно инкрустированную затейливую папку, где лежала изукрашенная рукопись. Патриарх прочитал ее и вернул – у церкви не нашлось денег для режиссера.

"А недавно, – закончил рассказ Вартанов, – я узнал, что рукопись Сергея продали на международном аукционе за такую сумму, что на нее вполне можно сделать картину".

Поистине тот самый случай, о котором мудро сокрушался Саади: "Воду, которую не дали при жизни, вылили на могилу".

Ушли в мир иной и мудрый католикос, и гениальный мастер. И вспомнил я их вовсе не затем, чтобы укорять кого-то в скупости и непонимании. Совсем наоборот: я обращаюсь к великодушию и щедрости людей, к их дару внимать и понимать.

Вы видели работы Дм. Терехова к "Поэмам" А. Пушкина. Они прекрасны. Но издание, которому они предназначались, скончалось, так и не родившись. Нужны деньги. Обращаться к министрам, главам департаментов, столоначальникам бессмысленно, хотя на чествование (?!) Пушкина в 1999 году правительство, конечно же, ассигнует миллиарды, которые пропьют и прожрут на банкетах, разворуют, истратят самым дурным и нелепым образом.

Вся надежда на тебя, читатель.

Вода нужна жаждущим, а не мертвым.

Новая работа Дмитрия Терехова – рисунки к "Евангелию".

Вардван ВАРЖАПЕТЯН.

10 ноября 1994

ПРАЗДНИК ПЕРЕВОДЧИКА

Наапет КУЧАК (? – ок. 1592)

АЙРЕНЫ

Ты – искра жемчужных бус, ты – огонь, палящий дотла.
Сгореть бы твоим родным – твоя мать тебя продала!
О, если б в стране армян иль у греков правда была,
Я смог бы тебя спасти, уберечь от всякого зла.

Довольно, не мучь, не плачь! Что по-прежнему ты бледна?
Покинем отцовский край, не нужна нам эта страна.
Останемся в той стране, где без страха жить – не вина.
Доколе тебе дрожать, мне – не знать спокойного сна?

Прекрасно твое лицо, от него смутилась луна.
Пленительна свежесть губ, алый хмель их крепче вина.
Изгибы твоих бровей – разыгравшаяся волна,
Росой предрассветных роз чаша девичьих уст полна.

– Хотел бы тебе сказать... Да боюсь, отец твой суров...
Нужда незнакома вам, а у нас – лишь нищенский кров.
– Глупыш, оглянись вокруг: тот был сыт, а бедствует вновь.
Не счесть дорогих невест, ставших женами бедняков.

Мне бы тонкой рубашкой стать – в петлях шелк, из золота нить,
Обнять твой упругий стан, твою шею нежно обвить.
Мне б в чаше твоей водой иль вином гранатовым быть,
На губы твои, на грудь поцелуи-капли пролить.

Пер. с армянского *Владимира Айвазьяна*

Джемс ХАНТ (1784 -1859)

АБУ БЕН ЭДХЕМ

Абу Бен Эдхем ночью пробужден,
Увидел явь, похожую на сон:
Хоть спряталась за облако луна,
Вся комната была озарена
Златым сияньем, и Абу постиг,
Что перед ним раскрыта Книга Книг,
Где ангел без излишней суеты
За буквой букву заполнял листы.
Дерзнув невольно испытать судьбу,
“Что пишешь ты?” – спросил его Абу.
“Лишь имена людей – а их немного! –
Что возлюбили всей душою Бога”.
“Здесь и мое?” – спросил Абу. – “О, нет!”
“Должно быть, справедлив такой ответ.
Но что поделать мне с душой своей?
Всего сильнее я люблю людей!”
Тут ангел улыбнулся и извлек
Из складок одеяния листок.
Абу не мог смущенья побороть,
Прочтя: “Здесь список тех, кого Господь
Сам возлюбил”. И между ними
Абу Бен Эдхема сияло имя.

Пер. с английского *Ан. Фридмана*

Макс ЖАКОБ (1876-1944)

ИСПАНСКОЕ БЛАГОРОДСТВО

Через одного из своих подданных король Испании передал мне в дар три бриллианта, тореодорскую куртку с кружевным воротничком и пространное письмо с полезными наставлениями... Кареты, бульвары, визиты! Не соблазнить ли мне вон ту горничную? М.Д. пал на колени перед Г.А., которая его отвергла – из чистого каприза. Моя размолвка с В. была недолгой... Но вот, сидя в Национальной библиотеке, я замечаю, что за мной следят. Их четверо, они не спускают с меня глаз. Наконец один из них, совсем еще молодой, подходит ко мне и говорит: "Идемте!" Он сдвигает фальшивый стеллаж и показывает мне черный колодец; потом меня отводят в комнату, где стоят подозрительные приспособления. "Вы читали книги об Инквизиции. Вы приговорены к смерти!" Только тут я обращаю внимание, что у меня на рукаве вышит череп. "Сколько?" – спрашиваю я. "А сколько вы дадите?" "Пятнадцать франков", – говорю я. "Вы к нам очень добры". "В понедельник получите", – говорю я... Благородство испанского короля привлекло ко мне внимание Инквизиции.

СТИХ

Когда мы проплывали мимо островов Индийского океана, кто-то обратил внимание, что на корабле нет навигационных карт. Пришлось всем сойти на берег! Только тут выяснилось, что вместе с нами ехал тот самый бессердечный господин, что дразнит свою жену табакеркой: даст ей и сразу отнимет. А на островах было полно народу. На утесе, например, стояли негритята в котелках. "Может, у них есть карты?!" И мы полезли на утес по лестнице (веревочной). По этой лестнице – наверно, у них есть карты! японские! – мы взбирались все выше и выше. Когда кончились перекладины (кое-где они были из слоновой кости, в форме омаров), пришлось лезть, подтягиваясь на руках. Брат мой африканец легко с этим справился, ну а я все-таки отыскал перекладины. Взобравшись наверх, мы оказываемся на стене; брат мой спрыгивает. А я боюсь прыгать: чем-то она мне не нравится, эта стена.

“Обходи кругом”, – кричит мне брат мой африканец. Палуба, пассажиры, корабль, негритенок – все куда-то исчезло. Теперь надо обходить кругом. А зачем?

ЖЕМЧУЖИНА И ПЕТУХ

Я шел по городу Ренн и вгрызался в корку хлеба – так ожесточенно, словно это было мое сердце.

●

Туман, и сквозь него – звезда-паук.

●

Солнце обшито кружевами.

●

Не правда ли, колос и тополь чем-то похожи? Колос означает изобилие, а тополь – гордыню.

АБСТРАКТНЫЙ РАЙ

Солнце стояло под деревьями, и они не отбрасывали теней. Деревья были совершенны, и у них не было листьев. Звери тоже были совершенны, и у них не было ни шерсти, ни когтей. И там я видел и слышал. Я видел людей, возвысившихся до простодушия; они играли, потому что все было необязательно. Они играли в портных, в ломбард, в корриду – и женщины были нагими.

– Будь добра, передай мне ножницы, я хочу обрезать эту нитку, – сказала светловолосая (или седая) красавица шестисот лет отроду, абсолютно нагая. И ее слова вызвали невинный смех у этих дам, проживших века и знавших все.

– Куда ты думаешь определить своего мальчика, когда ему исполнится тысяча лет?

– До совершеннолетия он будет играть в префектуре, а после – в Государственном совете.

РОМАН С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Итак, авто остановилось у отеля в Шартре. Кто сидел в авто, кто приехал в отель – то ли Тото, то ли Тотель – вот что вам интересно. Но этого я вам не скажу. Никогда. Даже не надейтесь... Парижанам часто приходится останавливаться в отелях Шартра; владельцы отелей этим очень довольны, парижане – не очень... Гарсон взял ботинки того, кто приехал в автомобиле, и вычистил их. Однако вычистил он их плохо: прислуга не могла уделять должное внимание чистке ботинок, потому что автомобилей в Шартр приезжало много, а отелей там мало. К счастью, наш герой не обратил внимание на то, что его ботинки плохо вычищены. Зачем наш герой приехал в Шартр, в этот древний и славный город? Он приехал искать себе врача: в Париже развелось столько болезней, что уже не хватало врачей.

Поль КЛОДЕЛЬ (1868-1955)

ДУХ И ВОДА

После долгого молчания в дыму,

После нескончаемого молчания, многих дней вежливого молчания в дыму, среди пересудов и копоти,

После испарений возделанной земли и бормотания мишурных городов –

Вдруг – возвращение Духа, возвращение дыхания,

Вдруг – неясный толчок в груди, приход слова, вдруг – веяние Духа, резкий порыв, вдруг – нисшествие Духа!

Так бывает: перед первым ударом грома приходит с ночного неба посланный Громовержцем ветер и вздымает над хижинами вихрь из соломы, пыли и сохнущего белья!

Господи, вначале Ты отделил воды, которые над твердью, от вод, которые под твердью,

И потом отделил от этих вод

Сушу – словно ребенка, вышедшего из плодоносного материнского чрева –

Горячую землю, вскормленную дождем, словно молоком, и производящую зеленые листки.

В дни скорби, как в день творения, Ты сжимаешь своей всемогущей дланью

Глину человеческой плоти, и дух брызжет между Твоими пальцами.

Теперь, когда столько земных дорог уже пройдено,

Прими эту новую Оду, Большую Оду.

Она не может зазвучать и начаться, ведь она была и раньше – как шум моря, в который постепенно начинаешь вслушиваться.

Она – море человеческой речи, скрытое пеленой тумана; но когда в этой пелене образуется просвет, поверхность моря идет рябью от порыва ветра или отражает внимательный взгляд госпожи Луны.

Я поселился возле дворца цвета древесной тоски, под множеством крыш которого затерялся гниющий трон.

Я живу на самом крупном обломке рухнувшей империи,

Вдали от морской свободы и чистоты, на самой земной из земель, – живу и понемногу желтею.

Здесь даже дышат землей: после каждого глотка воды или воздуха на зубах скрипит песок.

Здесь сходятся грязные каналы, разбитые старые дороги, караванные тропы, протоптанные ослами и верблюдами.

Властелин полоски чернозема ведет свою борозду, а потом, выпрашивая дождь, тянет руки к Небу – Небо ведь так полезно в хозяйстве...

В те дни, когда непогода обрушивается на побережье, маяки и скалы стоят, покрытые клочьями пены.

В те дни, когда дует древний ветер земли, каменный город отверзает перед ним свои врата.

Отверзаются великие Врата Желтого Ветра; их проемы, способные поглотить боевого слона, зияют рядами друг над другом – три ряда по три проема –

И врывается ветер, несущий пыль и пепел, большой ветер, серый от праха Содома, империй египетской и персидской, и Парижа, и Тадмора, и Вавилона.

Но мне уже нет дела до ваших империй, до этого тлена,

И до всех вас, копошащихся там, внизу.

Ведь я свободен! Что мне до ваших жестокостей? Ведь я-то свободен! Я нашел то, что искал! Я вырвался на волю!

Я покинул тварный мир и соединился с творящим духом, текучим и ненасытным.

Кто может вскапывать море, унавоживать его, как грядку гороха,

Решать, что на нем посадить: капусту или свеклу, люцерну или пшеницу?

Море – это сама жизнь; без моря все мертво. Как я жажду этой подлинной жизни, вне которой – только смерть!

Море – это сама жизнь; все прочее смертно – и для меня смертоносно!

Как мне не хватает жизни! Во мне слишком много пределов. И я смотрю на море.

Я смотрю прямо, направо и налево

И повсюду вижу море – там, и вот там, его становится все больше, оно беспредельно!

Какое счастье, что море неохватно для моего взора!..

И хватит с меня вашей питьевой воды.

Мне не нужны ваши воды – усмиренные, покорные солнечным лучам, пропущенные через несколько фильтров, текущие под уклон,

Покладистые, продажные.

Я не стану черпать из ваших источников. Ведь мне нужна вода – один из четырех элементов, первичное вещество.

Мне нужна мать.

Нас ждет море – соленое и вечное, великая серая роза. Я иду в рай! Я иду к морю, чьи глубины подобны зеленым недрам виноградины!

Я ухожу в море навсегда! Как старый моряк, я буду узнавать землю лишь по ее огням и по зеленоватым или багровым звездам.

...Вот я уже на набережной, среди тюков и бочек, – надо отдать бумаги консулу – пожать руку носильщику –

И вот, наконец: "Отдать швартовы !" – удар колокола – мы огибаем мол – и опять вокруг меня

Безначальная и бесконечная морская зыбь!

Но

Ни на матросов,

Ни на пожирающих друг друга рыб

Я не смотрю. Я вижу лишь море – его совершенство, его трепетание.

Я вижу воду, живой элемент, – и я ликую, я сверкаю, как сама вода! Мне передается свобода всепроникающего моря!

Вода

Непременно сольется с другой водой

И родит неповторимую каплю.

Если бы я был морем – распятым, растянутым меж двух материков миллионами рук –

Всей округлостью своего чрева я ощущал бы властную тягу небесного купола, освещенного изнутри неподвижным солнцем.

...Я – море, я напрягаю все свои корни, я знаю их по имени: Ганг, Миссисипи,

Сложные переплетения Ориноко, длинную нитку Рейна, Нил с его клубнями;

Я знаю льва, который ночью выходит к реке напиться, знаю болота и подземные протоки, знаю, как бьются сердца людей, длящих свое мгновение.

...Но нет! Я не море, я – дух! И как вода

Стремится к воде, так дух стремится к духу.

Дух – это потаенное дуновение,

Дух – творец; он рождает в нашей груди радостный смех. О, дух жизни, великий порыв ветра,

Ты щекочешь, пьянишь и заставляешь смеяться!

О, как я свободен в своем движении: никто не отнимет у меня моря! На любой глубине меня встретит упругое сопротивление бездны.

Оттуда, из глубин, в вихре пузырьков поднимаются двенадцать морских богинь;

Зеленоватые и хрупкие, они скользят в толще воды;

Они радуются ослепительному дню, обрамленному кружевом пены, они парят в морской бездне, а море бурлит и искрится, объятое холодным желтым огнем!

Разве

Меня остановит дверь или стена? Вода

Пахнет водой, а ведь я еще более текуч, чем она!

Вода пропитывает землю и расшатывает камни, скрепленные цементом; мои мысли подобны ей – они проникают повсюду!

Вода, породившая землю, растворяет ее в себе; дух, сотворивший дверь, отодвигает засов.

Но что такое вода по сравнению с духом, ее сила –

По сравнению с его творческим могуществом, металл – по сравнению с литейщиком?

Я обоняю, угадываю, постигаю

Суть вещей! Во мне слились гениальность и неведение, я исполнен божества!

Вы, незримые духи, неустанно созидающие нашу жизнь,

Знайте: я так же силен, как вы, я неистов, и я свободен, свободен подобно вам!

Каждый раз с приходом весны

Дерево творит, рождает своей душою

Зелень – вечную зелень,

Остроконечные листья, созданные из ничего.

Я человек,

И я знаю, что делаю.

Та же мощь, та же власть рождать и творить

Есть и у меня. Я – повелитель.

Я живу в мире, и во всех его частях торжествует мой разум.

Я знаю все вещи, и все вещи знают меня.

Я дарю каждой из них свободу,

И я

Спасаю вещи от одиночества, соединяя их в своем сердце. <...>

(Из сборника "Пять больших од", 1910)
Пер. с французского *Андрея Графова.*

Гиви ГЕГЕЧКОРИ (род. 1933)

ИЗ "МАЛОГО ЗАВЕТА"

Расквитавшись сполна с темно-серым взыскательным Светом,
Где мышиной возне отдают предпочтенье калеки,
Я останусь для всех неизвестным, забытым поэтом,
Буквой "Г" над ячейкой студенческой библиотеки.

Но однажды с утра, миновав небылицы и были,
Ты зайдешь в магазин и, увидев невзрачную книжку,
Вновь узнаешь меня среди букинистической пыли,
И покупку грошовую трепетно сунешь подмышку.

И тогда ты поймешь: что тревожило, мучило, било
Обреченную Лиру, и слова упавшее семя
Ей досрочно вернет благозвучную мудрую силу,
Отменив приговоры, которые вынесло время.

И в полуденный миг, и в часы городского затишья,
Под рыданье Эвтерпы и дьявольский смех Мельпомены,
Не удержат меня в затхлом карцере чертверостишья:
Ни дверные замки, ни решетки, ни блочные стены...

Моя светлая тень будет мерно и плавно качаться
На деревьях, мостах и подножках навтлугских трамваев,
И в условленном месте с другими тенями встречаться,
И разбрасывать блики, как перья ручных попугаев.

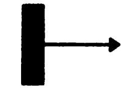
Отделясь от стихов, я вернусь в королевство Тифлиса,
Где придворные бабочки крутят вечернее сальто,
Где под солнцем Гефеста кустов обожженные лица
Льют амброзию мая на мертвую сухость асфальта.

И на мне остановит рассеянность грустного взгляда
Многодумный король, осененный астральной короной –
Это будет мой рай, где под сводом фруктового сада
Млеет сердце в грехе, как в ладони орешек каленый.

И в минувшем окажутся все авантюры, интриги...
Но не тронет беспамятство ту, что меня воскресила,
И уже не смогу я стать строчками собственной книги, –
Лишь подфарник вдали вспыхнет красною веткой кизила.

Москва – август – 1991 г.

Пер. с грузинского *Германа ГЕЦЕВИЧА*

ОТ РЕДАКЦИИ

Ввиду того, что статья Анны Рапопорт "Истоки хасидизма" (НОЙ, № 9) была опубликована со значительными сокращениями, редакция считает необходимым внести в нее ряд уточнений и дополнений.

Вследствие сокращения первого абзаца статьи, в котором идет речь о современных хасидах Хабада, у читателя может сложиться ошибочное представление о тождестве этого течения современного иудаизма с составляющим предмет статьи хасидизмом Баал-Шем-Това, который, хоть и послужил отправной точкой в создании философии Хабады, однако подвергся в ней значительной модификации.

Считаем необходимым восстановить некоторые упущенные при сокращении, но существенные для понимания хасидизма положения:

В полной мере придерживаясь раввинистических традиций, Бешт никогда не отвергал предписанных в Торе и Талмуде правил жизни, но тем не менее трактовал их значительно либеральнее, чем традиционные раввины. В отличие от них, он не считал, что скрупулезное изучение Торы и точное соблюдение предписаний вернее приближает к Богу, чем искренняя вера простого человека, который не может уделять много времени изучению Торы или молиться в должное время и в должном месте, но который, веруя и уповая, посвящает свою жизнь Богу.

Баал-Шем-Тов превратил каббалистическое учение о "святых искрах" в этический принцип, распространив его на все без исключения стороны жизни.

С этим экзистенциальным акцентом в хасидизме, равно как в его демократизме, связана роль в его функционировании и литературе иллюстрирующего и поясняющего мысль рассказа, притчи, соседствующей с трактовкой священных текстов и теоретическими изысканиями, а часто и заменяющей их.

Бешта обвиняли в пантеизме, однако нет оснований считать, что Бешт отождествлял Бога и природу, это противоречило бы основополагающей традиции иудаизма, согласно которой Бог трансцендентен сотворенному Им миру. Бешт считал, что, поскольку Бог не только трансцендентная причина мира, но присутствует и действует всюду и всегда, человек может обрести единение с ним многими разнообразными путями.

Редакция приносит извинения автору статьи и читателям.

Вардван Варжапетян

БАЛЛАДА СУДЬБЫ

Повесть о Франсуа Вийоне

Франсуа Вийон

СТИХИ

1994

«Баллада судьбы» начинает серию книг, которую со-
ставят своеобразные «двухтомники» под одной облож-
кой: роман или повесть о великом поэте и собрание его
стихов. Ближайшие выпуски будут посвящены Публию
Овидию Назону, Ли Бо, Григору Нарекаци, Омару
Хайяму.

АРМЯНЕ И ЕВРЕИ

Цифры. Даты. Имена.

Москва. "НОЙ", 1995. – 272 с.
ISBN 5-7270-0013-0

Первый в мире справочник, содержащий тысячи данных по истории, демографии, политике, науке, культуре, спорту Армении и Израиля.

Эта книга предназначена прежде всего библиотекам, университетам, редакциям.

Замечания и пожелания читателей будут учтены при подготовке второго издания.

ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

JEWS IN THE CULTURE OF RUSSIA ABROAD

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!
ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМ ВНИМАНИЮ I и II ТОМА СЕРИИ
ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Редакция книг ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ заинтересована в статьях, мемуарах, публикациях и эссе высокого профессионального уровня, содержащих непубликованные ранее материалы и/или новые аспекты проблем, которым посвящены наши книги. Будем рады получить статьи обобщающего и дискуссионного характера.

Направляемые статьи, по возможности, должны быть интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Просим учесть, что при нашем глубоком уважении к сионизму и чисто еврейской культуре, предпочтение отдается статьям, посвященным роли евреев в РУССКОЙ культуре. Не приветствуются и материалы об антисемитизме: редакция полагает, что отношение между русской и еврейской интеллигенцией складывалось не столько из противостояния, сколько в сотрудничестве.

Ориентировочный объем работы – 10-20 стандартных машинописных страниц, однако допустимы и отклонения в ту и другую стороны. Статьи должны быть хорошо иллюстрированы. Авторов, впервые направляющих материалы в наши сборники, просим присылать краткую биографию и фото для раздела "Об авторах".

В 3-м и 4-м томах (преимущественно о времени второй мировой войны и послевоенном периоде) и 5-м и 6-м (преимущественно о последних десятилетиях) предположительно будут те же рубрики, что и во 2-м:

1. Литература, критика, языкознание;
2. Книжное дело и периодика;
3. Архивы и мемуары;
4. Русские евреи в Палестине (Израиле);
5. Искусство;
6. Философия;
7. История. Общественные деятели.

Начата подготовка театральной и музыкальной рубрик.

В дополнительных томах будут напечатаны непубликовавшиеся произведения русских евреев-эмигрантов.

Заказы, письма и статьи просьба направлять составителю и издателю
Михаилу Ароновичу Пархомовскому по адресу:
M. Parkhomovsky 648/4 Mishlat St. Israel. Tel. (02) 917039

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор В.Варжапетян
Главный художник В.Петров
Обложка художника М.Ибшмана

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР N 020338 от 26.12.1991 г.

Набор, верстка, макет
Илья Воронов и Екатерина Эйдельштейн

Подписано в печать
Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная
тираж **999**

Заказ № 217

נח
יא